

League of Legends

АКТ 2

Стальная маска

История Витуса Гальего

Витус Гальего — порождение союза человека и вечного охотника. Ощущая себя своим среди чужих, он отправляется в путешествие, с целью изучить людей и стать "одним из них". Дорога его не легка, цель недостижима, но он продолжает свой путь, проходя вереницу потерь и лишений.

Это история Витуса Гальего, маленького существа в большом мире.

Путь в Демасию

<<Каждый желающий прокатится по землям Демасии, может лицезреть множественные фермерские угодья с десятками гектаров полей, усеяных пшеном, овсом, картофелем и иными сельхозкультурами. Они дают пищу работникам, денно и ночью пахающим в поле; служат надеждой нищим, пытающимся прожить до нового рассвета; поставляются в созревшем виде на столы баронов и графов, закупаются кабатчиками и армией. Если говорить коротко, то сельхозкультура является неотъемлемой частью демасийских земель. Леса в царствовании богачей; они нанимают ловчих, чтобы те поставляли им свежее мясо. Такое деление на статусы обыкновенно не заканчивается ничем хорошим и многие революционеры, анархисты и иные герои наших дней висят на шибеницах в назидания всем инакомыслящим.

Эти "столбы позора", как мы их называем, можно увидеть вдоль большака и совершенно невозможно миновать хоть один из них на пути в столицу. Там висят все, ведь тугая верёвка на шею не разбирает правых и виноватых; то место для культистов с северных гор, священнослужителей храмов, бедняков, баронов, героев, трусов, воинов... Вскоре их тела превращаются в подобие скелета с тонким слоем кожи, которую, по обыкновению, в летнее время излюбляют вороны. Они собираются стаями, выклёвывают глаза, вырывают язык и не брезгают...>>

— Святая Кейл, вот ужас. Пожалуй, хватит на сегодня литературы.

Витус потянулся, размял затёкшие за длительное пребывание в экипаже мышцы и, отложив книгу, носившую название "История Демасии", поддался вперёд, минуя многочисленные мешки, ящики, бочки; одним словом — провиант, — и всё нужное в дороге. Вот уже трое суток четвёрка белоснежных жеребцов везут их в земли Демасии, и, если верить пожилому кучеру, вскоре они обязаны добраться до границ Ноксуса.

Эта поездка, если говорить начистоту, была самая скучная в жизни Витуса. Всё, что он делал за прошедшие три дня, так это читал, трапезничал, выпивал и слушал болтовню дяди Винуена. Книги наскучили ему быстро, еда не отличалась изыском, а вино не пьянило, и единственным спасением в этом тяжком испытании становились рассказы кучера. А тот всё не умолкал, только дай ему свободу почесать языком. Как мы уже обмолвились, он говорил столь много, что наше перо не сумело бы записать и половины того, о чём вещал старец. Другое дело был господин Мальцепани. Он говорил кратко, будто бы имел в запасе определённое количество слов и не хотел попусту растрачивать их. Однажды, случилось это близ Паклиффа: он поравнялся с экипажем Витуса и неожиданно заговорил:

— Палклифф. Хуже маршрута не придумать. Здесь живут демасийцы, но Ноксус отнял эту землю и провозгласил своей. Каменщики, м-гу, народ суровый. Смотрите в оба, господин, и мой вам совет: накиньте капюшон.

Витус опешил то ли от слов главы эскорта, голос которого был сродни чуда, то ли от слов, которые молвили его уста. Опасаться? Ему? Пф, вот умора! Кто бы ни напал на них, выходец из лесов был к этому готов; его кортик покоился на поясе, а бурлящая кровь требовала приключений. Страх заменила уверенность, та самая, которую приписывают глупцам. Неожиданно для себя он ответил:

— Для таких случаев и существует эскорт.

— Вы убивали невинных? — лицо господина Мальцепани сделалось каменным, а в

глазах сверкнуло раздражение. — Когда толстосум набивает брюха трудами фермеров, про этих трудяг не вспоминают, их гоняют розгами, чтобы те работали быстрее. И, если овца скалит зубы, её легче прирезать, чем перевоспитать. Каменщики, мой господин, народ суровый, будьте осторожны.

Витус, обещавший себе больше не опешивать, опешил вторично. Его спину покрыл холодный пот, будто бы слова главы эскорта были сродни предупреждения. Ждёт ли его опасность? Что скрывают в себе слова мужчины? Нет, конечно нет, всё это — лишь издержки профессии, ведь Мальцепани долгое время промышлял наёмничим промыслом, вот и несёт всякую околесицу. Когда юноша закончил монолог с самим собой, обнаружил, что <<пятёрка тёмных>> окружает экипаж. Неужели каменщики и правда могут быть опасны? Ответ явил себя через несколько минут.

Было решено съехать с главной дороги и двигаться зигзагообразной тропой. Это был опасный путь, но в то же время он позволял быстрее добраться до нужной цели; риск был оправдан. Экипаж продвигался по тропам примерно в четыре локтя ширины; внизу волны набегали на скалы, будто бы хотели взять их штурмом; ветер завывал свою песнь; небо недовольно хмурилось.

Следуя тайной тропой, используемой немногими купцами, они подъехали к Паклиффу. То селение представляло собой сборище квадратных домов с несколькими загонами для скота, наляпаных на землю без какого либо архитектурного изыска. Перед их очами предстала следующая картина: несколько ноксианских воинов согнали жителей на пустой поляне чуть дальше селения; там были все, начиная от новорождённых и заканчивая едва стоящими на ногах старцами. Перед ними расхаживал важный павлин: мужчина в преклонном возрасте, с раздутым животом и надменным взглядом. По сравнению с ними он был изысканно одет, в то время как его слушатели прикрывались разорванными туниками. До Витуса долетели обрывки слов:

— Добрый господин, но поймите же вы наконец: мы не можем добывать больше! После этого обвала...

— Ты поглядите, — обратился сановник к одному из сопровождающих, усмехнулся, — Нашли они мне тут причину, чтобы не работать. Да вас розгами гонять мало! Ух, неровен час сгоню вас всех за "Ворота Скорби", почувствуете на себе гнев демасийских солдат! Они шутковать с изменниками не намерены. Вы, грязный скот, только и заслуживаете...

Экипаж продвигался дальше, посему более Витус не сумел ничего расслышать. Он наблюдал за этим сборищем людей, видел, как одному из них в назидания остальными вывернули руку, ещё одному разбили лицо; такие методы запугивания были весьма действенными. Юношу охватило сожаление. Ему хотелось спрыгнуть на землю, сорвать мешок динаров и осыпать ими головы несчастных, сказав: <<Вы свободны!>>

Но свободны они не были; как ни посмотри, эти люди находятся рядом с границей Ноксуса, которая ещё недавно принадлежала Демасии. Они были вынуждены построить стену, и их постройка, в конечном итоге, послужила границей. Строили ради спасения, но обрекли себя на ещё большие муки. Кто эти люди? Скот, рабы, бесплатная рабочая сила... Мир жесток, судьба коварна и мы не в силах изменить положение некоторых вещей.

— Если овца скалит зубы, её легче прирезать, — прошептал господин Мальцепани, кинув пустой взгляд на Витуса; юноша содрогнулся.

— У овцы нету клыков... — пальцы выходца из лесов прошлись по надетой маске; настало время долгих дум.

Вскоре экипаж вновь был на дороге, эскорт собрался позади, а Витус преобразился после увиденной сцены. Он будто бы был ребёнком, который увидел нечто, для его возраста непозволительное, что-то, что он не может понять. И правда, Витус не мог понять извращённого правосудия Ноксуса, где преступник — обычный крестьянин, пытающийся выжить и едва сводящий концы с концами. В то же время он не мог обвинять сановника, потому как тот работал на правительство, а оно в большей степени, всегда право. Его разрывали противоречия. В одночасье юноша вспомнил слова Патриция, его предостережения, но всё ещё относился к ним легкомысленно. Он был опьянён воздухом свободы, ощущал себя птицей наконец-то познавшей радости полёта. И, всё-таки, думы его были колоритны...

Далее поездка продолжалась без привалов и совершила остановку лишь у "Ворот скорби" — исполинской стены, раскидывающей свои объятия на десять ярдов; она была границей и, как бы, делила два мира, таких разных, но в то же время идентичных в своём стремлении возвысится над соседом. Путникам, желающим пройти через это препятствия, предлагалось предоставить документы и подтвердить личность. В случае обнажения гнусной натуры, стража тут же принималась за плута, и тогда ему ничего не оставалось, кроме как сдаться в лапы правосудия. И правда, захочешь убежать — лучники подстрелят, решишь отмахиваться — несколько десятков воинов в стёганках проткнут своими пиками, а после прямая дорога на эшафот, который, к слову, имел честь и на землях Ноксуса. Старик рассказал, как однажды стал свидетелем казни вора. <<Ух и кровюки тогда было! Хлестала, как из фонтана!>> Немудрено, что от таких рассказов Витусу поплохело.

В одночасье юноша задумался: <<Кем был тот вор>>? Украл ли он золото, быть может, похитил баронессу в лучших традициях романов или же совершил неудачное покушение на кошель знатных господ; нельзя исключать, что этот нечестивец позарился на малочисленный скот жителей Паклиффа и был уличён в своём злодеянии. Но в то же время Витусу казалось, что герой рассказов старика, мог быть несчастным каменщиком который украл единственную важную вещь — свободу. Он хотел бежать, скрыться, но его приговорили к казне. Больше выходец из лесов не думал, ему стало дурно от подобного и чтобы прийти в себя, он стал разглядывать торговцев толпившихся перед его экипажем. Там были все: шарлатаны, продающие "целебные" эликсиры, пешие торговцы и даже хозяева ослов, чьи питомцы двигались с большой неохотой. Вскоре все они прошли дальше, и настал черёд наших героев предъявлять бумаги.

— Эй, старик, куда едешь? — задал вопрос один из стражей "Ворот скорби", давая сигнал товарищам осмотреть экипаж. — Не знаешь, что ли, за груз больше двух мешков нужно платить мзду!

— Эх, да как же так? Мой господин будет...

— Оглох, что ли?! Говорят тебе, плати мзду или проваливай в конец очереди, сначала идут те, кто налегке.

Стражники со скучающим видом осмотрели дно экипажа, проверили её содержимое и, кажется, даже не обращали внимания на Витуса. Герой наконец-то нашёл письмо, с решимостью вождя, вышел наружу и вручил его хранителю власти. Тот взял его, сорвал печать и, бегло пробежав глазами, вздохнул.

— Эх, а могли на пару рунитов надуть...Кхм, прошу прощения и приношу соболезнования, господин Гальего. Для вас путь открыт.

— Эк как, даже мзду платить не надо? — послышался голос старика за спиной Витуса.

— Рады служить, доброй дороги, — приторно улыбнулся стражник и, отдав письмо юноше, приказал пропустить Гальего и его эскорт.

Это была последняя остановка Витуса на пути в Столицу, и вскоре, а если быть точным, этим вечером, экипаж въехал в город. Но перед тем, как добраться до назначенного места, герой смог лицезреть земли Демасии, будто бы сошедшие со страниц одноимённой книги. Они миновали множественные деревни, где на полях пшеницы, трудились жёны и мужья, дети и старцы; стали свидетелями нескольких повешенных, которые становились грушей для битья толпы лодырей, что возомнили себя стражами света; купили несколько хлебобулочных изделий у добродушной старушки и даже наткнулись на дуэт бардов, чьими устами были рассказаны многие шутки. Когда небо приобрело оранжевый окрас, на горизонте появилась огромная точка с несколькими, уходящими вверх шпильями, будто бы держащими солнечный шар. То была Столица, встречающая новых путников...

Они проезжали многочисленные улочки, ощущая себя заплутавшими в лабиринте зданий, сделанных из белого камня с вытянутыми в длину и ширину рамами. Отовсюду доносились голоса: кто-то кричал, спорил, смеялся; несколько девиц веселились, отплясывали каблуками по мостовой, а их ухажёры восхищённо аплодировали; велись торги, большие и малые, торговцы разного калибра проводили сделки, и каждый желал остаться в плюсе; кошки мяукали, собаки лаяли, а где-то в домах баронов раздраженно закапывались в сено хомячки. Город жил своей жизнью и, как бы, зависел от своих обитателей, ведь что такое Столица без показов мадам Пулери владеющей самой модной лавкой на всю Демасию; нельзя представить город без цирка братьев Цофро с представлениями мечеломов поро; нам страшно думать, что когда-нибудь салон Пуше закроется и десятки молодых баронесс уйдут к подражателю Мигелю; немыслимо даже думать, что когда-нибудь воркующие голубки перестанут приходить в сады близ дворца, наслаждаясь величавой работой группы садовников, которые способны не только облагородить, но и воссоздать фигуры, точно скульпторы, погибших героев. Это означало бы гибель для Столицы.

Всем известно, стоит лишь глянуть на человека, и можно догадаться, откуда он родом. Жителям Столицы был присущ пафос, потому и одевались они с шиком, а так же вели праздничную жизнь, наполненную светлыми днями, будто бы свет Кейл озарял этот город, а всё темное оставалось за неприступными стенами. Даже "средний класс" жил здесь достойно, впрочем, находились и уличные шайки, готовые на любую пакость и скрывающиеся в лабиринте переулков. Мы многое сказали, и пора бы возвращаться к нашим героям.

Итак, экипаж проехал несколько улочек и остановилась у первого попавшегося трактира, названия которого Витус не разглядел. Тень будто бы нарочито желала скрыть те несколько слов на вывеске заведения. Не сильно интересуясь этим, юноша отворил дверь, попросив (приказом это можно было назвать с большой натяжкой) соратников дожидаться снаружи.

Как только ноги его переступили порог, а дверь закрылась, он почувствовал на себе многочисленные взгляды. Кутаясь в дорожный плащ, точно нищий пытается согреться, герой добрался до стойки, пробираясь через толпы народа. Не мудрено, что завсегдатаи и гости заведения обращали на него внимания, ведь его стальная маска пусть и скрывала происхождение, однако была способна заинтересовать кого бы то ни было. Кто этот

человек? Наёмник? Шпион? Ассасин? Шёпотки сыпались отовсюду. Расположив свои руки на деревянной поверхности стойки, Витус встретил взгляд хозяина, протирающего миску; глаза его выдавали брезгливость.

— Найдётся ли свободные комнаты для меня и моих спутников? Нас...

— Нет.

От такого ответа юноша опешил и не сразу пришёл в себя, лишь по прошествию нескольких секунд он сумел выпрямить спину и с заговорческим видом стал настаивать:

— В таком случае, мы могли бы расположиться в конюшне за таверной. Она ведь...

— Мест нет.

Герой мог, и следовало бы это сделать, попытать счастье в другом месте, но проснувшийся азарт заставлял его идти до конца. Ведь происходящее сейчас можно сравнить с поединком: если он даст слабину, противник его уничтожит. Преисполненный решимостью в своих действиях юноша достал увесистый кошель из-за пазухи и положил его на стойку; громко звякнули монеты, приковали взгляды сидящих рядом. Хозяин таверны стал пересчитывать и довольно ухмыльнувшись, ответил:

— Один господин бронировал комнату на вечер, но не пришёл в назначенный час, его время вышло. Компания торговцев оповестили меня о своём визите, но вот уже несколько часов я их дожидаясь. Их время, увы, вышло. Что ж, господин, кем бы вы ни были, можете занять комнаты семь и двенадцать на втором этаже. Прислуга сделает всё, что нужно.

Витус чувствовал себя победителем, но вскоре осознал, что добился своего самым нечестивым путём. Этим же вечером его эскорт поселился в комнатах торговцев, пришедших несколькими минутами позднее, а Витус занял ложе молодого барона, прибывшего с миловидной кокеткой в точно назначенный срок. В обоих случаях на жалобы якобы опоздавших хозяин заведения разводил руками, мол, ничего не знаю.

И вот герою подали завтрак, представляющее собой куриное мясо с дольками запеченных яблок. Оно заставило предаться воспоминаниям, и в одночасье Витус словил себя на мысли, что уже несколько минут тупо глядит в одну точку, вспоминая мать. Когда-то давно, когда юноша был ещё совсем малышом, Овечка поджаривала добытые Волком яблоки на костре, а иногда и толчила их в ступке, создавая пюре. Юноша может поклясться, что ничего вкуснее с тех пор не пробовал.

На губах его расплылась улыбка, плечи познали эфемерные прикосновения ностальгии, будто бы в тот миг Овечка находилась позади и вот-вот была готова прошептать: <<Сынок, давай спать.>> В одночасье захотелось вернуться назад, бегом добраться до знакомой чаши и, встретив Овечку, зарыться в её шерсть, познав минуты счастья. Мы говорим счастья, ибо разлука матери и её чада всегда наполнена горечью, а воссоединение вбирает в себя самые чистые, светлые эмоции. Нет ни одной женщины, что была бы готова отправить своего отпрыска на виселицу. В данном случае, подражая мыслям Патриция и осознавая в какой угрозе находится юноша, слова о виселице весьма актуальны.

Все эти мысли полчищем жужжащих шмелей мешали уснуть, и лишь под утро герой сумел сомкнуть веки, отправляясь в липкое ничто, пустоту сна, великую темноту мироздания. Счастье тем, кто, укладываясь спать, видит добрые сны, расслабляется телом и душой, Витус же мог лишь мечтать об этом: кошмары набросили на него сети и сопровождали отголосками былых дней до самого рассвета. Это была поистине дурная ночь...

Прошу представить: вы не спали всю ночь, кошмары мучали вас, резко вырывая из полудрёма, а на утро пришлось любезничать с глупой подавальщицей, которая решила, будто бы вы нуждаетесь в услугах особого рода. Итак, думаю, для читателей становится понятно, в каком состоянии Витус покидал таверну. Он был хмурым, сонным, а потому злым. Только герой хотел сесть в экипаж, как тут же из заведения выбежал хозяин и стал ворчать:

— Ох, милый господин, куда же вы? А как же оплата? М-да, видимо ваша голова забита столькими важными вещами, что оплата комнаты и мясных изысков для вас стоит второстепенно. Ну, ничего, я рад напомнить вам о такой мелочи.

— О чём вы? Вчера я вручил вам...

— Господин! Как же, вы не знали? Ваши лошади, все девять, сожрали столько овса, выпили столько воды! Ох... Извините мою горячность, но тех рунитов, которые вы мне любезно вручили вчерашним вечером, едва хватит чтобы покрыть даже малую часть расходов за ваше пребывания.

Витус с минуту стоял как истукан, не понимая, чего от него хотят. В ином случае он уже давно бы отдал кошель золота и отвязался от докучливого хозяина таверны, но сейчас герой будто бы решал, столкнулись ли он с действительностью?; прикидывал расходы и недоумевал, как с него могут требовать столь баснословной суммы.

— Язык у вас больно длинный. Поглядите на этого рубаку. Это Вини по кличке Резец. Знаете, что он любит резать? — слова главы эскорта, мастера Мальцепани остудили пыл плута, и тот уже было уступил, но герой достал из-за пазухи ещё один кошель, толстый, как бурдюк вина, и кинул его хозяину заведения.

На сим претензии были исчерпаны, а разговор подошёл к концу. Этот нечестивец не узнал, что же любит резать рубака Вини, и почему он получил кличку Резец. А дело ведь обстояло в абрикосах. И вот копыта лошадей снова стучат по каменной кладке, экипаж вновь двигается в путь, а за ним, точно призраки, "пятёрка чёрных".

О, как же хорошо жить в Столице! Здесь можно любоваться на чудаков, носящих пёстрые одеяния, заигрывать с кокетками, покупать безделушки и слушать мелодичные голоса певиц, доносящиеся с кабаков. На площади, которую миновал экипаж Витуса, можно лицезреть громадную, прямо-таки гигантскую статую Галио — спящего титана, готового защищать свою отчизну; когда придёт время, он пробудится, и тогда врагам несдобровать. Местные художники облачили его в штаны, а совсем отчаянные вандалы умудрились пририсовать его неустрашимому выражению лица усы. Эта статуя была своего рода достопримечательностью. Автор книги <<Вокруг света с дырявым карманом>> советует первым делом по прибытию в Столицу навестить Галио и впечатлиться его несокрушимым станом. Живой ли он в самом деле, или же это рассказы фантастов? Мы не знаем.

Вскоре экипаж добрался до оживлённой улицы, и дядюшка Винуен посоветовал Витусу продолжить дальнейший путь пешком. Наш герой поправил свою маску, перекинул через плечо сумку, положив туда всё, что могло быть необходимым, а кортик прикрепил к ремню. Готовый двигаться дальше, герой попросил эскорт оставаться здесь, ибо встреча с Кано обязывала его прибыть в одиночестве. По крайней мере, он так думал.

Руководствуясь логикой, Витус спросил у первого встречного, как добраться до дворца,

тот ускорил шаг. Тогда он попытался ещё раз, но всё тщетно. Люд просто проходил мимо, а если и обращал внимание, то с видом крайнего недовольства и уже привычной юноше брезгливости. Стража так же не собиралась помогать, и слова о награде не заставили их передумать.

Блуждая по городу, точно бочка в открытом море, выходец из лесов забрался в один из тех кварталов, которые стараются обходить стороной. Там всегда много мух, ночные горшки выливаются прямо на улицы, а их жители чаще всего не показываются из оконных рам. Это был неблагоприятный район, где проживали личности, просим прощения за неточность, где *выживали* личности безработные, осиротевшие и больное. Место, оставленное Кейл. Здесь смердело до слёз и даже крысы подыхали от клубов пара, вырывающегося из подвальных помещений.

Витус, понимая, что забрался в дурное место, решил двинуть назад, но на конце улицы путь ему преграждали шестеро личностей разного телосложения, вида и цвета кожи. Он мог бы дать им отпор, ибо понимал, что эти джентльмены не собираются приглашать его на чай, но решил быть более сдержанным, ведь был котом, терпящим нападки мышей. Тогда юноша отправился вперёд и, завернув несколько раз за углы домов, добрался до свободного выхода с улицы, идущей вдоль стен Столицы.

На пути героя, сидя оперевшись к стене здания, находилось существо, завернутое в лохмотья. Оно было всё грязное, смердящее и потерянное. Казалось, он сторонился солнечного света, был ребёнком тьмы, рождённый и тут же брошенный. Витус не понял, скорее почувствовал, что это не низкий человек, а дитя. Дитя! Тогда он достал толстый кошель со своей сумки и самым безразличным видом прошёл мимо, оставляя золото под ногами нищего, будто бы оно только что упало с неба.

— Ждут.

Юноша остановился, обернулся на сиплый голос и в конце улицы обнаружил несколько стремительно приближающихся теней.

— Лево. Право. Лево. Вперёд. Ключ от калитки под ковриком.

Герой не сразу разобрал слова мальчика, а после, собрав их воедино, юркнул в левый проход. Следуя подсказке нищего, он сумел добраться до нужного заграждения и даже ключ отыскать не составило труда. Открыть дверь, закрыть её снова и забрать ключ с собой убегая на оживленную улицу — всё это заняло у Витуса всего ничего. Он будто бы только что побывал в шторме и выбрался оттуда живым. Адреналин ещё не успел покинуть его крови, а взгляд Витуса уже обнаружил величественное здания дворца. Таким вот странным образом герой добрался до цели и был этому несказанно рад.

Мы могли бы описать дворец и дать читателю роль призрака, бродящего по его длинным коридорам, тёмным закоулкам и величественным залам, однако всё это не касается нашего рассказа, но, признаёмся честно, соблазн был велик. Чтобы добраться до места, о котором далее пойдёт речь, следовало спуститься на нулевой этаж, пользуясь боковой лестницей, расположенной в саду дворца. И, когда вы минуете ступени, освещённые тусклым светом канделябров, сможете лицезреть длинный коридор подземелья, где холод пронизывает даже через самую тёплую одежду. Витус именно так и поступил, предварительно предъявив рекомендательное письмо одному из стражников у входа.

Не передать словами, какое выражение лица было у этого стража закона. Он будто бы съел пересоленный кусочек рыбы, при этом разрываясь между долгом и личной неприязнью. Всё-таки, долг победил и облачённый в латы мужчина отвёл прибывшего куда следует,

оставив там в гордом одиночестве. Но оно долго не продлилось, и вскоре послышались шаги, а следом перед очами Витуса предстал тощий как скелет старик в длинной рясе тёмного цвета, будто бы специально подобранной в цвет зубов.

— Вы, должно быть, Витус Гальего?

— Да. Я прибыл по рекомендации...

— Господин Кано уже заждался вас. Прошу, за мной.

И он повёл его через сеть коридоров, кажущимися лабиринтом. Не прошло много времени, и не названный нами мужчина оставил Витуса одного в обширном помещении, которое по первому взгляду можно было назвать лабораторией. Там, в центре зала, находилось некое устройство, которое тут же привлекло внимание героя. Оно имело форму сосуда, было сделано из камня, поверхность которого насчитывала множества рун. Судя по звуку внутри нечто вибрировало, будто бы стрекоза машет своими крыльями.

— Чудная вещь, не правда ли? — голос Куина испугал Витуса, и, пока гость приходил в себя, хозяин медленными шагами достиг его.

— Что это? Никогда подобного не видел... — с восхищением и неким страхом разглядывал устройства приезжий.

— Это так называемый "Подавитель магии", название рабочее. Благодаря волнам на низких частотах, мы можем регулировать магическую энергию.

— И усиливать её.

— Да, — коротко ответил Кано, будто бы его упрекнули в чём-то. — И отныне он защитит народ Демасии.

— От кого? Некроманты? Твари из Фрельйорда?

— Маги. Маги — главная угроза для нас.

— Я не уверен, что понимаю...

— И не стоит забивать себе голову всякими пустяками. Вы нужны мне здесь для дела более...щепетильного, нежели проекты, связанные с военными действиями. Ведь, право, мы не варвары! Ну же, мой друг, прошу, сопровождайте меня во время прогулки.

— С радостью, маэстро Кано.

На этом разговор был окончен, и оба мужчины покинули затхлые подземелья, устремившись к яркому свету и чистому воздуху...

Куинос водил своего гостя по всевозможным местам, начиная от блинной и заканчивая оружейной лавкой. Вид он имел важный, но, тем не менее, улыбка никогда не спадала с его лица. Он задира подбородок, кивками здоровался с горожанами, и, когда те обращали внимания на Витуса, физиономии их кривились. Да что же за невежество в этой Столице?! Правду молвят: приезжих недолюбливают!

Быть может, так, а, возможно, дела обстояли иначе, мы не можем ручаться за это, но некая ненависть по отношению к герою явно прослеживалась во взглядах люда. Они миновали толпы народа, делали остановки на скамейках, чтобы перевести дух. В такие моменты Кано восклицал:

— Ах! Как же я люблю Столицу, этот чудесный город с чудными жителями. Здесь дышится полной грудью, чувствуется свобода и ощущается безопасность. Нет места лучше, чем города Демасии, и вы, мой юный друг, вскоре в этом убедитесь.

В памяти героя всплыла встреча с нищим, но он не стал возражать, молча выслушивав мужчину. Таким образом, совершая длительную прогулку, они стали свидетелями

следующей сцены: несколько детей в обносах, видимо, принадлежащих к низшим сословиям, силились решить написанную на земле задачу; их учитель был более благородно одет и, завидев маэстро Кано, совершил поклон, здороваясь с покровителем. Куино финансировал несколько знатоков математики и языка, чтобы они обучали подрастающих детей. Мы говорим "знатоки", потому как это были крестьяне, которые получили образования, что называется, отовсюду понемножку. Завязался разговор:

— Какие чудные головки, какие ясные умы. Ну-с, детишки, и чего мы не понимаем? — учёный вложил свои пальцы в ткань сюртука, как бы показывая превосходство. — Быть может, вы, Витус, сможете подсказать им решения? А то так глядишь, и вечер настанет.

Гость Столицы вытянул спину, заложил руки за спину всем своим видом показывая, что он слушает. А учитель тем временем стал вещать:

— Вам требуется перевезти через реку капусту, волка и овцу, при этом ничего не потеряв, что же вы предпримите?

— Перевезу овечку с волком, чтобы капуста уцелела, — будто бы услышав нечто очевидное ответил юноша, не особо задумываясь над глубиной загадки.

— Ох, какая шутка! — воскликнул Кано, заливаясь притворным смехом. — Вы сегодня, очевидно, навеселе. А ведь, между прочим, в Ионии нет волков.

— Но я из южного Ноксуса.

Повисла тишина. Учитель повернулся спиной к гостям и, приобняв детей за плечи, намеревался покинуть занятое ими место. Витус глядел на Куина глазами наполненными недопониманием, а тот коротко ответил:

— Старые раны ещё не зажили.

Прогулка продолжилась, но веселье покинуло их вместе с наставником малышей, оставив место задумчивости. Теперь разговоры были короткими и преисполненными вежливостью; идти в тишине было дурным тоном. Такими темпами, двигаясь больше по инерции толпы, они добрались до площади, на которой происходило нечто интересное; люд был в предвкушении.

Витус поинтересовался, что здесь происходит но вместо ответа получил несколько презрительных взглядов горожан. Куинос прокомментировал:

— О, это, видимо, казнь.

— Казнь? Кого казнят?

— Очевидно, мага. Поглядите туда, нет, мой юный друг, чуть левее, да во-он туда.

И Гальего посмотрел тут же пожалев об этом. Двое облачённых в длинные плащи цвета грязи тащили под руки заключённого; кандалы намертво обхватили его запястья и щиколотки. Шанса сбежать у этой дамы не было, а меж тем она походила на обычную женщину средних лет. Можно даже сказать, эта несчастная была хороша собой, но милovidное личико портила запёкшаяся кровь, множественные бугорки гематом и выражение полной отрешенности. Её походка была слаба, а если быть точнее, то её волокли как послушную скотину, брезгливо морща носы от испражнений остававшихся на ногах. Она была одета в тряпки, едва прикрывающие срам и каждый мог видеть множественные следы пыток у неё на теле. То что её пытали — факт, и факт неопровержимый.

О, насколько же люди бывают жестоки! Какие коварства подчас скрывают добрые улыбки, ласковые слова. Кажется, в этом мире нет ничего страшнее смерти, но в одночасье ты видишь подобных создания, чья душа ушла в пятки, чьё сердце ещё бьётся но уже без желания. Смерть — это единственный выход, это счастье, покой, отдых от бесконечных

пыткок железом и огнём, водой и плетью. Как же жестоки человеческие души! Мы против этого! Мы за гуманность по отношению к живым организмам.

Всё это взбудоражило Витуса, он ощутил, как вспотела его спина, пересохло во рту, а ноги будто бы одеревенели. А меж тем так называемого мага подвели к виселице. Она представляла собой многим известное сооружение в виде буквы П с крепкой, тугой верёвкой посередине. Когда наступает момент, палач дёргает рычаг, и под ногами жертвы открывается люк, точно пасти пираньи. И вот, этот несчастный дёргается в агонии несколько секунд, а после затихает и, как бы, с облегчением глядит на толпу. Да, мы говорим с облегчением. Дух этой несчастной уже давно покинул тело, остался запёртый в темницах вместе с истязателями; мы можем видеть лишь пустую оболочку того, что некогда называлось человеком. Испустив последний вздох, она освободится. Толпа взорвалась овациями:

— Казнь! Казнь! Казнь! — скандировали горожане, начиная от босых оборванцев и заканчивая местными буржуа.

— Убить ведьму! Убить её! — ещё громче разразилась толпа.

— Затягивай верёвку! — продолжались выкрики.

Куинтос, морща лицо от шума, тронул Витуса за запястья, тот согнул колени, наклонил голову, стал слушать:

— Вы можете лицезреть казнь мага, как я уже и сказал. Те господа в треуголках и длинных плащах являются охотниками на магических выродков и занимаются охотой на подобного рода мерзопакость.

<<Мерзопакость?!>> Тут же хотел взреветь юноша, но лишь крепко сжал кулаки и судорожно бегал глазами по головам толпы. Здесь следует сделать паузу в рассказе и порассуждать о добродетели или же, если будет угодно, спасении утопающих. Представим ситуацию: отряд матросов выкидывает за борт зараженного чумной лихорадкой товарища, его друг резво бросается за ним. И что же мы имеем в итоге? Возможно, двух спасшихся, которые смогут побороть водную стихию, или же утопленников опускающихся на дно. Кто виноват в этой ситуации? Матросы или же товарищ заражённого? Ответ кроется в добродетели, в том чувстве долга к ближнему своему и бескорыстной жертве олицетворяющей небесное сияние Кейл. Но в то же время поступок спасающего утопца откровенно говоря идиотский, ведь он жертвует собой ради того, кто уже одной ногой в могиле. Мы говорим об этом, приводим аналогии лишь для того, чтобы читатель понял дальнейшую ситуацию, которая даже нас поставила в тупик.

Это случилось быстро, за несколько секунд, за двадцать шагов.

Три шага. Витус начинает расталкивать толпу, точно пловец, борющийся с волнами.

Десять шагов. Герой толкает рядом стоящих, ощущая, как учащённо бьётся его сердце, а грудная клетка будто бы принимает внутри себя стаю птиц, намеревающихся вырваться.

Пятнадцать шагов. Вот-вот он доберется до виселицы, ладонь его уже сжимает рукоять кортика, а блеск стали бросается в глаза инквизиторов.

Двадцать шагов. Резким движением Витус вскакивает на эшафот и в тот момент, когда один из карателей дёргает за рычаг, когда глаза женщины округляются, а зубы пронзают язык, срубает натянутую верёвку под возмущенный гул толпы. Он сделал это с удивительной скоростью, лезвие его клинка мелькнуло подобно вспышке молнии.

Названная магом падает в червоточину люка и скрывается во тьме. Двое инквизиторов тут же хватаются за мечи, подоспевшая стража становится стеной для неконтролируемой

толпы, бросающей в юношу не только крепкие слова, но и тяжёлые вещи. Кажется время замедлилось или быть может остановилось, по крайней мере Витусу так показалось. Он выцепил из море людей глаза Куиноса, они смотрели с разочарованием и некой досадой; голова мужчины удручённо качалась.

Один из инквизиторов схватил Витуса за плечо и тут же герой оттолкнул его, тот стукнулся об балку; послышался хруст костей, а после тело мешком осело на землю. Факт убийства ещё больше подзадорил толпу и понимая, что помощи от Куинтоса дожидается не стоит, герой совершил несколько финтов в сторону стражи, не наступая, но пугая служителей закона. Далее спрыгнув вниз, с криками и ударами наотмашь, стал прорываться через толпу.

Он слышал, как визжат девушки, видел фонтаны крови, застилающий взор. Витус был настолько напуган гонением, ощущая себя овечкой среди полчища волков, что без раздумий стал бить направо и налево. В ту минуту он не хотел никому причинять вреда, но подскочивший адреналин и страх дали непредвиденный результат. И если бы юноша обернулся, сумел бы лицезреть плоды своих трудов: несколько тел, бьющихся в агонии, десятки раненых и двое трупов. Если следовать вышеуказанной аналогии, то он стал другом чумного, обрекающим себя на гибель.

Мы не станем заострять внимания на этом моменте, ибо наши мнения разделились. Каждая ли жизнь заслуживает спасения? Если да, то можно ли пожертвовать одним человеком во благо сотни? Если нет, то не означает ли это эгоизм по отношению к народу, государству или же любой другой группе. Что такое одна жизнь? Песчинка. Что такое сотни жизней? Пустыня. Если одна песчинка затеряется, никто не заметит, но если пропадёт пустыня начнётся паника. Повторимся: мы не станем разглагольствовать на эту тему и продолжим повествования оставив право размышления читателям.

Витус нырнул в переулок, но на каждом шагу ему встречались испуганные лица горожан. Некоторые звали стражу, другие намеревались быстрее покинуть окропленного кровью, в стальной маске и кортиком в руках, безумца. Когда надежда покинула сердце героя, раздался сиплый голос, кажется, на самом небе. Герой поднял голову вверх и обнаружил на одном из балкончиков существо, завёрнутого в обноски. Он узнал его, а тот в свою очередь указал на дверь противоположного дома. И в тот момент, когда хранители закона вбежали в переулок, след Витуса уже был потерян: он будто бы растворился в воздухе, и лишь читатель знает, где он нашёл укрытие. По крайней мере, Витус так думал...

Недалеко от столицы Демасии находится поселение, под названием Эдесса. Тамошняя ребятня излюбила посещать шибеницы, что аккуратненько вдоль дорог выстроенные. Там можно найти ещё совсем свежие трупы, а также лицезреть скелеты, ради которых свора подростков и собиралась поздними вечерами, тайком от родителей выбираясь за пределы селения. Это была игра в разведчики.

Далее они шли по узким тропинкам, свечами освещая себе путь. Один из них всё повторял:

<<До валуна дойдёшь, путь домой обретёшь,
направо иди, смерть от магов найди,
налево взглянуть, потерять путь,
а вперёд смотреть значить не робеть.>>

И правда. От Эдессы вела тропка в лес, там покрывшийся мхом, стоял валун, будто бы встречая путников и задавая вопрос: <<Куда путь держите?>>. Ребятня всегда отвечала:<<На висельников смотреть>> и устремляясь вперёд, через несколько минут выходила на широкую дорогу, так называемый большак. Именно там и случился казус, который в последствие будут приписывать чарам Морганы.

Мы слышали от этих подростков, что один из висельников — никакой не мертвец. Цитируем их слова: <<Клянусь вам, дяденька, злая магия там, тёмные чары. Мы только поглядеть пришли, ничего дурного не затевали. Подходим, а он как задёргался, закричал... Ух, и страшненько тогда было, ох страшненько. Побежали мы домой и больше туда не возвращались.>>

Ещё не скоро в Эдессе уляжется легенда про живого висельника в стальной маске, который блеет, точно овца, по ночам, а при свете дня становится насестом для ворон...

Вот уже две недели Гэвиус не получал от брата ни весточки. Он обвинял в этом почтовую компанию, занимающуюся распределением гонцов в разных регионах. Если корреспонденция была написана в Демасии, следовательно её путь в Ноксус занимал несколько недель. Эта единственная мысль, которая была валерьяной для молодого человека. Он ежедневно проверял почтовой ящик, но ничего, кроме приглашений на ужин и счетов за аренду, не поступало. Время шло, так миновали ещё две недели, и Гэвиус, всерьез обеспокоенный пропажей брата, стал бить тревогу.

Перво-наперво он подключил к поискам своих соглядатаев. Они предоставили ему неопределённую информацию: <<Да, путник в маске проезжал "Врата Скорби", его видели в Столице и он имел честь прогуливаться с неким господином.>>. Безусловно, столь скудная информация ничего не давала, и тогда Гальего-старший решился на отчаянный шаг: он вызвал Патриция.

Мужчина явился к нему с огромным опозданием и видом полного пренебрежения. На это Гэвиус закрыл глаза и позволив гостю сесть, выполнил заботу хозяина: налил вина. Откинувшись на спинку стула и смакуя сладковатый вкус, он всем своим видом показывал некую неприязнь по отношению к пригласившему его барону. Быть может его задевала та надменность, с которой отпрыск Олуса смотрел на своих слуг, людей на улице и даже матушку Музе, владеющей неким подобием ресторанчика на площади Белховена. А она ведь

милейшая женщина! Да ещё и портрет свой повесил во весь рост; он висел за его спиной, изображая нынешнего хозяина кабинета сидящего на кожаном кресле.

— Что, Гэвиус, графы уже не приглашают на званые ужины? Собутыльники кончились?

— Кончайте паясничать, вы прекрасно знаете зачем вас позвали. Витус пропал.

— Он изучает Демасию, тратит нажитые Олусом деньги и резвится с какой-нибудь белокурой красоткой.

Барон поднял брови, как бы спрашивая гостя: <<Вы это серьёзно?>>. Витус не был фатом. Девушки, мотовство, отдых — всё это для него было пшиком, пустым звуком. Теперь лицо Патриция сделалось серьёзным, в глазах его вспыхнуло беспокойство.

— Вот именно Патриций, вы сами понимаете какую глупость сказали, — Гэвиус поднялся с кресла, заложил руки за спину и стал прохаживаться по кабинету с тяжёлыми вздохами. — Мы оба знаем Витуса и прекрасно понимаем во что он мог вляпаться, в какую авантюру ввязаться. Он сейчас в том самом возрасте, когда романы Мануила Эбебаха вызывают стыд, а сердце так и рвётся на поиски приключений!

— Всё так.

— Верно. И чтобы, так сказать, успокоить себя и вас заодно, я хотел бы воспользоваться вашими услугами. Не наёмника, но, скажем, друга семьи. Плата за проезд, на жильё и пропитания и остальные расходы беру на себя.

— Нет.

— Вы отпра... — Гэвиус остановился точно вкопанный, обернулся и отставив бокал с вином, обошёл стол так, чтобы видеть лицо собеседника — Прошу объясниться. Вы открыто заявляете, что готовы бросить — немыслимо! — своего ученика, который быть может находится в затруднительном положении. Вполне вероятно, что его горячая кровь и юношеский максимализм распечатали ему билет в трудное завтра и это самое завтра наше сегодня. Мы должны спешить! Обязаны что-то делать, а вы заяв...

— Нет, — Патриций поднялся с места, взгляд его выражал негодования — Нет господин барон, ваши динары оставьте при себе, у меня, хвала Кейл, хватает своих средств для существования. А что касается Витуса, так это вы зря волнуетесь, он парень хоть куда. Знаете такую поговорку:<<Тот кого ждут, вернётся даже с могилы.>> Неделю тому я видел малышку Антуанетту, она справлялась не получал ли я весточки от Витуса. Я улыбнулся. Прошлой субботой мне задал вопрос библиотекарь, куда же делся его дорогой гость. Я промолчал. Сегодня вы задаёте этот вопрос, пусть и в иной формулировке. И я пожимая плечами. Да барон, мне не ведомы пути моего ученика, но я уверен в его крепкой руке и тех знаниях, что он перенимал днём и ночью. Нет нужды беспокоиться, Витус скоро даст о себе знать.

Гэвиус был настолько потрясён монологом Патриция, что едва справился осмыслить услышанное. Он стоял в некоем оцепенении несколько секунд и этого времени хватило, чтобы гость захватив с собой бутылку вина, хлопнул дверью кабинета, как бы выводя хозяина усадьбы из раздумий. Гальего-старшего будто бы ударили в сердце, он ощутил укол самолюбия. Вот ведь старый хрыч! Отказал! Ему! Барону Гэвиусу Гальего отказал старый вояка! Немыслимо!

Но это было правда, и мы переняли волнения Патриция, всячески поддерживая его желание отбывать в путь как можно скорее. Да, он собирался полностью противоречить своим словам и отправится по следам ученика. Тут же следует добавить, что наставник ни коим образом не сомневался в талантах неофита, однако был преисполнен волнениями.

Неожиданно вспомнился разговор произошедший чуть больше месяца назад между ним и пропавшим, тогда речь шла про опасность поездки, которую на отрез отказался признавать юноша. Ему придётся вернуться на земли Демасии, но не с мечом в руках и не с птицей в ладонях, он скроет себя за саваном сумрака и ступит на земли некогда неприятеля с единственной целью: найти Витуса.

Патриций покинул Белховен тем же днём, после наступления темноты. Оседлав первую попавшуюся лошадь в своей конюшне, наставник выдвинулся на помощь ученику. С собой он взял немного припасов; пистоль скрыл во внутреннем кармане камзола, а за пазухой расположил стилет. Горе тому разбойнику, который решит нападать на одинокого путника поздней ночью, ибо это мог быть мужчина спешащий на помощь Витусу. Увы он поторопился, а потому проблем в дороге было не избежать. Лошадь на которую он взобрался, оказалась пожилой клячей, используемой для конных прогулок племянницей, квартирующей в усадьбе мужчины. Конечно животное было неспособно преодолеть большую дистанцию за короткий срок, а потому каждый час им приходилось делать привал.

— Чтобы тебя тени побрали! Угораздило же взять самую бестолковую...

Патриций гневался на самого себя, бил ногами землю в приступе ярости. Поспешность губит — сейчас это донельзя актуально. С горем, воплями, проклятиями, обещаниями зажарить на первом попавшемся костре, наездник и кляча добрались до Паклиффа через двое суток.

Стояло раннее утро когда на горизонте показался одинокий наездник, его лошадь с трудом перебирала копытами; губы покрывал толстый слой пены. Казалось ещё шаг и она свалится замертво. Добравшись до первых домов, Патриций спешился и в тот же миг кляча припала к земле, повернувшись на бок и откинула голову.

— Прости старушка, ты была отличным спутником. — мужчина опустился на колени, положил руку на грудь лошади — Пожалуй оставлю тебя здесь, чтобы не мучать. Ну-с и где здесь можно раздобыть новую лошадь?

Желая получить ответ на этот вопрос, герой двинулся вглубь селения. Жители Паклиффа встречали его опустив глаза, боязно расступались, а когда он пытался обращаться к кому бы то ни было, те стремительно убегали, будто бы Патриций был прокажённым. И правда, в этом тёмном царстве, герой был лучом света; золотой монетой среди медяков; волком гуляющим среди стада овец. Ему стало не по себе.

За дереушкой располагались несколько шахт; там в любое время суток кипела работа. Рудокопы орудовали киркам, сгружая добытое на телеги, которые в свою очередь вывозили наружу лошади. Их хозяева — коноги, относились к ним уважительно, с любовью и почётом. Пожалуй даже жену и детей они так не любили, как своих напарников. Это был удивительный союз природы: человек и зверь — чета понимающая друг друга. Лошади работающие в шахтах, на удивление умны; они знают множество команд, среди которых: <<крути, пошла шагом, прими вправо>> и т. д. Эти создания заслуживают, чтобы им поставили памятник. Мы считаем каменный страж Галио пустышка, по сравнению с этими титанами труда, исполинами тяжёлой ноши. Три вагонетки за раз? Сделаем. Шесть? Крепите. Восемь? Мы справимся.

После тяжёлых работ, как только заканчивалась смена, они отправлялись на заслуженный отдых. Коноги чистили своих лошадей, ухаживали за их гривой и проводили водные процедуры. Пожалуй "вожаков" можно было назвать странным народом, будто бы не

от мира сего. Они трапезничали со своими товарищами по труду, спали рядом с ними и даже опорожняли желудок в одном месте. Как мы уже сказали, это был удивительный союз двух существ, наполненный уважением и любовью. Для конога его лошадь была сродни ребёнку, которого он воспитывал.

После всей информации которую мы привели, читатель должен понять замешательство шахтёров, когда к ним прибыл Патриций с провокационным заявлением:

— Тысяча динаров за лошадь!

Народ глядел на него как на сумасшедшего, будто бы тот был работником, открыто предлагающим продать ему детей. Никто не пошевелился, все стояли с опущенными глазами, а меж тем финансовая нужда давила горло, заставляла принимать тяжёлые решения. Читатель уже знает с какими проблемами столкнулись жители Паклиффа и почему им так нужны были средства. Быть может будь у них тысяча динаров — тысяча динаров! — они сумели бы покинуть это место и зажить спокойно где-нибудь в глуши.

— Господин не сердчайте, но поймите правильно: здешних лошадей трое: одна с подвёрнутой ногой, другая слепая, а третья уже старая кляча, доживает своё...

— Две тысячи динаров.

Этот разговор собрал публику, жители стали спорить друг с другом. Не прошло и пяти минут, почти все поселенцы приняли предложения Патриция и клятвенно обещали, что вскоре приведут лошадь. Мужчина выплатил оговоренную сумму наперёд, а после отправился снимать седло со своей клячи. Конечно не узнал он, как толпа набросилась на конога, с какими криками он отбивался и умолял не трогать его подругу, товарища, любимую кобылу. Он был готов отдать взамен всё и даже большее, но как это обычно бывает у бедняков, в наличии была только любовь. Всё было тщетно. Вскоре приезжий буржуй (как его нарекли местные) оседлал приведённую лошадь.

— Будьте здоровы — сказал он на прощание и скрылся за горизонтом.

Несмотря на слепоту кобылы, она была очень послушна и блестяще выполняла указания. Отныне Патриций не спешил, дабы не загнать бедное животное и таким образом через неполные сутки, добрался до "Ворот Скорби". Случилось это вечером. Мужчина спешил, чтобы размять затёкшие конечности и стал невольным слушателем разговора двух купцов; первый восседал на своём возу, второй пристроился рядом, оседлав осла. Они говорили о Демасии, мол, это государство не такое великое каким хочет казаться, раз у них маги бродят среди белого дня в столице, убивают людей на городской площади, а после безнаказанно исчезают.

Эти слова стали спичкой, которая зажгла свечу надежды в душе Патриция. Маги. Столица. Исчезают. Он силился сложить мозаику в единую картину, наслоить её на поиски Витуса. Если предположить, что разговор идёт о его протеже, то всё складывается удивительно легко. В тот же миг мужчина дал себе ментальную пощечину, осознавая, что он выдает желаемое за действительное.

Вскоре он перешёл через границу и оставив "Ворота Скорби" позади двинулся в путь. Он намеревался посетить столицу Демасии, вспоминая, что именно там Витус должен был встретиться с неким учёным. Путь обещал был долгим...

Добраться до столицы не составило труда, во время пути Патриций вёл подсчёт шибеницам и на каждой из них видел своего ученика. Когда ваше сердце окутано страхом

или предвкушением, такое случается; вы видите иллюзии созданные мозгом; они заменяют действительность.

Мужчина будто бы чуял следы Витуса, потому как двигался по той же дороге, видел тех же людей и разговаривал с всё той же старушкой продающей хлеб.

— Человек в маске. Он здесь проезжал? — спросил Патриций сыпя в ладони пожилой женщины горстку динаров.

Ответа не последовало, вместо этого она ударила кобылу в бок, как бы выплескивая гнев и швырнув полученную сумму на землю, двинулась в неизвестном направлении. Следует отдать лошади должное, она не запаниковала, но уши её наострились, морда зависла как бы в ожидании.

— Некоторые раны затягиваются только после смерти... Оно и верно.

Патриций дал лошади команду и они двинулись вперёд. Это происшествие зародило в душе Патриция гнев, ярость, откровенную ненависть. Он презирал демасийцев, за их скудоумие, слабость на поле боя и ещё десятки причин, которые можно было отнести к каждой нации. Гнев ослепляет, его ладони застилают взор обращенный к истине.

В тяжких думах мужчина добрался до столицы и въехал в город. Его раздражали эти улыбчивые лица, будто бы смеющиеся над погибшими ноксианцами; его приводили в бешенство гуляющие семьи, ведь скольких жён осталось без мужей благодаря армии Демасии; ему стоило больших трудов опустить презрительный взгляд обращённый к стражам закона. Вскоре мужчина оставил лошадь в конюшне и двинулся пешком по широким улицам города.

Блуждая он наткнулся на трактир, что названия носит "Ежовые рукавицы". Там проводились лучшие карточные турниры, а были они таковыми, потому как состоялись за спиной у закона. То было место тёмное, наполненное злыми гениями, дурными делами. В этом месте собирались контрабандисты, наёмные убийцы и другие нечестивцы. Встретив там мага, удивляться не стоило, ибо Берлион Шелинер — хозяин заведения, был уличён в работорговле несколько лет тому назад. "Крышей" им были бароны, для которых подобное место — отрада для души. Они собирались там вечерами, строили планы и вынашивали замыслы. По счастливой случайности, именно в этом трактире примерно месяц тому назад, остановился Витус. Патриций шёл по его следам.

Как только мужчина зашёл внутрь, никто и глазом не повёл, уж слишком он был похож на своего. С виду барон, но глаза, ладони, походка — всё это выдавало в нём воина. Он прошёл до барной стойки, облокотился об неё одной рукой, а второй достал из-за пазухи кошель динаров и положив перед глазами хозяина, стал задавать вопросы. <<Человек в стальной маске, на вид тупой, на говор умный, видел?>>

Сначала Берлион хотел дать сигнал вышибалам, но после дёрнул за узелок кошелья, присвистнул и был готов говорить, но в этот момент некто сел напротив Патриция и ловко забрав мешочек золота, заговорил:

— Прошу меня простить, нет не тебя Шелинер, ты можешь поцеловать меня в мой прекрасный зад. Хо-хо. Я обращаюсь к вам загадочный путник зашедший в трактир несколькими минутами ранее. Понимаете ли в чём дело: звёздами нам была уготована встреча. Вам нужна помощь и я могу оказать вам услугу.

Подсевший к Патрицию был хорошо одет, но дурно пах; он говорил сладко, но делал это шёпотом; ему не доставало трости как у истинного джентльмена, но меж тем его сопровождал посох. <<Что за шут?>> — подумал мужчина, но не стал

отказываться от помощи.

— К делу.

— Хо-хо, конечно конечно. Видите ли в чём дело: я знаком с Тони Б..., он в свою очередь свёл меня с леди Г..., она между прочим ещё та чертовка. Когда мы с ней кутили...

— Кхм.

— Да-да, к делу. Ну так вот: леди Г..., была рада покупать у меня травы, назовём их чаем для пущего удобства. Ох, я тогда столько зарабатывал, мне хватало на...

— Кхм, кхм — раздражённо прокашлялся Патриций.

— Извините. О чём это я... О, вспомнил. Мы перевозили чай через систему канализаций. Пахло там дурно, да и на освещение пришлось потратится. Тони тогда заявил, мол, это вложения окупится стократ, а я вот...

— Я теряю терпения...

— Да-да, тогда остудите свой пыл. Хозяин, два охлаждающих напитка! Хо-хо, я продолжу. Вчера мы так же перевозили чай, у меня, так сказать, до сих пор грязные руки, ну вы понимаете. Во-от, значит... — незнакомец осушил поданный напиток, а после оторгнувшись в рукав, продолжил — Эти пьянчуги отказались работать без освещения, представьте себе: плывём мы значит по сточным водам, ориентируемся на свет факелов и внезапно понимаем, что большая часть из них потухла.

Патриций тяжело вздохнул, закатил глаза и продолжил слушать язычочёса, благо тот вскоре подвёл свою историю к моменту, который заинтересовал мужчину.

— И нашли мы приведение.

— Что?

— Приведение. Оно было в стальной маске и спало в позе эмбриона.

— Дальше.

— Ну мы его шуганули как следует, Тони топнул ногой, да так сильно что ширинка, хо-хо, порвалась.

— Продолжайте.

— А он значит...

— Приведение?!

— Да, приведение, как прыгнет в воду и даст дёру! Вот потеха была! — Патриций не знал что и думать, казалось он напал на след ученика, но в то же время сидящий напротив него, мог быть обычным фантазёром, а тот добавил: — Охотники подохнуть от перепугу.

— Охотники?

— Охотники на магов. Приведение это, оно ведь нырнув в воду, поплыло.

— Ну и, не томите, прошу вас!

— В том направлении есть лишь один выход и решётка эта выводит точненько в то место, где сейчас лагерь охотников на магов. Когда вы прибывали в столицу, должны были видеть дорогу идущую влево, вот там они и прате... пратуке... крат...

— Практикуются?

— Да!

— Нет! — взревел Патриций.

— Да! Говорю вам: да!

— Нет! Нет, нет!

В ту же секунду мужчина вскочил с места и что есть сил побежал к выходу. Витус не просто в беде, он попал в осиное гнездо, где каждый желает сделать из него чучело.

Наставник бежал как ужаленный, толкал народ, кричал им убираться и вскоре добежав до конюшен вскочил на кобылу и дал команду галоп.

— Давай родненькая, нужно спешить!

Вывести лошадь за пределы стен оказалось труднее; она то и дело задевала прохожих, опрокидывала лотки, а когда гневные горожане обращались к её хозяину, тот глядел на них глазами наполненными яростью; никто не решался с ним спорить. Вскоре Патриций выехал из столицы и двинулся по маршруту подсказанным незнакомцем. Сердце его одолевали сомнения.

Было уже темно, когда отряд подростков решился на вылазку. Любопытство победило страх, а заводилы подначивали более трусливых ребят, брали их на слабо. Таким образом собралась толпа детей от семи до пятнадцати лет, они двинулись по тропинке берущей начало с поселения Эдесса и вскоре добрались до валуна поросшего мхом, далее двинулись вперёд и брели по перелеску несколько минут, пока перед их взором не пристала картина: крепкий дуб держит на своих ветвях повешенных, точно кукловод своих марионеток. Ветер завывает могильную мелодию, дымка блуждает над землёй, а воздухе смердит гнилью. В тот момент самый смелый из компании сделал шаг вперёд, следом ещё один и ещё. Вскоре он добрался до дерева и заметил на одном из повешенных стальную маску схожую формой на мордочку овечки. Тогда он загорелся желанием снять её. Сделать это было легко, ведь труп, что крайне странно, достигал ногами земли, но конечности были связаны; его с ног до головы обнимала крепкая верёвка. И вот мальчик тянется к маске и неожиданно труп начинает шевелиться, а после блеять:

— Бе-бе-бе! Бе-бе-бе!

Не передать словами какое выражение лица было у юнца, который в тот же момент дал дёру вместе со своими товарищами, крича, визжа и плача. Одинокий всадник подъехал к этому дереву, спешил и подойдя ближе, заключил:

— Ей богу Витус, ну ты и овца!

Во вселенной существует закон "Действия и противодействия", мы прибегнем к нему, чтобы поведать читателю к чему привели решения Витуса. После сорванной казни, юноша укрывался в одном из пустующих домов, а именно небольшой комнатки, где отсутствовала меблировка, а оконные рамы были заколочены досками. Осознавая всю сложность ситуации, он долго думал и много размышлял, чаще всего в слух. Крысы становились свидетелями этих монологов:

— Я в западне. Пути назад нет, дороги вперёд тоже нет. Куда идти? Что делать? Как быть? Господин Мальцепани, старик Винуен, они должно быть ищут меня. Нет, ещё рано, скорее всего они даже не знают что произошло, а если и знают... — Витуса объял холодный пот, дыхание перехватывало от потока мыслей — Бросили меня... Груз, сундуки с золотом, телега... Всё это осталось там, я ведь ничего не взял, ни о чём не подумал. Горе мне! Горе!

В такие моменты юноша садился у стены, подминал ноги и притягивая себя за уши, качался из стороны в сторону, точно маятник. Со временем он успокаивался и возможность мыслить рационально возвращался к нему.

— Они ищут человека в стальной маске, значит нужно снять маску. Нет, нельзя, тогда они примут меня за вастаии и повесят. Святые лики, да они в любом случае повесят меня!

Решение, как это обычно и бывает, пришло нежданно-негаданно в лице нищего. Когда

дверь отворилось, Витус тут же схватился за кортик и опешил, когда в дверном проёме показалась фигура, в четыре раза меньше его.

— Страшно — в голосе ребёнка не было эмоций — Убери.

Он повиновался и спрятал сталь в ножны. Далее они сели у оконный рамы; тоненькие лучики света старательно пробивались через доски. Завязалось нечто сродни диалога, в котором Витус задавал вопросы, рассказывал, изредко переходил к монологам, а его новоявленный друг отвечал однотипно и чаще всего кратко.

— Есть люк. Канализация. Выход.

— Люк? Где именно? Значит... я попаду в канализацию, пройду под городом и выйду...

— Ждём. Ночь. Идти.

— Двинем ночью? Хорошо, хорошо...

Витус доверял этому мальчику. Он был как бы львом заточённом в клетке, а этот малый являлся его укротителем; только он знал как сбежать из города, а значит прислушиваться к нему в высшей степени разумно. Они ждали в полном молчании и с наступлением сумерек двинулись в путь. Покинуть дом, юркнуть в переулок, перебежать через улицу и скрыться в темноте — всё это заняло у них меньше минуты. Далее проход под аркой, поворот налево, остановка, чтобы переждать гуляющих допоздна красавиц и их кавалеров и снова нырок в темноту, а следом лабиринт запутанных улочек. Конечная точка их маршрута — люк, была достигнута.

— Вниз. Свет — спасение, темнота — смерть.

Юноша не совсем понимал слова мальчика и потому в дальнейшем допустил роковую ошибку, приняв контрабандистов за стражей; по этой причине он стал тушить факелы, вместо того, чтобы двигаться по ним. Отдав последний мешок золота проводнику, герой спрыгнул вниз, в темноту, в пасти бездны.

Он блуждал по сети катакомб, как и было сказано ориентируясь на свет, минуя сточные воды. Под ногами было скользко, ужасно смердело, а в темноте сверкали крысиные глазки. Они будто бы сопровождали своего гостя, желая не угостить, но угостится.

Двигаясь по факелам Витус добрался до стального заслона; рядом находилась запертая дверь. Юноша начал лупить по ней, но его усилия были напрасны. Пришлось искать иные пути и двигаться в темноте. Сложно сказать сколько времени прошло, но вскоре Витус снова пришёл к уже знакомым воротам. Обречённый на скитания, с пустотой в желудке и тяжкими мыслями, он лег на пол и обессиленный от происходящего уснул дурным сном. Да, наш герой превосходит человека в десятки раз, но зачастую моральные тяготы, приносят больше дискомфорта нежели физические.

Сколько он так лежал? Неизвестно. Когда заслон наконец поднялся, первое что увидел Витус нескольких человек с факелами в руках и плащах. Струхнув, он кинулся в воду и стал грести так, будто бы за ним гналась акула. Читателю уже известно, что произошло далее и нам нет нужды возвращаться к этим событиям, потому мы будем краткими.

Юноша, в дальнейшем ориентируясь на свет факелом, точно это были феи указывающие путь, начал чувствовать чистый воздух, что могло означать лишь одно — выход близко. То было правдой. Он вылез из воды, ощущая на себе всё дерьмо столицы. Пройдя не много ни мало Витус добрался до решётки, которая оказалась запертой. Сбив замок лесной мальчик покинул канализацию, лишь для того, чтобы угодить в лапы охотников на магов. Они использовали на нём усыпляющие дротики, будто бы путая героя с манекеном для тренировок, а потому дальнейших событий Гальего не помнит. Когда он очнулся, обнаружил

себя висящим на дереве, подобно плоду яблони, перевязанный как тюк соломы.

В это время господин Мальцепани вместе с эскортом и стариком Винуеном блуждали по городу, точно осиротевшие. Они спрашивали, им отвечали и из ответов складывалось смутное представление случившегося. Да, был человек в маске, маг и анархист. Да, убежал, сейчас наверняка уже схвачен. Где? В каком направлении? Никто не знал, зато каждый обвинял его и было за что. Вести о "безумном маге в стальной маске" быстро разнеслись по всей Демасии и уже каждый второй мог сквернословить в сторону Витуса. Осознавая, что остались без хозяина, они решили поставить лагерь близ главных ворот и прождать там не меньше чем три недели. Мешок золота, оставленный Витусом благоприветствовал этим планам. Каждый день Мальцепани отправлялся на разведку в город, но ничего нового не находил, лишь угрозы и советы не задавать глупых вопросов.

И вот, спустя шестнадцать дней, в час царствования луны до них донёсся смутно знакомый голос. То был Патриций, проезжающий мимо. Они сгруппировались и вместе двинулись в лагерь охотников на магов. Тамошние рекруты, те ещё языкочёсы, а потому получить нужную информацию не составило труда. Таким образом соратники Витуса узнали о его местоположении. Группа поддержки отправилась в путь...

— Давай.

— Нет.

— Ну давай же!

— Прошу Патриций, просто перережь верёвку.

— Сначала ты, потом я.

— Ладно — Витус набрал в грудь побольше воздуха и что было мочи заголосил: — Бе-бе-бе!

Мужчина припал к земле от хохота, пожалуй его было слышно даже в Эдессе. Всё волнение, страх, переживания улетучились и теперь Патриций снова надел маску мудрого наставника. Насмеявшись вдоволь, он помог Витусу выбраться, а после они отправились к уже знакомому читателю экипажу. По пути завязался разговор:

— Эй Витус, хочешь загадку?

— Нет.

— Висит груша, нельзя скушать. Что это?

Юноша фыркнул, мужчина захохотал.

— Витус, а, Витус.

— Прошу, Патриций, хватит. Ты взрослый человек. тебе пятый десяток...

— Знаешь в чём отличия между ноксианской козой и ионской? Ионская ждёт пока её повесят! — наставник прыснул от смеха, забывая обо всех правилах приличия — Витус, ну ты куда, да стой, хо-хо, если ты решил взять курс в Ионию, она в другой стороне! Не переживай, для тебя пару веток оставят.

Гальего перешёл на бег, а его учитель, хватаясь за живот от смеха, продолжил неспешную прогулку. Луна, прохладный ветерок, улыбки на лицах, победа над тяготами судьбы. Что может быть лучше? Пожалуй в жизни каждого из нас наступает момент, когда мы сами того не осознавая бросаем якорь, чтобы в будущем возвращаться к нему и вспоминать с улыбкой произошедшие события. Безусловно, сегодняшний день неоднократно всплывает в памяти героев.

До телеги добрались через несколько минут. Винуен был рад встретить хозяина; он

принял его в объятия, как мать блудного сына; "пятёрка тёмных" отдали честь, положив ладони на сердца — жест отчаянных воинов, готовых на всё ради жизни своего нанимателя. Истинные профессионалы! Было принято решение продолжить путь утром, а сейчас потрапезничать и поспать. Расстелив спальный мешок на земле, Патриций поинтересовался:

— Эй, Витус, а ты часам рацион не сменил? Видел я неподалёку одно пастбище...

Юноша впервые за несколько дней ложился спать с улыбкой на лице. Он заснул крепким сном и ничего более его не беспокоило.

Непредвиденный исход

Разочарование — это волны прибоя разрушающие песочный замок; они будто бы лишают мир красок, обнажая его истинную натуру: тёмную, грязную, порочную. Витуса настигла меланхолия. То был пик переходного возраста, когда жизнь наносит удар под дых, заставляет взглянуть правде в глаза. Проведённое время в роли висельника, дало свои плоды, но в то же время остудило пыл юноши.

Экипаж в сопровождении "пятёрки чёрных" продвигался по большаку, околицам, просёлкам; они двигались днём и ночью, боялись подолгу останавливаться на одном месте, ибо угроза в лице охотников на магов, нависла над ними, точно коршун. Два дня тому назад они обогнули столицу, стараясь двигаться в перелесках и миновать пшеничные поля. Их целью была деревушка Жандель; Патриций помнил её, ибо десять лет назад самолично руководил наступательной операцией. Они взяли её в ориентир, начертили на карте примерный маршрут пути и стали двигаться на запад; конечная точка их маршрута — Васказия, где они смогут сесть на корабль отплывающий в Шуриму.

Через трое суток группа совершила привал на холме густо покрытым травой, точно щетинистый подбородок Мальцепани. Ветерок игриво проходил по травинкам, в воздухе пахло лавандой, герои обратили свой взгляд на горизонт, наметили путь дальше и приняли решения сделать привал.

Соорудив костерок, стали поджаривать мясо, солонину, колбаски; запах способствовал выделению слюны. Старик Винуен не замолкал, болтал обо всём и в то же время ни о чём, Патриций вспоминал молодость, Витус грыз травинку, "пятёрка тёмных" чистила сталь.

Время тонуло в безмятежной неге, герои не спешили покидать столь завидное место, разминая затёкшие конечности и ноющие мышцы. В одночасье послышалось ржание: недовольное, дикое, яростное. Юноша отвлёкся от шмата сала, вытер руки о траву и поднявшись, отправился выяснять, причину шума. Виновником торжества оказалась овца с замаранной шерстью, тёмными копытцами и всезнающими глазами, глядящими прямо в душу; она спорила с жеребцом за право щипать траву.

Витус улыбнулся, погладил животное и шлёпнув по ляжке, заставил его трусить в направлении костра. Патриций заметив гостя, выдал остроумную шуточку:

— Бывшие докучают, а, Витус? Ошибки молодости, они такие...

— Кончай паясничать. Лучше скажи, где здесь ближайшая ферма? Видимо она отбилась от стада.

— Вот и славно, зажарим. Чур мне окорок!

— Патриций...

— Ну чего ты цокаешь языком, ну чего закатываешь глаза, запомни Витус: добрый человек, в первую очередь должен быть добрым к себе, а только потом к другим. Это аксиома, ибо голодный человек — злой человек.

— У нас хватит еды до Васказии, убивать животное не имеет смысла.

— Возвращать её не имеет смысла. Ну посмотри на эту мордочку, на эти умные глаза, они будто бы говорят: <<зажарь меня до хрустящей корочки!>> К тому же покажись ты на ферме, тебя могут узнать. Ты оброс известностью, как эта овца шерстью.

— Я не буду ни с кем говорить, закину её в загон и убегу. Ну же, Патриций, тебе хорошо знакомы эти земли.

— Ладно, ладно... — мужчина поднялся с земли, прошёл до экипажа и раскрыв карту с умной миной стал озираться по сторонам — Та-кс, очевидно... Во-он там!

Юноша двинулся в путь, овца потрусилась вслед за ним...

В воздухе стоял ужасный смрад гнилой плоти, халупу объяло пламя, а её хозяин лежал рядом, представляя собой идеальный образец мишени для лучников. Витус глядел по сторонам, но ничего кроме обугленных, искалеченных тел не находил. Это походило на утопию сумасшедшего художника, рисующего картина "Резня на хуторе" — название идеально охарактеризовывает произошедшее.

— Бее...

— Верно малышка, кошмар.

Один из домов накрыла собой огромная птица с вытянутой шеей и мерзкой мордой. То был остроклюв на котором парили в небесах стражи Горного бастиона. Этот удивительный зверь имел множество ран из которых обильно сочилась кровь. Хлюп. Хлюп. Хлюп. Курицы дурнушки бегали в лужицах крови, бездомная собака лакомилась рукой, догрызая мизинец.

— Что же здесь произошло..?

— Бее...

Овца потрусилась ко входу в дом, перепрыгнула порог; юноше ничего не оставалось кроме как следовать за ней. Внутри была разруха, кровь брызгами ложилась на стены, половицы, готовый к трапезе стол. Становилось понятно, что здесь происходило сражения за жизнь, но какая из сторон победила, установить не представлялась возможным. Жители погибли, но и нападающие понесли значительные потери.

Животинка чувствовала себя как дома, вальяжно перешагивала через покойников. Витус прошёл через коридорчик, почтил взглядом тело женщины, с головы до ног изрубленное мечами и прошёл в последнюю от входа комнату, будто бы иной мир, где не было ни следа крови, а на кровати лежал мальчик. На его лице застыла гримаса мученика, а шею украшало ожерелье из синяков; судя по всему его задушили.

Кто же посмел тронуть бедное дитя? Что за изувер коснулся невинную душу? Нет прощения мясникам! Витуса объял гнев, в душе искрой вспыхнула тяга к справедливости. На прикроватном столике была обнаружена книга, с интригующим названием "Flamma". Он взял её, открыл пару страниц наугад и понимания случившегося снизошло на него.

Жители этой деревни, были магами или укрывали магов, что доказывает гримуар в руках Витуса. Судя по всему на них кто-то донёс, а после пришли охотники в сопровождении бойцов, огнём выжигать и мечом высекать проклятую заразу. У них это получилось, но большинство оставили свои жизни здесь, получив достаточно дерзкий отпор. Витус вспомнил события в столице, казнь женщины. Верно говорят: человек человеку волк. Юноша положил книгу в наплечную сумку и погладив овцу по макушке, двинулся к выходу. Более ему здесь делать нечего.

На дворе стоял поздний вечер, когда Витус вернулся к компании попутчиков. Наставник обглаживал кость, господин Мальцепани и его товарищи вели тихие беседы, старик Винуен жаловался на остеохондроз. Лошади мирно щипали траву, в воздухе порхали бабочки, докучали комары. Когда герой присел у костра, овечка прилегла рядом, положив голову на его бедро; Патриций гаденько ухмылялся.

— Всё-таки решил зажарить? Оно и верно, жирок лишним не бывает.

— Их убили — удручённо вымолвил Витус. — перерезали как скот.

— А чего ты ожидал? Мы находимся в стране, кровожадных варваров и дикарей, которые... — Патриций остановился, словив осуждающий взгляд ученика — Эх, говорил я тебе Витус, дурное это дело — ехать в Демасию.

Воцарилась тишина. Юноша до сих пор не мог поверить в увиденное. Такая жестокость и кровожадность не могла принадлежать людям, ибо тогда они ничем не отличаются от монстров. Они ничем не отличаются от него. Витус вспомнил детство, моменты, когда он терял контроль над телом, учинял зверства, бесновался как проклятый опьяненный жадой плоти. Он делал это не по своей воле, ведомый голосом "извне" и считал себя монстром, пытался скрыть личину зверя, закрыть её за семью замками. Люди напавшие на хутор, были настоящими рубаками, мясниками, их вела ненависть, но сталь в своих руках, они держали осознанно. Так кто же настоящий монстр: он или они?

— Оставлю её. — внезапно раздался голос Витуса; взгляд его блуждал по звёздному небу.

— Ты это, если решишь всё-таки...шпендохать её, дай знать, мы люди цивилизованные, отойдём...

— М-да, Патриций, твоё чувство юмора, как и волосы, медленно покидает тебя.

Засмеялись, выпили, возвели очи к небесам, наблюдая за звёздами. Каждый думал о своём, путешествовал в потоке мыслей, наслаждался минутами покоя. Порою наступают такие моменты безмятежного спокойствия, когда мир будто бы замирает и ты замираешь вместе с ним. Воистину приятное время.

— Значит, теперь у тебя есть зверушка?

— Выходит что так.

— И как ты её назовёшь?

— Не знаю, может быть... — Витус сглотнул, залился румянцем — Антуанетта, красивое имя.

— Ты меня пугаешь Витус. Сколько я тебя знаю, ты никогда не тяготел по прекрасному полу, а сейчас...

В Патриция полетела ложка, тот поперхнувшись от смеха, наклонил голову — снаряд миновал цель. Витусу очень не хватало общения, друзей, наставника. Недели проведённые на шибенице лишили его задора, энтузиазма, сделали угрюмым. Всю прошедшую неделю, он вспоминал знакомых и Антуанетта была фавориткой его мыслей. Юноша скучал по умным фразам её отца, по кокетливому голосу и чистым глазам цвета небесной синевы; скучал по Гэвиусу, старику библиотекарю, мадам Жюзе и её выпечке. Он скучал по дому.

Этот вечер был наполнен меланхолией, воспоминаниями и болтовнёй Винуена, чья фантазия нарекла овцу Анутой. Кажется она была не против, хотя, кто их поймёт, этих овец. Под неумолкающий поток слов старика, Витус уснул, но сон его был беспокойным...

Жизнь зачастую вставляет нам палки в колёса, в этом убедились путники, остановленные конным патрулём. Их было восемь, все в латах, с мечами и важными минами. Они окружили экипаж, стали задавать вопросы: <<Кто такие, куда, откуда, зачем и почему.>> Патриций вежливо отвечал, но терпения его подходило к концу, а прилипали даже и не думали оставлять их в покое. Стали допытываться о некоей дорожной грамоте, мол, обязана быть и всё тут. Один из них был особенно дотошный, он больше всех раздражал Витуса.

— Успокойся и не показывай эмоций — шептал Патриций, на ухо своему ученику — Я знаю этот приём, это обычные вымогатели, быть может даже не стражники, а шуты ряженые. Вот, прими, это седативные травы из Ионии, помогают при запоре, ну и успокаивают нервную систему.

— О чём это вы, уважаемые путники, шушукаетесь? Никак план тайный в жизнь претворяете, да интриги плетётся за спиной у закона?

Дотошный тип был широким в плечах, с бегающими, точно у ищейки глазами цвета янтаря и длинным носом. Он очень, ну очень бесил Витуса.

— Что вы такое говорить милейший, мы ведём дискуссию на тему запора. Мой друг страдает этим злосчастным недугом и я...

— Овца ваша? А документы у вас есть? Что в экипаже? Что под экипажем? Почему ваши спутники вооружены? Это эскорт, если так, то вы обязаны иметь соответствующие бумаги с печатью...

— Святые лики... — Витус, закатил глаза, лупанул себя по лбу, отвернулся и старался не слушать происходящее у него за спиной.

Юноша принял толчёные травы и в одночасье ему стало очень спокойно, он будто бы абстрагировался от внешнего мира, ушёл в себя. Пропали запахи, следом звуки, а после тело стало невероятно лёгким, точно пушинка парящая на ветру. Он уснул и снился ему сон, очень дурной сон. Было много крови, повсюду яркие вспышки и тела корчащиеся в агонии, визжащие до хрипоты в горле. Это был свободный полёт, когда твоя душа порхает, точно бабочка, а тело, следует заметить без твоего ведома, жалит как оса.

— Хватай его! Держи, держи!

Кто эти люди? Почему они держат его, зачем ломают крылья? Пустите его, пустите немедленно! Он хочет летать, Витус хочет порхать в небе, не держите его, прочь, все прочь! В одночасье стало грузно, будто бы на плечи юноши накинута несколько мешков муки, а голоса всё не унимались, приказывали лежать, просили остановиться.

— Витус стой, остановись! Мольцепани держи его, Винуен вяжи, вяжи быстрее!

— Бее..!

<<Ну всё, хватит спать, да и какой сон, когда вокруг тебя такой шум, ужасный гам. Что не невежество, мешать человеку пребывать в сновидениях!>> Витус стал ощущать тело, шлёпал губами, точно младенец; веки его медленно поднимались, а мир вокруг был бледным. Он повернул голову, увидел дотошного ищейку, его мина озадачена замерла; порванная в клочья плоть, болталась подобно коже от банана.

— Витус! Витус ты меня слышишь?! Дайте воды, быстрее воды! Старик, неси сумку, мою сумку!

— Бее..!

Больше Витус не смог сопротивляться, уснул одурманенный травами Патриция, слушая сумрачную колыбель извне...

— Бее..!

— Ануга?

Овца прошлась шершавым языком по лицу хозяина, улеглась на голову, а тот не мог пошевелиться, тело его связали, точно тюк соломы. Витус ощущал, что движется, глядел в окошко экипажа. Очевидно они в пути, но что произошло, почему он внезапно уснул и отчего во рту такой ужасный привкус? Вопросы, вопросы и нет на них ответов.

— Ты с нами? — задал вопрос сидящий напротив Патриций; на лице его застыло недовольство.

— Титьки Кейл, живой, ты погляди — бормотал Винуен, сидевший на козлах — Я то думал, ох, как прыгнет, поскачет... Святые лики, чего ж это было... Глазища вытаращит, зубы оскалит... Ох, упаси нас свет небесный...

— Витус, это ты? Ты с нами?

— Да! Да, я здесь, я... Почему я связан?

— Во избежании траты времени, поведу тебе короткий вариант рассказа. Когда я почти договорился со стражниками, ты с чего-то вдруг набросился на одного из них, стал... Впрочем, не будем это вспоминать.

— Помилуй, спаси, защити — шептал старик Винуен, собирая трясущиеся ладони в молитвенном жесте.

— И? Что было дальше, почему я...

Патриций не ответил, да и отвечать уже не было нужды. Витус понял, он всё понял. Овид. Это снова он, он вновь пробудился!

— Господин Мальцепани...

— Нет... — Витус сокрушенно качал головой — Не может быть...

— ...Отправился с оставшимися людьми в ближайшее селения, залечивать раны. Я им заплатил и отпустил. Можешь считать их героями, да и нас заодно, все вместе тебя ввязали.

— Это был не я! Это Овид, это всё он!

Винуен качался бормоча молитвы, было видно, что старик напуган. Патриций глядел вперёд, куда-то за линию горизонта, в очах его застыл страх и он будет ужасным учителем, если покажет это. Его пугал этот Витус, тот Витус которого ученик называет Овидом, как бы своим альтер-эго, вторым Я, сущностью скрывающейся в душе.

Юноша стал говорить, очень много говорить. Он поведал про судьбу не родившегося брата, рассказал каким образом, он может влиять на него и связал принятия трав с его пробуждением.

— Это объясняет изменчивый цвет твоей радужки. Значит ты не можешь его контролировать?

— Не могу — Витус порвал верёвки, подмял под себя ноги облокотившись об ящик — Это происходит внезапно, я будто бы... Даже не знаю, как объяснить.

— А что если бы, он тебя не отпустил?

— Я... Я не знаю.

— Это плохо. Помнишь что я тебе говорил? Знание это..

— ...Свет во тьме невежества. Помню.

— Угум. Раз ты не знаешь, следует узнать, а как это сделать, время покажет. Это как с дамой, нужно появиться в нужный час и в нужном месте.

— И где же оно, это место?

— А кто ж его знает...

До Васказии герои не добрались, были остановлены мальчишкой в пёстром камзоле, украшенном золотыми отрочками. Он восседал на гнедом жеребце и имел вид довольного жизнью человека. Когда экипаж двигался по тракту, незнакомец присвистнул и поровняв голову с окошком, улыбнувшись во все зубы, спросил:

— Имею ли я честь видеть среди вас некоего Витуса Гальего, сына барона Олуса

Гальего из Болхейма?

Витусу поплохело, пятки зачесались, а внутри всё напряжилось; он был готов ко всему. Слава — зачастую дурная штука, она способна погубить. С подобными мыслями герой встретил незнакомца, а вот Патриций, напротив, был спокоен и непоколебим. Мужчина дал ответ за своего ученика, а после получил конверт от довольного мальчугана.

— Советую воспользоваться случаем. Ну, бывайте!

Незнакомец попрощался, вскинул руку и пришпорив коня двинулся в неизвестном направлении. Витуса посетило любопытство, он небрежно вырвал конверт из рук наставника и сломав печать, развернул пергамент.

— << Истинное счастье...бла-бла-бла...Когда я впервые...угу...недопонимание...бла-бла-бла...приглашаю...>>

— Ну, чего там Витус, не томи.

— Это приглашение.

— Приглашение? От кого? У тебя в Демасии есть знакомые?

— Нет, откуда бы им взяться. Послушай Патриций: некая мадам Э... приглашает меня и мой эскорт к себе в гости, обещает горячую еду, тёплую постель и надёжное убежище. Здесь сказано, что она хорошо осведомлена о случившемся в столице и готова помочь нам скрыться.

Лошади медленно брели по тракту, овца высунула голову в окошко, герои молчали.

<<Кто мог послать это письмо? Ах, следовало расспросить этого мальчугана об отправителе! Но что уж тут поделаешь, придётся ломать себе голову и думать, кто же эта загадочная мадам "Э".>> Витуса охватили сомнения, он боялся вновь оказаться в западне, попасть в ловушку.

— Патриций.

— Чего?

— Ты замолчал.

— А что тут говорить? Нам нужно выбраться из Демасии и желательно сохранив задницу целой, если существует дамочка желающая помочь нам в этом непосильном деле, глупо отказываться от помощи.

— Но это может быть ловушка.

— А может единственный шанс сохранить голову на плечах. Как бы то ни было, вариантов у нас не так уж и много. Ничего не остаётся, кроме как воспользоваться гостеприимством, как и подобает воспитанным людям.

Витус не нашёл, что возразить, а потому всецело доверился наставнику. Через неполные двести метров, они добрались до развилки и направились в противоположное направление от Васказии.

Жизнь — это всегда риски, ежедневные решения, бросок костей. Каждый живущий на бренной земле — это своего рода игрок, и игру эту нельзя миновать, она начинается, как только младенец выходит из материнского чрева, попадает в жестокий, но в то же время удивительный мир. Витус сделал свой ход и теперь с замиранием сердца ожидает последствий.

На тракте, ведущем в Зерницын Округ, располагалось множество усадеб. То были имения демасийских баронов, которые, в отличие от ноксианцев, ценили архитектурную простоту. Здание, о котором далее пойдёт речь, могло похвастаться обширной мансардой, с четырьмя башенками-лилипутами, что глядели во все стороны света. Окна там часто были занавешены, а к двери гостей сопровождала балюстрада с резными фигурами волков, чья пасть становилась ухватами для факелов поздними ночами. Архитекторы решили отказаться от белого камня и мрамора, из которого возводились дома во всей Демасии. Их выбор пал на тёмный кирпич, что, как бы, выделяло поместье среди остальных.

Соседские бароны старались обходить его стороной, их супруги, совершающие променады, то и дело рассказывали небылицы, одна другой краше. Они говорили, что тамошняя хозяйка, вроде бы как вдова, частенько принимает гостей в тёмных сутанах, чьи повозки прибывают исключительно по ночам. Местная ребятня из Зерницына Округа, кой находился чуть ниже по склону, частенько наведывалась к этому поместью. То была игра в «постучи и убеги». Однажды один из них не сумел убежать. Больше его не видели, а пыл ребятни поутих.

Теперь, когда читатель осведомлён о месте событий, мы можем продолжить наш рассказ. Итак, экипаж Витуса без труда добрался до нужного поместья. Юноша паниковал, его в одночасье посетил страх, будто бы неким шестым чувством, он ощущал опасность, исходящую от здания. Но делать было нечего, отступить поздно, а потому герои спешили и медленно побрели по направлению к двери. Ануту было решено привязать к экипажу, а та была и не против, учитывая сочную травушку.

— Здание, я тебе скажу... внушающее, — молвил Патриций, проверяя пистоль во внутреннем кармане сюртука. — О, гляди, видать, мы не единственные приглашенные. Раз, два... и вон там третий экипаж. Замечу, что качество у них очень добротное, видать, дорогие.

Витус не нашёл, что ответить, заворожённо глядя на пылающие пасти волков. Они миновали балюстраду и неуверенно постучали в дверь. Тук. Тук. Тук. Никого нет, никто не открывает. Быть может, эти письма — шутка? Или же они ошиблись адресом, что, в данном случае, было практически невозможно. Через несколько стуков им открыли. То был мальчишка, тот самый гонец, передавший им письмо менее суток назад. Сейчас он выглядел ещё более довольным жизнью.

— А, так это вы! Ну, молодцы, не опоздали, прибыли в точно назначенный час. Прошу, проходите, гости уже в сборе. Госпожа вскоре спустится.

Спесивый мальчик проводил их в гостиную, наполненную шумом. Там, за большим круглым столом, на обитых кожей стульях восседали игривые кокетки излишне вульгарные, с обнажёнными плечами и распущенными волосами. Вот стыдоба! С ними вели беседы мужчины и юноши, судя по всему, в разных чинах, ибо на одних были расшитые золотыми строчками камзолы, а на иных военные сюртуки, застегнутые на все пуговицы. Запах в комнате стоял невыносимый, слабый пол излишне надушился, да и с пудрой переборщили, раз уж на то пошло. Всё внимание было обращено на гостей.

— Рады приветствовать, уважаемые господа, ослепительной красоты мадмуазели, — Патриций совершил низкий поклон, заставил Винуэна и ученика повторить. — Если не

возражаете, останемся инкогнито.

— Право, к чему эти игры в шпиков. Уважаемые бароны, милостивые баронессы, прошу любить и жаловать — господин Патриций, его слуга и раб! — слова принадлежали круглолицему блондину с отчётливо виднеющейся родинкой на лбу; он был подтянут, строен, а в глазах блеснул азарт.

— Николай...

Патриций узнал этого человека, обязан был узнать. Но, как бы то ни было, разговора не получилось, ибо мальчишка, местный паж, попросил всех занять свои места, объявив, что госпожа вот-вот почтит гостей своим присутствием. Витус и его товарищи заняли свободные места, удивились выбору яств и успели попробовать красное полусладкое.

Как только в гостиную ступила хозяйка поместья, наступила гробовая тишина. Она была облачена в траурное платье с широким подолом, который приходилось придерживать у бёдер, дабы тот не волочился по полу. Лицо скрывала плотная вуаль, приколотая к берету. Её движения были неуклюжи, будто бы она не привыкла носить каблук. Женщина была узкой в плечах, но высотой достигала двух метров. Она то и дело теребила перчатки на своих руках, поправляя манжеты. Её сопровождало несколько человек в стёганках хорошего покроя и сталью на поясице. Они заняли места в углах комнаты, а мальчишка, угождая госпоже, сопровождал её к столу.

Витус опешил, Патриций нахмурился, старик Винуен уплетал колбасные изыски за обе щеки. Вскоре гостиную снова наполнили голоса. Гости стали вести светские беседы с хозяйкой, друг с другом, с бутылками вина. Это могло бы быть весело, если бы не было страшно. Юноша не видел, скорее, ощущал на себе пристальный взгляд, скрывающийся за вуалью.

— Господин Гальего, очень признательна вам за визит. Вы даже взяли своего любовника, — хозяйка сжимала ткань наперона, теребила её в руке; голос её был хриплый.

— Прошу прощения?

— Я имею в виду вашего друга, который сопровождает вас сегодня.

— О нет, госпожа, что вы, Витус у нас по овечкам, — Патриций встал из-за стола, отвесил уважительный поклон, представился; он не смог подавить в себе шутку, воспользовавшись удачной okazjiей.

— Овечки... Это славно. Я очень люблю овечек. Они... сочные...

— И крайне сообразительные. На самом-то деле...

Названный Николаем решил перебить Витуса. Он не видел взгляда хозяйки, но печенью был готов поклясться, что глядела она недобро. Замолчал, стал слушать про демасийские цеха. Юноша был рад блеснуть знаниями и, как бы, отвлечься от недоброго чувства, пронизывающего его нутро с начала вечера. Хозяйка всё ещё сверлила его взглядом, грудь её вздымалась, а пальцы сжимали столовые приборы.

— Чудное мясо. Позвольте угадать... Ммм... Быть может, нам подали свинину?

— О да, господин Патриций, мясо и правда чудесное, оно... очень свежее. Вы такого никогда не пробовали, никто из вас, кроме господина Витуса.

— Правда? Признаться честно, я теряюсь в догадках...

— Как ваш отец, Витус? Барон Гальего — мой давний... знакомый, но на мои письма отчего-то перестал отвечать.

— Он почил два месяца тому назад. Волки, — как бы пояснил Витус, громко сглотнув подступающую слюну.

— Ох, какое горе, примите мои... соболезнования, — женщина ёрзала на стуле, в сотый раз поправляла вуаль. — Неужели не смог отбиться?

— В округе Болхейма много волков, а разрешения на охоту не так-то просто выбить.

Мальчик пригласил гостей на задний двор, где своего часа дожидались нанятые фигляры, готовые показать огненные фокусы. Все поднялись из-за стола, двинулись в сторону двери, и в тот момент на плечо Витуса легла ладонь хозяйки. Она была не тяжелее пушинки. В этот момент юноше стало стыдно за свои страхи; он очень сочувствовал женщине, по-видимому, одолеваемой серьёзным недугом. Герой хотел предложить помощь, но его застал вопрос:

— Господин Витус, я имела честь видеть вас однажды и могла произвести на вас впечатление... крайне неблагоприятное, — женщина взяла героя под руку, фактически повисла на нём; Витус опешил, но не стал противиться. — Вы не можете знать, сколько ночей я провела в раздумьях. Ох, как я каюсь...

— Нет, что вы... Право, я ни разу не вспоминал о вас... То есть, вы вполне привлекательны... Вернее, не то, чтобы вы выделялись из толпы... Я хочу сказать...

— У меня есть библиотека. Там хранится коллекция артефактов. Вы же учёный, вам должно быть любопытно.

— Всё верно. Я учёный, — с гордостью в голосе подтвердил Витус, ощущая, как тело женщины трясётся, а слабые ладони цепляются за его предплечье.

— Позвольте мне загладить вину. Будьте милосердны и соблаговолите показать вам интересные вещи, купленные на аукционах.

Витус согласился и наконец-то расслабился. Теперь юноша не видел угрозу отовсюду и позволил себя привести в обширную комнату с десятком стеллажей, где на каждом покоились запылённые книги. Героя охватил восторг, он стал разглядывать переплёты, погружаясь в книжное царство с головой. Конечно, от его взора скрылись бутылка вина и ловкое движения хозяйки, которое взволновало бордовую жидкость.

— Прошу, освежите горло.

Юноша без задней мысли осушил бокал, и в тот момент взгляд его зацепился за книгу, скрытую под замком витрины. Она носила названия «Вечные охотники: мифы, легенды, домыслы». Конечно, он тут же заинтересовался ею, стал задавать вопросы, стараясь избегать имя матери. Но оно прозвучало из уст хозяйки:

— Вы хорошо осведомлены в этой теме, мастер Витус. Кажется, даже лучше, чем я. Но, в силу возраста, вы не могли видеть и знать одну... потаскуху из стана охотников, которая имела близость с жадным жирдяем. Впрочем, баран и овечка — достойная чета.

— Я нахожу ваши слова оскорбительными, вы не могли бы...

— Мальчик, который умер; мальчик, который выжил. Девочка, которая выжила; мальчик, который умер. Мир ужасно несправедлив, верно? — вопрос прозвучал сорванным голосом. — Наши судьбы похожи, можно даже сказать, они переплетены. Ваша мать, Витус, была ужасной охотницей: она посрамила честь, спала с людьми и пренебрегала обязанностями. Будь я на её месте... Если бы мой брат был жив, эта шляха...

— Довольно! Я не позволю так говорить о своей матери, я... — Витус осёкся, в одночасье перед глазами всё поплыло, дыхание перехватило, а стоять на ногах становилось невозможно; он пал ниц, и тогда женщина крепкой хваткой взяла его под уши и прошипела нечто, что юноша уже не слышал.

Витус отключился.

Из крепких объятий сна героя вырвала резкая боль в пояснице. Он вскрикнул, попытался дернуться, но всё было тщетно, его запястья сковали кандалы, а лодыжки были скрыты в стальных ботинках. Было темно, смердело дерьмом и гнилой плотью. Снова получил удар; били чем-то чугунным, быть может, кочергой. Кожа нашего героя, как помнит читатель, была особой плотности, что не позволяло стали и стрелам проникать в плоть. Что ж, судя по всему, это была не кочерга.

Витус стонал, точно раненный зверь, кричал, но никто не мог услышать его молитв. Да, юноша умолял остановиться, ибо та боль была непереносимой. Вскоре удары закончились, и неизвестный покинул комнатушку лишь для того, чтобы сменить средство пыток на кинжал причудливой формы, схожий на волчий клык. Говорить, что герою было больно, не имеет смысла.

Что было далее — сказать трудно, потому как герой отключился, а когда пришёл в себя, помещение было освещено факелами. Он узнал хозяйку, а та, будто бы дожидаясь, пока он очнётся, скинула вуаль, явив миру донельзя безобразное лицо: вытянутое, покрывшееся бугорками вспухших ожогов, с редкими клочьями шерсти, повисшими, точно плесень, волосами; левая часть головы напоминала собой вмятину, ухо было оторвано, а замыленная радужка глаза не двигалась. Правый же глаз глядел со злостью, яростью, нескрываемым отвращением. Женщина оголилась, и Витус сумел разглядеть искалеченное тело. От шеи до талии спускалась змейка бинтов, опоясывала предплечья, и оставалось лишь догадываться, какие раны скрыты за тканью. Пальцы левой руки были отрублены, а кисть с трудом сгибалась. Увиденное повергло его в шок.

— Мечь воистину сладка. Когда твоя горячо любимая мамочка бросила меня в пламени, когда она обрекла на гибель моего брата... Я долго думала, за что мне это, чем я заслужила такую боль, — женщина зарыдала навзрыд, стиснула зубы, впиалась ногтями в лицо — то были признаки распирающих эмоций. — Но сейчас ты... Ты... познаешь боль, ощутишь мою... мечь...

Хозяйка в два шага оказалась у стены, сняла щипцы и, добравшись до Витуса, вцепилась щёчками в клык героя. Боль была неопишуемой.

— Открой ротик пошире, барашек! — верещала женщина, надавливая и вырывая клык.

Когда задуманное было реализовано, она отошла на несколько шагов, как бы наблюдая за страданиями юноши. Тот верещал, плевался серебряной кровью, дёргался в кандалах. Насладившись зрелищем, душегуб принялся за новые зверства. Бранши была покрыта тонким выезжающим лезвием. Этот рабочий инструмент, который мастера делали для ремесленников, идеально подходил для пыток. Хозяйка снова оказалась у Витуса, зажала пальцы левой руки основанием щипцов, а следом выпустила доселе скрытое лезвие. Вскоре четыре обрубка оказались на полу. Крик. Стон. Смех. Слёзы. Эйфория! Это был праздник безумия, вечер ужасов...

Перед тем, как уйти, душегуб влил в рот Витуса некий раствор, не имеющий вкуса и запаха. Вскоре герой ощутил ужасную боль, волнами прибоя бушующую во всём теле, омывающую каждую мышцу, каждый нерв. Он кричал до хрипоты, вспоминал всех святых, проклинал каждого, кого знал. Это были простые, но действенные пытки. Но за что ему это? В чём он виноват? Ни в чём, ровно как и загадочная госпожа Э.

Эти страдания длились несколько часов, но со временем эффект спал до нуля, и к герою

вернулась возможность ясно мыслить. Впрочем, это было лишним, учитывая его измученный вид и повисшее на цепях тело. Он был тушей овцы, готовящейся ко встрече с мясником, рыбой, которую вот-вот выпотрошат — совершенно беспомощный, изнеможённый и готовый к кончине, юноша потерял всякую надежду.

В этот момент он услышал голос, как бы доносящийся в его голове, вернее, в черепной коробке. Он был слабым, подобно тлеющему хворосту, тонким, точно воробьиные песни. Витус узнал его, то был Овид, чей шёпот со временем стал усиливаться, пока не достиг своего пика; отныне брат говорил с ним громко и чётко.

— Витус.

— Замолчи.

— Витус.

— Не смей... Даже... не думай...

— Витус!

— Нет!

— Витус! Хватит скулить, как шавка, это недостойно ни вечного охотника, ни мужчины! У нас есть яйца, бесполезная хрень между ног, поэтому мы всё-таки причисляем себя к сильному полу. Раз так, давай выбираться.

Витус не хотел слышать Овида и тем более давать ему контроль над телом, вспоминая временное помешательство в отрочестве. Тогда он убил детей, а будучи совсем маленьким — насытился охотниками. Нет, он не может так рисковать. Впрочем...

— Ты и правда готов остаться здесь, в этой темнице, отдаться в руки этой суки?

— Оставь меня, оставь меня, оставь меня... — Витус не плакал, он рыдал, шёпотом прогоняя брата.

— Мы не можем умереть, только не здесь. Дай мне контроль над телом, в этот раз всё будет иначе, ты не займёшь моё место, не отключишься.

— Хорошо...

— Хорошо?! Да, да, ты согласен?

— Да... Только условия.

— Мы не в том положении.

— Патриций и Винуен должны выжить. Пожалуйста. Делай, что хочешь, убивай, кого хочешь, только их не трогай.

Овид замолчал, и больше Витус его не слышал. Но вмешательства «извне» были отчётливо заметны. Например, клык юноши снова оказался на месте, как и пальцы левой ладони. То была регенерации, черпаемая «по ту сторону». Отныне юноша не ощущал своего тела; он понимал, что имеет две руки, две ноги, но будто бы не руководил ими, был сторонним наблюдателем. Вскоре скрипнула дверь, раздались шаги. Они были готовы...

— Гнида! Ублюдок, гнилой подонок, мать твоя — вытраханная козлами. Пусти меня, Винуен, я ему врежу, я эту суку продажную голыми руками задушу!

Пока Витус подвергался пыткам, его товарищей держали в заточении. Так получилось, что среди пленённых оказался Николай — старый друг Патриция, который, как оказалось, несколько лет тому назад погиб, а на деле дезертировал из армии Ноксуса, перебираясь в Демасию и занимая титул барона. Он уже получил несколько раз, дал столь же крепкий ответ и теперь ожидал новых атак, но старик-кучер мешал бывшему соратнику нанести ему увечья.

Это продолжалось со вчерашнего вечера и до сегодняшнего утра. Сейчас же, когда на дворе полдень, двое некогда сослуживцев расселись по разные стороны камеры и слушали болтовню старика Винуена. Только благодаря ему они не скучают. Как это обычно бывает, когда беда объединяет сердца, наступает момент, как бы примирения, и тогда все дискуссии и споры, обвинения и злословия отходят на второй план, расступаясь перед совместной работой. Такой момент настал, и двое мужчин, пусть и с обидами друг на друга, принялись размышлять о плане побега.

— Молодчика твоего, чует моё сердце, уже порешали.

— Ты бы за языком следил, Никола, он у тебя, ой, какой длинный. А что до Витуса, то я о нём не беспокоюсь. Он — кот, которого закрыли в коробке с мышами.

— Тогда ему ничего не стоит разорвать эту коробку и уйти, — с удручённой улыбкой сказал блондин, почёсывая бритый подбородок.

— Ты ему не пример.

— Патриций...

— Витус скоро нас спасёт, я уверен. Эй, старик, ты же веришь в своего господина. Вот, то-то же.

— ...Это было необходимо. Если бы я не ушёл...

— Эй, рубаки свинорылые, те, что по ту сторону решётки, да, я к вам обращаюсь. Чего лупётки вытаращили? Готовьте сраки, скоро вас будут наказывать по всей суровости закона.

Патриций был уверен в талантах неопита, а потому иного выхода, кроме как дожидаться помощи, искать не стал. Несмотря на слова бывшего товарища, Николай не разделял его мнения и вскоре, обособившись с Винуеном, предался разговору о вечном. Говорили о женщинах.

На дворе стоял оранжевый закат, по тракту ходили редкие прохожие, то и дело поглядывая на оставленный кем-то экипаж, рядом с которым бляла овца. Вскоре к ней подошёл человек, достаточно высокий в длинном плаще, перчатках и шляпе, закрывающей лицо. Он сел рядом с животным, прошёлся рукой по её шерсти и заговорил:

— Что я здесь делаю, для чего пришёл, что ищу... Вот ты, шкура бляющая, зачем здесь стоишь, кого ждёшь? Молчишь. Молчи, оно и понятно, потому как твой хозяин — тот ещё идиот. Снова вляпался во что-то, в очередной раз сунулся, куда не надо. Говорила Овечка, предупреждал Волк, брат, возлюбленная, а он всё лезет и лезет. Когда-нибудь ему в зад вобьют кол и поставят в назидания другим. А что? Заслужил. Не гляди на меня так, шкурка бляющая, я знаю твоего хозяина побольше твоего, а потому имею права так о нём отзываться. В каком-то роде я — его палочка-выручалочка, как у волшебниц Ионии. Они те ещё дурнушки...

Окна поместья были зашторены, во дворе сновала охрана, а на мансарде горел свет факелов. Сидевший у экипажа прищурился, залез ладонью под плащ, прошёлся пальцами по лезвиям. Овца забляла, уселась на зад и стала глядеть на незнакомца.

— Когда твой хозяин висел на шибенице, я ему не помог. Да, не помог. А знаешь, почему? Что это за осуждающий взгляд в твоих глазах, шкурка бляющая? Я мог помочь, да, но не стал, потому как непосредственная опасность ему не угрожала. Ты наверняка не знаешь всех этих умных слов. Поясню для твоего овечьего мозга: когда твоего хозяина избивают, я смотрю, а когда хотят отрезать яйца, тогда вмешиваюсь. Поняла?

— Бе-е-е-е.

— Славно, шкурка блеющая, вот и славно. Я бы не стал с тобой говорить, не зная, что произошло на том хуторе, кем были те маги и почему ты такая особенная. Верно я говорю? Да... Старик Ворон ещё не совсем из ума выжил, чтобы с тупыми овцами говорить. Не гляди на меня так, не сверли взглядом, пойдём лучше твоего дурака хозяина вытаскивать...

Загадочная госпожа Э вновь почтила присутствием своего гостя. Зажгла канделябры, взяла в руки нагайку и замахнулась для удара. Вместо того, чтобы принять глупую месть, герой поднял ноги вверх и саданул стальными ботинками по плечу хозяйки. Она опешила, упала в сторону, подняться снова не смогла. Заложник крепко схватил её за шею, придавил к половицам и застыл в нерешительности; радужки его глаз меняли цвет с тёмно-янтарного на родниковый.

— Нет. Не смей. Да, давай же! Мы должны... Не, ещё рано, она может стать заложником. К чёрту! Убей!

Витус отряхнул головой, вlepил себе пощёчину, а следом, крепкой хваткой вцепившись в госпожу Э, заставил её подняться. Обвязал ей горло нагайкой и, избавившись от стальных ботинок, поволок в сторону стола, где располагалось его имущество. Единственное, что взял герой, была стальная маска — память о матери.

— Где мои товарищи?!

— Подвал, — скрипя зубами, ответила хозяйка.

Она не сопротивлялась, когда её тащили, не стала звать на помощь и приказала стражам разойтись. Те неуверенно пятились назад, пропуская юношу вперёд и позволяя добраться до подвального помещения. Там и правда своей участи ждало трио заключённых. Завидев Витуса, Патриций закричал:

— Готовь жопу, хрен моржовый! Витус! А, Витус! Это ты, наконец-то, что-то ты опаздываешь! — мужчина стал барабанить по решётке, танцующими движениями праздновать победу. — Ну что, гадёныши, в портки уже наклали?! Аха-ха, это мой мальчик, юное дарование! Видишь, Николай, у этого мальчика есть честь. Он в беде не бросит!

Вскоре камера была открыта, и вырвавшиеся из передраги герои были готовы уходить. Приспешники дамы, как и было приказано, не вмешивались, но взгляд их был презрительным, а ладони застыли на ножнах. Они покинули подвал и вышли во двор. Всё это время хозяйка поместья была в заложниках у Витуса, который для пущего эффекта придавил лезвие кортика к её шее.

— Убейте их! Убейте! Убейте! — внезапно стала верещать она, явно охваченная паникой, страхом за собственную жизнь и адреналином.

Арбалетки приготовились стрелять, мечники обнажили сталь. Всего секунда, и герои были окружены со всех сторон. Послышался свист болтов, Винуен упал на землю, свернувшись калачиком, остальные были слишком шокированы, чтобы предпринять хоть что-нибудь. В одночасье солнце скрылось, наступило затмение, а следом... Нет, это невозможно описать, даже увидев, пережив подобное, мы до сих пор не верим в случившееся. Два вороньих крыла застыли на небе, совершили широкие взмахи, а следом были перья, много перьев. Они предрекали кончину, и каждый, увидевший это чудо, сложил свою голову. Как только тела пали ниц, солнце вновь показалось на небе, а на землю камнем вниз приземлился Ворон.

— Ворон! — вскрикнул Витус.

— Ворон... — заливаясь слезами промычала хозяйка.

— Еби меня в зад, вот это... — не находил слов Патриций.

— Чудо, — закончил за ним Николай, пока Винуен старательно молился.

Пришедший впился взглядом в госпожу Э, взгляд его был недобрый: он будто бы становился сталью, что пронизывает плоть. Встряхнул крыльями, покрутил головой и подошёл к женщине, пальцем поднимая её подбородок.

— Хитрая лисичка решила играть в игры для больших умов?

— Я не...

— Решила обмануть мудрого ворона.

— Нет! Я никогда бы, я вам так... Вы спасли меня, и я...

— Ты доказываешь обратное, и, как итог, я нахожу общество овцы приятнее твоего. Что это значит?

— Я...

— Не слышу.

— Я тупее овцы.

— Это аксиома. Послушай меня и делай это внимательно: твоя задача выполнена, какие бы мотивы ты не преследовала, всё кончено. Этот дурачок тебе не принадлежит, он вообще никому не принадлежит. Пока что...

— Я всё поняла, я поняла, я...

— ...поняла. Рад это слышать, а теперь... — женщина зажмурилась, предчувствуя удар, но вместо него до её кожи дотронулись хладные пальцы Ворона. Он прошёлся по её щеке, возвёл очи-горе и, обернувшись, бросил напоследок: — Это первое и последнее предупреждение. Если ты посмеешь ещё раз делать нечто подобное, я всё расскажу Матери, и тогда начнётся охота. Не трудно ведь догадаться, кто будет в роли добычи? Ты ведь помнишь Овечку и Волка? Вот и славно. Витус, за мной. Мы уходим.

Они покинули поместье, добрались до экипажа. Анута преданно ждала своего хозяина и, когда тот появился, отвернулась, щипая траву. Ох, уж эта женская натура. Спустя пару мгновений герои пустили лошадей в ход, держа курс на Зерницын Округ, где они смогут взять корабль до Шуримы.

— Спасибо.

— Нет, Витус, не спасибо. Это не норма, а исключение из правил. Ситуация, в которую ты попал, берёт корни из далёкого прошлого, когда ты даже в планах не был, а потому отчасти это моя вина.

— Славно, я уж думал, ты...

— То, что ты — конченный индюк, я знаю с момента твоего рождения. Это надо же довериться неизвестной женщине, приглашающей на ужин в месте, где каждый второй готов тебя повесить! Годы идут — ты не умнеешь.

Во время разговора Ворон освободил Витуса от частей кандалов, которые остались болтаться после его освобождения. Там, в мансарде он разорвал цепь, но не было времени избавиться от стальных «браслетов». Пока вечный охотник мучился с замком, юноша кормил яблоком Ануту и себя заодно. Наконец-то послышался победный щелчок, и Витус был освобождён. Патриций не упустил момента представиться:

— Патриций Патриций, сын самых креативных людей в Ноксусе, а вы...?

— Ворон. Просто Ворон. Муж самой жуткой бабы на свете, по-совместительству, вечный охотник.

— А я Николай.

— А тебя, хрен моржовый, не спрашивали!

— Будет тебе, Патриций, моё благоро... кхм, то есть, как человек интеллигентный, я должен представиться.

— Лучше уйди с глаз моих, пока не засёк!

— А не могу, мы теперь в одной лодке, я этот... Как его... Соучастник, во!

— Он ушёл, — констатировал факт Витус. — И лучше бы нам его больше не встречать.

Замолчали, разделили трапезу, выпили. Экипаж медленно брёл по тракту, на небе показались звёзды. Ануга заблеяла, боднула Витуса макушкой и легла на его ноги. Они двигаются дальше — это единственное, что им остаётся...

Теплые пески

«...И были они неразлучны. Черепаха и дракон — вот два путника, пересекающие пустынные земли Шуримы. Первого звали Ахатоп, и двигался он очень медленно; второй носил имя Махэпа и всегда дожидался своего товарища. Будучи детьми богов, этим существам были чужды земные меры времени, но к ним приходилось прибегать, когда друзья подсчитывали прожитые годы.

— Две сотни лет, — ворчала черепаха, — и бесконечность в запасе.

— Семь сотен лет, — хмурился дракон, — и сотня в запасе.

Что Ахатопу мгновение, то для Махэпа целая вечность. Несмотря на это, они были неразлучны: разделяли горе и радости, беды и печали. Они продолжали своё путешествие, пока однажды дракон не остановился, склонив голову на обжигающий песок. «Что с тобой Махэп?» — задал вопрос Ахатоп, но ответа не услышал. Он понял, что его друг прожил отмеренный ему цикл и теперь станет вольным ветром, парящим над Шуримой. Но они были неразлучны, а потому черепаха решила подарить ему часть своей жизни. Острым когтем она разрезала свою плоть и насытила почившего дракона своей кровью.

— Три сотни лет, — ворчала черепаха, — и столько же в запасе.

— Восемь сотен лет, — супился дракон, — и три в запасе».

Витус отложил книгу с легендами Шуримы, потянулся и, сладко зевнув, завалился на односпальную койку. В данный момент герой пребывает на шлюпе «Понмерси» под командованием капитана Лоуренса, который любезно согласился переправить его и товарищей в шуримский порт. Сначала он воротил нос, но крупная сумма рунитов изменила положение дел, и морской волк согласился на сделку.

Молодой человек крайне скудно описал своё появление в Зерницыном Округе, а потому мы не видим смысла добавлять в рукопись выписки из его дорожной книги. Ограничимся констатацией фактов: Анута получила несколько ящиков фруктов в дорогу, Николай заимел девять отказов от девушек из десяти, при этом десятая была, мягко сказать, не в его вкусе; Патриций оставил жестокую критику бару «Лагунамуна», назвав его и всех жителей Демасии тупым сбродом, пьющим мочу; Винуен совершил несколько хитроумных сделок, которые в простонародье называются надувательством, а Витус впервые написал письмо брату.

В Зерницыном Округе компания пробыла не больше двух суток и, на удивление, здорово конспирировалась. Ни один стражник, ни одна портовая торговка не заподозрили их в чём бы то ни было. Витусу пришлось снять маску и накинуть на голову капюшон плаща; эта маскировка донельзя оправдала себя: именно в таком виде он появился в таверне, где и повстречал Лоуренса. Группа путешественников тут же взяла его в обиход и стала давить на жалость, угрожать и подкупать капитана ради того, чтобы тот согласился переправить их в Шуриму. Почему именно он? Герои без труда могли найти другого владельца судна, но на это ушло бы время. Кроме того, Лоуренс был из тех, кто не задавал вопросов, да и вообще говорил мало и по делу. Таким образом, Витус и его спутники нашли корабль до Шуримы и отплыли семь дней тому назад.

Сейчас они в море: Анута достаёт матросов, Патриций играет с ними в карты, Николай спорит с капитаном о вещах неважных, Винуен следил за грузом, а Витус читал легенды и

сказки. Прочтение подобного рода литературы всегда успокаивает. Сейчас, когда сердце юноши объято сомнениями, ему как никогда нужен покой. Путешествие в Демасию выдалось не таким, каким его видел Гальего. Он в какой-то мере разочаровался в своих стремлениях, но был вынужден идти до конца. Не возвращаться же ему, как подбитой псине, в родной Болхейм. В него верит Антуанета, Гэвиус, Киндред и, если верить Патрицию половина селения. Он не должен их подвести!

Юноша впервые совершал морское путешествие и был искренне удивлён кораблю и его обитателям. Они плыли на шлюпе с ярко-синим парусом, на котором под порывами ветра волновалось изображение бараньей головы. Судно было оснащено всеми радостями жизни: баком для отходов, ухоженными каютами и обеденной палубой, где зачастую устраивались карточные игры. Единственным, что могло испортить пребывания на «Понмерси», были немытые матросы и до ужаса скверная еда, приготовленная худшим коком из возможных!

Через месяц плавания герои добрались до конечной точки — порта Нашраме. Витус покидал судно с большой радостью.

Мы приглашаем читателя прогуляться по чудесному портовому городу Нашраме, где всегда печёт солнце, а языки торговцев особенно остры. Здесь по улицам ходят люди в разноцветных туниках с блестящей от пота кожей. Местные жители привыкли оголять свои тела по мере сил, но большинство носило шендит. Пожалуй, улицы Нашраме можно назвать яркими из-за множеств радужных лент, которые, кажется, были везде: на людях, зданиях, лавках и так далее.

Дома представляли собой кирпичные коробки, чьи дверные проёмы были занавешены льняной тканью. Над ними простирались деревянные помосты, служившие переходом для тех, кто обитал на крышах. В порту находилось множество складов, рядом с которыми бедняки просили подаяния. Подай одному из них рунит, и тот расскажет, покажет и исполнит всё, что вашей душе угодно: проведёт по базару, устроит экскурсию по площади, где расположен храм с копией солнечного диска, а после посоветует хорошее заведение.

Героев теперь было не узнать — они облачились в туники, простирающиеся от груди до пояса; все, кроме Николая: он решил блистать своим волосатым торсом, ограничившись шендитом. Витус накинул на себя плащ, чтобы в очередной раз не давать повода для толков. Анута обзавелась удобной сумкой и теперь находилась за спиной у хозяина, вызывая улыбки на лицах прохожих. Они тыкали в овечку пальцем, нарекали новым божеством и просто смеялись, обсуждая увиденное. Кто знает, быть может, Анута является первооткрывателем Шуримы для своего вида — первая овечка в шуримских песках.

Было жарко, пот тёк ручьём, редкий ветер поднимал пыль, а ещё смердело немытыми телами. Повсюду доносились выкрики торговцев, зазывалы (часто — голожопая ребяшня) стремились привлечь героев к своему магазину. Но они выбрали противоположное лавкам направление и, рассматривая растущие пальмы, как бы стремящиеся вырваться из этих каменных джунглей, добрались до некоего подобия постоянного двора.

Это место представляло собой обширную площадь с несколькими десятками столов, зелёным уголком и стойкой заказов. От посетителя к посетителю ходили темнокожие женщины, виляя внушительным тазом и не стесняясь пререкаться с гостями заведения. Одна из них настолько сильно окликнула Витуса, что юноша опешил от такого гостеприимства.

— Вот это я понимаю место, так место. А главное народ открытый, сразу видно — добродушный! — твердил старик Винуен, присаживаясь за стол и улыбаясь вооружённому

мужчине; тому было не до улыбок.

— Во времена моей молодости было в Ноксусе подобное местечко. Там собирались только самые важные люди и...

— Долбили коз, — закончил за Николаем Патриций. — Знаем, видели, симпозиами называются.

— Весело, наверное.

— О, да, Витус, тебе бы понравилось!

Наставник неопфита залился смехом, Никола и старик Винуен сделали заказ. И вот сидят мужики и овца, жуют финики, запивают разбавленным вином и джином, да судачат о том, о сём. А может, ну его, эти приключения? Денег хватит на несколько дней свободного фланирования и расточительства. Пожалуй, для Витуса, который никогда не ощущал отцовского воспитания, подобная компания была в самый раз.

— Кто не пьёт — тот дурак! — кричал юноша, и компания взрывалась хохотом, соединяя стаканы.

Было жарко, тепло и вкусно!

— Витус, дай воды, я умираю.

— Витус, не слушай Патриция, дай мне воды, я больше умираю, чем он.

— Витус... — кряхтел Винуен. — Старику подай водицы...

— Бе-е-е! — Анута топталась по телам лежащих.

Юноша глядел на своих спутников, развалившихся на полу арендуемого дома. В его руках был кувшин с водой, последний и почти опустошённый. Герой погладил овцу и с чистой совестью допил остатки воды. И всё-таки хорошо никогда не пьянеть!

Витус чувствовал себя прекрасно, фланируя по улочкам Нашраме. Он улыбался торговцам, заигрывал с молодыми девицами и даже купил себе ожерелье из бус. В пути он узнал, что этот город принял власть Ноксуса, а потому здесь без труда можно было найти множество товаров из заграницы. Проходясь по узким улочкам, внимание героя привлёк сидящий купец, чьё тело как бы выделялось из людской толпы. Это был слепой на один глаз, лысый, бородатый, с накинутым на плечи фиолетового оттенка плащом мужчина преклонного возраста; его меткий взгляд мог сбивать птиц, а выпирающие вены подражали цвету накидки. На его прилавке было много всякого барахла, но героя привлёк именно плащ, и о нём, он решил расспросить незнакомца. Завязался разговор:

— Добра вам и благополучия.

— И тебе, юноша, и тебе... Гляди, какие окуляры, почти целые, не хочешь взять?

— Нет, я...

— Ну, оно и видно, муж учёный. Для таких у меня существует особое предложение: отдаю весы за полцены, а вместе с ними и набедренный пояс.

— Послушайте, я...

— Ну, нет, так нет, тогда обрати внимание на этот самовар, привезённый из Ноксуса. Сама посудина бесполезна, но в ней живёт кобра Афесий.

— Откуда у вас этот плащ? — Витус наконец-то решил быть прямолинейным.

Торговец смерил его взглядом, поднялся, размял спину, а после скрестил руки на груди. «Дурной знак», — отметил про себя герой.

— Этот плащ соткан из ткани Икати, она, — мужчина усмехнулся, — вам не по

карману.

— Никогда не слышал об этой ткани.

— И о бездне, поди, не слышали?

— Бездна?

— Да вы не местный, оно и видно. А захотите быть местным, купите вот эти бусы. Те, что на вас, — работа дилетанта, мои в...

— А где находится эта бездна?

— ...Может посох ивовый возьмёте? За полцены отдам. Бездна? А, Бездна, да... Ну, на карте путешественника она отмечена, и я могу...

— Продадите мне её?

— Да! За пол... — мужчина осёкся, увидев толстый кошель Витуса. — Но это будет дорого!

— Я беру карту путешественника и один из ваших плащей. Заплачу любую цену.

— А это у вас... руниты, что ли?

— Да, оплату произведу в рунитах.

— Тогда... — глаза торговца загорелись, — десять тысяч рунитов за плащ и три за карту.

— Идёт.

Витусу было всё равно на цены, он с интересом младенца разглядывал полученный плащ, засовывая тубус с картой подмышку.

— Эй, юноша! Может, чего-нибудь из хлама заберёшь? За полцены отдам!

— Спасибо, конечно, Витус, но на кой ляд, ты мне объясни, мне потресканные замыленные окуляры и поломанный ивовый посох?

— Не знаю, за полцены купил.

— Ты слишком небрежен со своими финансами.

Герои уже были за пределами Нащраме, держали путь в небольшое поселение, куда им посоветовали направиться для покупки средства передвижения. Патриций чувствовал себя ужасно: его похмелье было беспощадным. Никола некрепко стоял на ногах, уже успев пропустить несколько кружек в постоялом дворе, а старика Винуена пришлось тащить в тележке для фруктов, там же сидела Анута. Витус облачился в новоприобретённый плащ, который был лёгким, подобно флёру: наощупь походил на шёлк, но юноша помнил, что имеет дело с таинственной тканью Икати.

Шли молча под палящим солнцем, шлёпая тростниковыми сандалиями по обжигающему кожу песку.

Деревня, в которую прибыли герои, не имела официального названия, но все именовали её «Оплотом страждущего». Там толпилась кучка собирателей — жителей Шуримы, собирающих всякий хлам в песочных дюнах. Домов здесь было мало, а те, что были, видом напоминали широкие склады. И то было верным, ибо это были и не дома вовсе, а вольеры для пескоплавов — наездных животных, мордой и телом напоминающих крокодилов. Эти удивительные создания могли передвигаться под знойным солнцем целый день, за собой волоча тяжкий груз. Именно это и требовалось группе Витуса.

Глава этого поселения, по совместительству — развозчик пескоплавов, отказал им предоставить какую-либо помощь, ссылаясь на бандитов, поджидающих в дюнах. «Призраки

поджидают в песках, а после как напрыгнут!» — верещал, активно жестикулируя, один из собирателей весь в синяках и ссадинах.

Николай пообещал искоренить их, но ему мало кто верил, учитывая его внешний вид и придурковатую улыбку. Тогда в дело пошла дипломатия Патриция, благодаря которой удалось прийти к взаимному согласию, но, следует заметить, без уступок с их стороны. Хозяин пескоплавов согласился предоставить им транспорт, но с условием, что на нём поедут и собиратели, а герои станут для них эскортом, который сопроводит их до Солнечного диска. Руки были пожаты, договор закреплён, и вскоре герои и группа собирателей двинулись в путь.

Витус располагался на первой телеге вместе с Патрицием и Анутой, Винуен и Никола сидели во второй, идущей следом. Они продвигались вперёд благодаря пескоплавам, которые реагировали на особые команды. Это были не слова, а скорее набор звуков и слогов, используемых для руководства животными.

В дороге ученик рассказал своему наставнику про Бездну и ткань Икати, бахлясь своим новым плащом. Тот не разделял энтузиазма молодого человека и крайне скептически относился к цели их поездки. «Сначала довезём собирателей, а потом двинем в сторону Бездны», — таковы были слова Витуса, но у Патриция были очень дурные предчувствия на этот счёт. Вместе они о многом поговорили: вспомнили родной Болхейм, посмеялись с Николая и обсудили важные темы, касающиеся шуримской стали. В пути ели фрукты, пили купленное вино и даже пели.

Однажды Витусу удалось увидеть дормена — огромное существо, на котором живут кочующие племена. Оно высилось на двенадцать метров и имело мощные лапы и тяжёлые рога. Члены общины возводят на его спине здания, где пребывают большую часть времени. Когда нужно сбить сосущих тварей, этакую мошкарку, жители свешиваются со спины на стремянах и убирают нежелательных гостей; также осуществляется мойка животных и их медицинское обслуживание. Это зрелище поистине невероятное, особенно на фоне заходящего солнца.

Первая ночь выдалась беспокойной: Витусу всё время казалось, что за ними следят. Его инстинкты не подвели, и вскоре Патриций дал холостой залп по группе бандитов; они преследовали их, скользя по песку, используя некое подобие лыж. Стычки удалось избежать, но теперь становилось понятно, почему собиратели так опасаются встречи с «призраками песков». Кажется, их пути не было конца, но однажды пришлось сделать остановку. Витус заметил на горизонте одинокий шпиль и не смог побороть в себе любопытство.

— Перед вашими глазами руины одного из самых древних городов Шуримы. Место, где рождаются легенды, а из чрева скрытых в песках улиц появляются боги. Быть может, именно здесь был рождён Раммус. Слава Раммусу! — менторским тоном рассказывал один из собирателей.

— Или это просто храм паломников, — говорил его товарищ по ремеслу.

— А может и так. Кто же эти храмы разберёт, все на одно лицо!

Группа остановилась у небольшого здания, видом оно напоминало гробницу. Возвышающаяся арка, укрытая горсткой песка, уводила своих гостей вниз, в тёмное лоно неизвестности. «Мы ведь туда не пойдём?» — спрашивал Патриций. Ответ Витуса был очевиден. Он и ещё несколько собирателей намеревались спуститься вглубь и отыскать там

если не сокровища, то, как минимум, впечатления.

Факелы были зажжены, смельчаки готовы, и вот, через неполные две минуты, они преодолели, как оказалось, короткую лестницу. С каждой секундой эхо шагов усиливалось, а холод накидывал на спустившихся прохладное одеяло. Пожалуй, только ради этого можно было рискнуть и поддаться любопытству. Внутри было просторно, стояло несколько статуй людей с головами животных; в руках у них были посохи с круглым навершием, направленные на главный вход. Посередине гробницы находился обелиск, а рядом с ним прямо-таки светился ярким светом больших размеров камень.

Витус взобрался на пьедестал, поднял необычный камень и, не долго думая, сунул в отверстие. Что ж, привычка бездумно совать породила на свет множество дурного: например, демасийцев, как сказал бы Патриций. В одночасье помещение наполнилось ярким слепящим свечением, а после из посохов статуй полетели несколько шаров. Бах. Бах. Бах! Они разрезали яркими острыми пятнами тёмную ткань мрака. Послышались крики — это собиратели запаниковали, бросились на пол, а один из них получил серьёзное ранение.

Юноша кинулся к статуям. Его кожа отражала снаряды; они рикошетили от неё, точно мяч брошенный об стену. Взобрался. Сломал посох. Ударил по морде. Повторил. И так до тех пор, пока опасность не миновала.

— Всё кончено, — оповестил Витус, подбегая к раненому собирателю.

Мужчина харкал кровью, крепко прижимая ладони к боку. Герой приказал поднести к нему факел, зафиксировать руки пострадавшего, и, когда указания были исполнены, его взору предстала ужасная картина. Этот необычный шар не просто нанёс собирателю увечья, он лишил его куска плоти, как если бы его укусил один из пескоплавов.

«Острым когтем она разрезала свою плоть и насытила почившего дракона своей кровью».

Витус привык использовать все знания, полученные от каких бы то ни было источников. Он в одинаковой мере доверял трактату Эдуарда Сантанджело, как и медицинскому гримуару Филипа Эбейхаузена. И пусть легенды Шуримы — это всего лишь вымыслы, но ведь в каждой сказке скрывается доля правды.

Быстрым движением когтя юноша распорол свою ладонь и заставил пострадавшего выпить собственную кровь. Он прекратил дёргаться, его физиономия замерла в последнем вздохе. Витус дотронулся до сердца, приложил ухо к груди мужчины. «Дышит», — констатировал факт юноша, приказывая перебинтовать рану и уносить пострадавшего. Героя охватило волнение, он чувствовал затылком удивлённые взгляды собирателей, но ничего не сказал. Поднялся, поправил плащ и неспешно покинул гробницу. Больше здесь делать нечего.

Вечером путники развели костёр, собрались у огня и стали поджаривать снесь. По ночам в пустыне было холодно, она будто бы издевалась над героями. Никола в своём шендите заметно дрожал и стучал зубами. Патриций то и дело ходил туда-сюда, обсуждая случившееся с собирателями. Он нарекал Витуса азом медицины прямиком из ионинского монастыря. Эта ложь была способна пустить пыль в глаза и, быть может, обезопасить юношу от каких бы то ни было расспросов.

Но там, где толпа сдаётся, один одерживает вверх. Николай подсел к юноше, погладил Ануту, потешно жуящую яблоко, и как бы невзначай начал диалог о случившемся.

— Травник из Ионии, мастер медицинского цеха, значит? Я-то думал, ты сын барона,

исследователь и учёный.

Витус не нашёл что ответить, удручённо опуская голову. Ему было стыдно за свой поступок, хотя он в полной мере осознавал, что его действия спасли человеческую жизнь и позволили пострадавшему встать на ноги. Да, это было чудом из чудес, но, проглотив кровь героя, мужчина, пусть и с трудом, но уже мог передвигаться. Ему всё ещё было невероятно дурно, а товарищам по цеху приходилось менять бинты каждые три часа. Кровотечение было продолжительным, но со временем остановилось — рана зарубцевалась. «Раммус нам благоволит!» — кричали собиратели, вознося молитвы.

— Как ты познакомился с Патрицием? — задал вопрос Витус, направляя тему диалога в иное русло.

— Тебе версию для маленьких или правдишную? — с усмешкой отвечал Никола.

— Расскажи всё как есть.

— Это случилось, когда мы были новобранцами ноксианской армии. Оба были преданными фанатами генерала Фольгеса — ужасного типа, настоящей машины для убийств. Мы хотели стать героями, следовали пути сильнейших, осознавая истину: кто сильнее — тот и прав. Меня и Патриция отправили под командование Неона, тот ещё тип, мерзкий до тошноты. Вместе с ним мы высаживались на берега Ионии и штурмовали Пласидиум.

— Пласидиум в Навори?

— Ну, как штурмовали... Попытались, по крайней мере. Эти чокнутые храмовники вбили нам мозги как следует... М-да, много тогда полегло, а мы с Патрицием выжили и унесли знамя с поля боя. Поэтому, собственно, нас повысили и посвятили в офицеры. Два года, четыре, десять... Мы проходили с ним через огонь и воду, дождь и снег, подчас преодолевая немыслимые трудности и подвергая себя тяжёлым испытаниям.

— Представляю солдатскую долю. Тяжко, наверное.

Никола не ответил, лишь тяжело вздохнул, играя с пальцами левой руки. Он грелся у костра, глядел на звёзды, но, кажется, не собирался продолжать диалог. Вскоре повторно вздохнул, будто бы на что-то решился.

— Армия меняет людей: она садит в людских сердцах семя ненависти и взращивает его по мере сил. Патриций ненавидит меня за трусость, а я презираю его за жестокость. Не поверишь, Витус, но когда-то твой наставник был хилым мальчишкой в круглых очулярах, над которым то и дело издевались сослуживцы. Кажется, он копил злобу все эти годы, а когда в его руках появилась власть, он стал измываться над заключёнными. Он всегда любил науку, химию, эзотерику, и все полученные за долгие годы знания твой наставник использовал в камерах пыток. Порою его «эксперименты» выходили за рамки дозволенного. Те, кто попадал к нему на допрос, живыми не возвращались, а их останки хоронили в деревянных коробках. Я считал, что Патриций — истинный патриот и готов на всё ради победы Ноксуса, но однажды мне довелось присутствовать во время допроса. Этот человек наслаждался своей ролью палача, ему нравилось ощущать себя выше жертвы, и он растягивал её мучения только ради забавы. Стальные крюки, гвозди, хирургические инструменты — всё это было в частом обиходе нашего общего друга. Однажды мы поймали лазутчика — пастушку, ещё совсем малышку, едва ли ей стукнуло десять. Патриций не делал исключений для ребёнка, и ты даже в самых страшных кошмарах не представишь, каким мукам подверг её этот изувер. Уж не знаю, каких демонов он кормит, но спорю — они всегда сыты.

Снова пауза. Никола сглотнул, вздохнул, протёр вспотевшее лицо.

— Как только война с Демасией закончилась и был подписан мирный договор, я затерялся в чужих землях и официально был признан погибшим. Тогда мне хотелось свободы, и первым делом я пошёл на знакомый хуторок, спаленный пару лет тому назад при первом вторжении нашей армии. Нашёл там деваху, полез к ней, и меня огрели чем-то тяжёлым. После привязали камень к ногам и пустили на дно реки. Меня спас старик — священник, доживающий своё. На протяжении года я помогал ему разносить милостыню, кормить бедных и работать при храме. Мы помогали всем тем, кто пострадал от ноксианской армии, и тогда я понял, что вся эта война не имела смысла. Я раскаялся.

— Но ты ведь демасийский...

— ...барон и по документам — бывший офицер. На деле — рантье, снимающий хибарку в Зерницыным Округе. Та дамочка, леди в чёрном, пригласила меня из вежливости за «старые» заслуги. Вот и всё. Ты ведь и сам помнишь: я разделял камеру с Патрицием и стариком, только потому что имел глупость сказать, что знаю его.

Витус не знал, что ответить, как себя вести. Он не был эмпатом, но сейчас явно ощущал раскаяние мужчины. Никола и правда сожалеет о своём прошлом — это видно по его намокшим глазам. Юноша был ошеломлён правдой о Патриции. Да, герой знал, что его наставник — настоящий мастер своего дела, великий воин, на кого равняются ноксианские бойцы. Теперь становилось ясно, какой путь преодолел этот мужчина.

Молчали, задумчиво глядя на пламя костра...

— Чего лицо кривишь, лимон жуёшь?

Патриций был навеселе, опустошив не один графинчик вина. Они продолжали свой путь, двигались по маршруту собирателей и были готовы отражать атаку «призраков пустыни».

Этой ночью Витус спал дурно. Его мысли то и дело крутились вокруг наставника и рассказов Николая. Неужели тот, кого он считал своим вторым отцом, был способен на такие зверства? Главный дознаватель, великий душегуб, изобретатель машин для пыток — это всё о Патриции?!

— Ты служил под командованием капитана Неона?

Вопрос застал мужчину врасплох. Он не ожидал подобного от своего ученика и опешил, услышав давно забытое имя.

— Нет. Неон — это сучий выродок, но командиром его называть я не стал бы. Он бросил арьергард под натиском монахов. Если бы не этот... — Патриций ощерился, — ...мы могли бы захватить Пласидиум. Он жил, как трус, и помер соответствующе.

— Николай сказал...

— Николай говорит много, но ничего не делает — это разнит нас. Не слушай его, доверься своему сердцу и чутью.

— Оно подсказывает мне остерегаться тебя.

— Верно, — Патриций замолчал, сплюнув на песок, — друзей нужно остерегаться вдвойне.

Ехали молча под знойным солнцем, слушая болтовню старика Винуена. На душе было погано, и теперь Витус осознал значимость фразы: меньше знаешь — крепче спишь. Оно и верно, многие знания — большие печали. Вскоре телеги скрылись за линией горизонта.

Солнечный диск

Наши герои миновали Великую Саи и держали курс прямо на столицу Шуримы — Солнечный Диск. Витус до сих пор держал некие обиды на Патриция, хотя сформулировать свою претензию не мог. Юноша будто бы снял маску с наставника и под ней обнаружил донельзя мерзкое существо. Это походило на неспелый фрукт, чью червивость ты обнаруживаешь лишь после снятия кожуры. И мужчина был испещрён этими пороками: гордыней, гневом, чрезмерной жестокостью. Он упал в глазах ученика, из кумира сделался чужим. Однажды герои поговорили на эту тему и приняли решения не ворошить прошлое.

Патриций никогда бы не простил себе потерю ученика, потому как ощущал некие отцовские чувства к нему. Он будто был дядей Витуса, таким золотым человеком, который всегда поймет, простит, утешит. Вся эта история закончилась крепким рукопожатием соратников. На этот жест Никола скривил мину, но ничего не ответил.

Долго ли, коротко ли наконец герои увидели на горизонте второе солнце. «Солнечный диск!» — вскрикнул один из собирателей. То было верно, и телеги в скором времени подъехали к столице, вернее к тому, что от неё осталось. Она увяла, как увядают растения; разрушилась, как песочный замок волной прилива; истоптана ногами богов, стала игрушкой для легендарных героев. Коротко говоря, это было место подобное залу славы, где когда-то блестели награды, но сейчас их покрыла пыль, точно так же, как и величественные сооружения, укрыл толстый слой песка. Единственное, что осталось от некогда величественной столицы, — это дворец, возведённый под пресловутым солнечным диском, который левитировал между двумя шпильями.

Повсюду сновали люди, они жили в бараках и руинах; многие прятались от солнца под тентами. По сравнению с ними жители Нашраме были богачами, и даже тамошние бедняки выглядели более презентабельно. На местных же не взглянешь без слёз.

Телеги добрались до моста ведущего во дворец. Остановились, их пассажиры сошли, а местные грумы приняли вожжи и повели пескоплавов на водопой. Приезжих встретила стража — трое чернокожих воителей с копьями, облаченные в ярко-красные шиндиты. Они говорили с шурымским наречием, бросая слова в лицо. Это походило на крики, хотя мужчины вели преспокойную беседу. Им взбрело в голову обыскать телеги. Становилось ясно, что подобное мероприятие затянется на несколько часов. Патриций пытался ускорить процесс, но ничего не могло сравниться со стойкостью или, быть может, ленью стражей. Они остались непреклонны.

— Эти идиоты не хотят шевелиться, — со злостью шипел мужчина.

— Но ведь в город мы можем пройти?

— Да, Витус, можешь пройти, но только без меня. Я им наши вещи не доверю. У меня в телеге бочонок вина спрятан, и, если он пропадёт, я за себя не ручаюсь!

— Разве это проблема для великого дознавателя? Устроил бы допрос, ты же в этом мастак.

Патриций поглядел на Витусу с сожалением, как бы, раскаянием и, не найдя нужных слов, похлопал по плечу, удалившись к упомянутому бочонку.

— И обернутся грехи наши птицами, и улетят они из душ наших, и озарит свет тёмные сердца, — Никола подошёл со спины, проводил взглядом бывшего напарника и, улыбнувшись герою, продолжил: — Каждый заслуживает прощения. Я рассказывал тебе про

прошное Патриция не для того, чтобы ты отдалялся от него.

Витус промолчал, кивнул и направился в сторону города. Солнечный Диск открывал свои объятия для очередного путешественника...

Юноша опешил, стоило ему увидеть столицу. Здесь было многолюдно, воняло потом и отходами; люд теснился в полуразрушенных домах, большинство жило прямо на улице, забиваясь в углы; прилавки торговцев пустовали. Витус проходил череду узких улочек и ловил на себе пристальные взгляды. В одночасье он стал предметом толк и вскоре заметил, что за ним тянется толпа наблюдателей. Тогда герой ускорил шаг, вбежал по уходящей вверх лестнице и потребовал у стражников, чтобы те провели его к императору.

— Господин Гальего, барон из Болхейма, — слегка солгал герой, желая как можно скорее отвязаться от докучливой толпы.

В ту же секунду, его повели по пустующему дворцу к действующему императору Азире II. У стен несли стражу песчаные скульптуры солдат. Лики гигантов грозно глядели на героя, их копья опасно блестели в свете гуляющих лучей. Кроме них в здании находились многочисленные слуги, начиная детьми и заканчивая стариками. Они были грязными камушками на золотой тарелке, морщинами на миловидном личике. И правда, внутренности дворца были украшены позолотой, дорогими тканями и величественными статуями древних богов.

Хозяин принимал героя в своей комнате, обставленной по лучшим традициям Шуримы. Мягкие ковры, красочные портреты на стенах, небольшой столик с яствами; наложницы так блестели, что казалось, были сделаны из золота, оным была обставлена вся комната, в ней же блистал и правитель. Это был среднего телосложения мужчина в бархатной тунике с керамической маской на лице; застывшее изображение имело клюв, тонкие прорези для глаз и ручейки затейливых узоров.

Увидев Витуса, Азир сделал небрежный жест своим наложницам, те поклонились господину и покинули комнату. Хозяин встал, подошёл к гостю и протянул руку.

— Кажется, так у вас принято?

Обменявшись рукопожатиями, они сели подле стола, опустившись на мягкие подушки. Первым заговорил Азир.

— Можно не знать отца своего ребёнка, но Витуса Гальего — барона из Болхейма — знать приходится, — голос императора был мелодичен, нежен, но в то же время герой ощущал в нём ядовитые нотки.

— Боюсь, вы путаете меня с братом. Я простой учёный, совершаю кругосветное путешествие. Нет, благодарю, я не хочу вина. Моей целью в настоящее время является изучение шуримской культуры. Вы очень добры, но я откажусь от сладкого хлеба. В самом деле пески Шуримы достойны кисти Мимолето Авенити или, быть может, Георга Рулония. Прошу, не стоит наливать мне пиво, я не любитель алкоголя. О чём я? Ах, да, я прибыл в столицу, чтобы довести сюда новых друзей, они по профессии собиратели и были вынуждены просить у меня защиты.

— Желаете мяса?

— Только воды, если можно.

Азир сделал движения рукой, и слуги исполнили его желания в мгновения ока. Более того, они заполнили стол различными фруктами: дольками дыни, арбуза, персиков и слив. Витус был потрясён до глубины души, ведь сердечно считал, что народ и его правитель

вынуждены сводить концы с концами. Но представшая перед ним картина показывала обратное.

— А я, пожалуй, выпью вина. Знаете, Витус я уважаю вашего отца, благодаря ему я потерял часть южных земель. О, нет-нет, не стоит извиняться, или что-то в этом духе, я уважаю права сильного и разделяю политику Ноксуса. Они хорошо делают, и мало кто знает, что в далёкие времена Шурима придерживалась схожих взглядов. Наши отчизны так похожи: величественны, богаты, велики. Право, я даже подумывал построить небольшую усадьбу, в ноксианском стиле, кажется, они очень обширны... Мне много читают, мои наложницы очень образованы. Я люблю архитектуру далёких стран и изучаю заморские культуры. Знаете, для существа, которое живёт тысячу лет, я почти не видел света. То ли дело вы, впрочем, мы с вами одного поля ягоды.

— Простите?

— Меня называют идеальным существом, что в сущности чистая правда, а вас кличут вастаи. По крайней мере, мои слуги. Но вы ведь не вастаи, я понял это в тот момент, когда вы сняли маску. Да, Витус, я благодарю вас за соблюдение этикета и прошу унять моё любопытства.

Витусу было некомфортно, но уйти сейчас означало бы проиграть бой с самим собой, а потому герой поведал Азиру о своей матери, отце и их трудах. В конце истории хозяин сухо засмеялся, как если бы ему рассказали вчерашний анекдот.

— Вот оно что, вечный охотник. И что же думает Матерь, пожиная плоды трудов на Сумрачных островах?

— Они не слишком отличаются от Шуримы.

Азир поднялся, движением руки поманил за собой Витуса. Они прошли несколько шагов и, отдернув занавески, оказались на балконе. Отсюда открывался захватывающий вид, и даже телеги, на которых приехал герой, были видны, как на ладони. Хозяин раскинул руки в стороны, будто бы собирався обнять необъятные просторы.

— Поглядите на этих людей, взгляните на эти пески. Всё это однажды будет процветать, каждый из этих мучеников будет вознесён в сады наслаждения. Они счастливы служить провидению, потому что осознают свою роль и доверяют мне. Великие пески Шуримы любят своих детей, любят меня и каждого, кто преклоняет колени перед их величием. Взгляните за горизонт, что ты видишь? Песочный ковёр? Отнюдь. Это место для будущих храмов, дворцов, святилищ. Люди возводят мне памятники своего горя, и я радостно принимаю их жертву во благо будущего.

— Я не вижу на их лицах счастья.

— Вы слепы.

— Они жалуются на свою жизнь.

— Вы глухи.

— Я считаю, они страдают.

— Вы глупы.

Витус умолк, понимая, что дальнейший разговор не принесёт плодов. Теперь ему стало омерзительно разговаривать с таким собеседником. Здесь, во дворце, он тонет в роскоши, набивает брюхо, в то время как его подданные страдают и умирают прямо на улицах. Это ужасно!

Не в силах больше терпеть этот абсурд, герой поклонился и покинул правителя. Ему хотелось помочь этим людям, но он понимал, что его подачка будет равняться капле в

пустыне. Как только добрался до телег, тут же приказал Винуену запрягать пескоплавов.

— Мы отбываем, — коротко сказал Витус.

Перед тем, как покинуть пределы города, герои попрощались с собирателями. Они расстались на доброй ноте, и через десять минут группа возобновила движения.

Разбойники в песчаных дюнах Шуримы подобны ящерицам: они сливаются с окружением, становятся призраками, и, когда ничего не подозревающий путник проезжает мимо, злыдни напрыгивают на него. У этих супостатов нет сердец, ибо сожаление, как и раскаяние, им неведомо. Они безжалостно перерезают глотки, а после закапывают тела в слои песка. Внимательный читатель помнит, что передвигаются оные на специальных лыжах и зачастую орудуют луками. В группе их не больше десяти — малочисленность помогает выгодно делить барыш.

Но сегодня один из лидеров шайки, слоняясь по Солнечном Диску, увидел знатного господина, идущего во дворец. Он послал мальчугана оповестить своих и стал следить за незнакомцем. Читатель уже догадывается, о ком идёт речь. Витус обратил на себя внимание не только жителей столицы, но и бандитов. Они быстро скучковались, собрали многочисленный отряд, насчитывающий два десятка, и были готовы к налёту.

— Это дельце будет самым прибыльным! — говорил один из них.

— Четыре человека и две телеги, нагруженные доверху. Нам везёт! — вторил ему второй.

— Чего стоите?! Быстрее, они уже выезжают! — торопил всех третий.

Император со своего балкона взирал на телеги Витуса, которые преследовала группа теней. Азир улыбнулся, натягивая одну из своих гаденьких улыбочек. Героев ждало испытание.

Патриций опешил, его сердце ушло в пятки в тот момент, когда стрела пролетела в миллиметре от его носа. Увы, старику Винуену повезло меньше, он свалился с козлов, и лишь чудом Витус остановил пескоплавов.

— Винуен! — кричал юноша. — Держись, старик!

— Витус, стой!

Николай пытался опередить героя, но было поздно: Витус спрыгнул с телеги и, не обращая внимания на ливень стрел, подбежал к старику. В это время Патриций и Никола сгруппировались, и стоило им укрыться, как тут же послышались крик и топот десятка ног. К ним сломя голову бежали разбойники, размахивая палашами, дубинами, копьями и иными видами орудий умерщвления.

— Витус! — крикнул наставник, кидая ученику его излюбленный кортик.

Юноша ловко словил оружие, обнажил сталь и непринуждёнными движениями встретил врага. Он бил без промаха, резал быстро, сильно, беспощадно. Каждый удар находил свою цель, и каждая цель падала под натиском нечеловеческой силы. Николай и Патриций прикрывали тылы, всё ещё находясь под гнётом лучников. Первый кидал копья в бойцов дальнего боя, а второй использовал свой пистоль. Совместными усилиями они держали позиции, пока Витус неистовствовал на поле брани. Он колол, резал, рубил. Кровь окропила песок, конечности летели во все стороны.

Разбойники всё прибывали. Несколько из них, несмотря на бдительный надзор Николая и Патриция, всё-таки влезло на телеги и тащило первое попавшееся под руки.

— А ну, гнида, вино не трожь! — Патриций бросился на противника, повалил его на землю и пробил глазницу дулом пистоля.

— Патриций, сзади!

Мужчина не успел обернуться, как прилетевший со стороны Витуса фальшион обезглавил скачущего на пескоплаве наездника. Герои встали спиной к спине, блокируя нападки сразу нескольких недругов. Они сыпались, точно муравьи, появлялись из неоткуда, оправдывая свои прозвища «призраков пустыни».

Ожесточенный бой длился на протяжении нескольких минут. Точку в нём поставил Витус, лишая нападавших преимущества в виде стрелков. Юноша вырезал лучников, точно косил траву. Не сумев изъять сталь из плоти недруга, герой стал орудовать кулаками; удары его были беспощадны. Он бил, рвал, кромсал когтями, входя в безудержный раж. Удар. Удар. Удар. Это походило на бешеный танец, пляску безумия.

Осознавая, что враг сильнее, разбойники стали отступать, но герой не дал им этой возможности, пуская в догонку поднятую сталь. Он метил без промаха. Вскоре воцарилась тишина, нарушаемая слабыми стонами умирающих. Птицы, парящие в небе, предчувствовали пир.

Воистину месть сладка, особенно когда оцениваешь её плоды. Во время битвы один из нападавших — тощий обнажённый карлик — сумел скрыться под дном телеги и намеревался сбежать, как только герои отправятся дальше. Увы, ему уготована незавидная участь. Витус закопал его в песке по шею, рядом водрузив тела убитых бандитов. Вскоре коршуны заинтересовались мужчиной, а троица выживших на безопасном расстоянии наблюдала за птичьим пиром. Никола с отвращением глядел, как массивные крылья птиц накрывают голову супостата; Патриций наслаждался отчаянным криком мученика, а Витус со стеклянным взглядом, лишенным каких бы то ни было эмоций, наблюдал за шматами плоти, кою делили крылатые бестии.

— И воздастся нам за дела наши... — Николай сложил ладони в молитвенном жесте, возвёл очи горе.

Молчали. Говорить было нечего.

Старика Винуена расположили на белоснежной скатерти, закрыли веки, сложили руки. Герои приняли решение сжечь труп товарища, чтобы он не стал пищей для падальщиков. Разбив один из ящиков, Витус сделал что-то сродни маленькой версии кострища и, водрузив его на почившего, поджёг. В ноздри тотчас ударил мерзкий запах палёной плоти, но ни один из троицы не смел отворачиваться. Они стоически терпели смрад, отдавая последнюю дань почившему товарищу.

Анута заметила движение на горизонте и, марая копытца в лужицах крови, потопала к тёмному силуэту.

Он пришёл из ниоткуда, словно призрак явился по дуновению ветра. Его поступь была столь легка, что ни один из наших героев не услышал приближения. Лишь овечка радостно подбежала к старику Ворону, получила порцию поглаживаний и решила сопровождать его к хозяевам.

Мужчина выводил в воздухе узоры, как если бы дирижировал оркестру. При этих движениях из тел почивших бандитов вырывались души. Они светлыми огоньками

отделялись от плоти, точно роса на кончике травы зависала на мгновение, будто бы сопротивляясь неизбежности. Вскоре вечный охотник исполнил назначение и, приметив птичий пир, поравнялся с троицей героев.

— Мы убиваем людей быстро и безболезненно. В противном случае, если жертва оказывает сопротивление, наша жестокость оправдана, — Ворон глядел на обглоданный скелет бандита через огненный флёр: с черепа свисали ошметки плоти, глазницы стали чёрными дырами; падальщики выкапывали жертву. — Но это, пожалуй, слишком даже для меня.

Витусу нечего было ответить. Его обуревают гнев, приливами лавы обжигая сердце. Ему хотелось разорвать всех этих нечестивцев, надругаться над их трупами как бы в отместку. Быть может, теперь юноша понимает, что чувствовал Патриций и отчего в нём преобладала жестокость. Но в то же время герой осознавал, что уже ничего не вернёт старика Винуена в мир живых. Он сокрушенно понурил голову, тяжело вздохнул. «Я не смог, его защитить», — шептало сознание Витуса; душа познала смятение.

Молчали. Ворон не спешил забирать душу почившего кучера.

Вскоре вечный охотник покинул героев так же внезапно, как и появился. Они отъехали от места бойни на несколько ярдов и по велению Витуса остановились.

— Дальше я поеду один, — сказал юноша, спрыгивая с козлов.

Патриций положил ладонь на плечо ученика, глянул на Николая. Тот отпустил вожжи, упёр руки в бока, но его жест непокорности ничего не мог изменить. Им придётся расстаться.

— Шурима — это настоящая обитель нечисти. Здесь отовсюду поджидает опасность, и я не хочу, чтобы кто-нибудь из вас пострадал.

— За мою задницу не волнуйся, Витус. Сопровождать тебя — мой долг наставника.

Патриций был непреклонен; юноша поблагодарил его.

— Не хочу быть обузой, поэтому если моя компания вам в тягость...

— В тягость, — перебил Патриций.

— ... то я отправлюсь в Болхейм в роли гонца и доложу всем о наших похождениях. Ануту заберу с собой.

— Бе-е-е!

— Ишь ты, какая! Ну, малышка, гляди: хозяин желает уберечь тебя.

Витус не хотел отпускать Николая и тем более — своего любимого питомца, но ситуация требовала решительных действий. Остаься они подле героя, и неизвестно что может произойти. Он делал это с болью на сердце, но осознавая всю важность принятого решения.

Итак, герои решили разделиться. Николай пожал руки соратникам, Витус обнял Ануту, Патриций пожелал удачи отбывающим, и на доброй ноте они попрощались. Прожорливые птицы наблюдали за двумя расходящимися телегами.

Прощание

На небе хмурились тучи, телега продвигалась по песочным дюнам, оставляя позади Мосломарк, огибая Векаура и двигаясь вдоль Калика. Путники неспроста выбрали этот маршрут: он позволял наполнить фляги, омыть тело и перевести дух. Они делали остановки по мере необходимости и никогда не говорили больше, чем того требовала ситуация. Их молчание было наполнено скорбью.

Патриций решил развеять траур, заговорив на далёкие темы. Он вспомнил Болхейм, стал рассказывать об Антуанетте, говорить о Гэвиусе. Витус не обращал на него внимания, сидел истуканом. Юноша думал о почившем старике, о той жертве, что была возложена на алтарь его стремлений. Гальего был готов жертвовать собой, но не хотел, чтобы ради него погибали остальные. В одночасье наводнение спало, и герой обратил внимание на попутчика. Тот не замолкал.

— ...Если смешать сидр, водку и вино, получится... А, ты меня слушаешь?

— Прости, ты, кажется, что-то говоришь?

— Я говорил с призраками, а теперь, раз ты почтил меня вниманием, заговорю с тобой. Витус, поверни назад.

Слова наставника ледяной водой окатили героя, зарядом тока прошлись по венам. Он вздрогнул, осознавая, в какой опасности находится Патриций, продолжая следовать за ним. Всё это приключение — одна опасная авантюра, из которой никто не выйдет живым. Эта мысль будоражила сердце.

— Поздно ты решил меня отговаривать.

— Никогда не поздно поумнеть.

— Тогда ты разделяешь со мной статус дурака.

Патриций горько усмехнулся, передал ученику вожжи, потянулся назад и открыл бочонок с вином. Спустя несколько манипуляций доверху наполненная фляга кочевала по ладоням путников. Алкоголь располагал к беседе.

— Ты верно говоришь, Витус: я — дурак. Вместо того, чтобы сидеть в своём кабинете, пожиная заслуженные лавры, ставить рога мужьям баронесс, посещать светские рауты, я выбрал путешествия в один конец, — мужчина присосался к горлышку фляги, лицо его морщилось. — И всё ради горячо любимого ученика, золотого самородка, белой вороны в чёрной стае. Пропави ты пропадом, если бы мне когда-нибудь сказали, что стариком я буду пересекать Шуриму рада возможности погибнуть вдали от дома.

— Ты можешь...

— Нет, не могу, — отрезал Патриций. — Я не могу оставить тебя, бросить одного. Ты — щенок, который суёт нос во все щели. Не смей меня перебивать! Ты просто идиот! Вся твоя дорога усеяна трупами, ты пишешь свою историю кровью, вместо культуры изучаешь злобу и всё равно сидишь довольный. Закрой рот, Витус! Ради чего ты это затеял?! Где искать смысл? Ты хотел свободы, хотел парить, как птица. Ну так вот же, наблюдай с высоты птичьего полёта за всеми судьбами, которые ты сломал. А когда наскучит, почти вниманием тех, чьи сердца ты разбил, тех, чьи планы истоптал. Не смей мен...

— Патриций!

Пескоплав вошёл в дерапаж, и наставник, не удержавшись за вожжи, слетел с козлов, с криками покатился калачиком по склону. Витус спешил на помощь.

— Ты, Витус, как баба: бить тебя жалко, а кричать бесполезно. Иной раз, как взял бы, да... Да только глядишь на эту рожу — вспоминаешь всё прожитое, и как-то тоскливо становится.

— Вина?

— Само собой.

Фляга была наполнена, разногласия оставлены в Шуриме.

Представьте здорового каменного дикобраза, омываемого с обоих боков ледяными волнами — это будет идеальное описание земель Икати. Этих неровных скалистых побережий, покрытых известняком и сланцем, населенных ужасными тварями. По слухам, они приходят с Бездны — разлома вне времени, за которым находятся таинственные повелители. Из-под земли вырывались кристаллы, они были будто маяками, своим фиолетовым свечением привлекая любопытных авантюристов. Каждый, кто осмелился зайти дальше Сай Калика, подвергал себя чудовищной опасности. Горе этим бедным душам, ибо никто не возвращался с Икати прежним.

Местный рельеф был слишком труднопроходимый, сплошь и рядом состоящий из выпуклых бугорков и впадин. Герои решили оставить телегу и двигаться дальше на пескоплавах. Перед этим они взвалили на свои плечи походные рюкзаки, толстые, как глотки кашалота. Патриций допивал вино, задумчиво наблюдая, как раскаты грома лижут прибрежные скалы.

— Ещё не поздно вернуться, — сказал Витус, поправляя маску. — Я не стану считать тебя трусом.

— Я прошёл ноксианскую кампанию, и ты говоришь мне о страхе? Единственное, чего я действительно опасуюсь, так это увидеть твою голову, насаженную на кол.

— Патриций...

— Ты не думаешь о других, Витус. В глубине души ты эгоист. Представь: ты погиб, и каждый из твоих близких получает оповещения. Где труп? Да где-то валяется, кто ж его знает. Хоронят пустой гроб, на могильной плите высечена надпись: «Навсегда в наших сердцах». Перед могилой стоит Антуанетта с опухшими от слёз глазами, Гэвиус с потеряннным видом. Анута ждёт хозяина, это тупая животина наверняка думает: «Завтра мой хозяин вернётся, он вот-вот придёт». Но она не понимает, что её горячо любимый хозяин кормит червей где-то в Икати. Ты думаешь, что смерть — это просто, но подумай о тех, кого ты оставляешь жить на этом свете без своего плеча.

Повисло молчание. Патриций присосался к фляге, жадными глотками наполнял чашу откровений.

— Но ты...

— У меня нет никого, кроме тебя, Витус. Кроме несносного парнишки, сующего нос куда не следует. Моя жизнь — твоя, — мужчина усмехнулся. — В ней нет больше ничего, кроме долга перед учеником.

Это был крик души, последняя возможность повернуть назад.

Патриций не стал говорить, что чувствует на самом деле: ему была чужда сентиментальность. Но сердце героя разрывалось: он предчувствовал беду, такую же чёрную, как нависшие над ними тучи. «Тебя ждёт брат, питомец, любовница; старый учитель просит тебя повернуть назад. Если не ради них, то ради меня, сделай это, Витус! Пожалуйста.

ягнёночек!» — горло предательски сжалось, и вместо проигранной в голове фразы мужчина лишь выдал тяжелый вздох. Каждое решение ученика было сродни удара по его каменному сердцу. Но он не мог позволить себе проявлять слабость. Молчал, присосавшись к фляге с вином.

— Это не твой путь... — пробурчал Витус.

— Он стал моим, когда я взял под своё крыло неоперившегося птенчика.

— Я не понимаю.

— Это нормально. Ты ещё молод, и, если хочешь дожить до моих лет, вот тебе совет: никогда не думай о других. Продолжай быть самым ужасным эгоистом из возможных, топчи и сокрушай, уничтожай и насмехайся, но не позволяй кому бы то ни было влиять на твои решения.

— Зачем ты раздаёшь советы, которыми не пользуешься?

— Чтобы мои ошибки предупредили тебя.

Витус не сумел найти ответа, сокрушённо опустив глаза. Юноша не понял всей глубины этих слов, не осознал, насколько наставник ненавидит себя за эту отцовскую привязанность. Это был беспомощный крик, адресованный слепому, ходящему по лезвию ножа.

Между путниками выросла стена недосказанности. Оба считали, что у них ещё будет время найти компромисс, обсудить проблемы. Это ошибочное мнение вселило лживую уверенность в наставника и ученика.

Они взобрались на пескоплавов и продолжили движение. Бездна встречала новых посетителей.

Наблюдатель застыл. Он находился на высоком склоне, окидывая земли Икатию всевидящим оком. Даже с такого расстояния охотник разглядел приближающихся жертв — двух путников, пересекающих горный перевал. Они не подозревают о засаде, а дети бездны точат клыки, скалят зубы, подбираясь к ним всё ближе. Ближе, ближе, ближе...

Хищник был заинтригован, его ожидало интересное представление.

— Сдохни, гнида!

— Патриций! Обходят, они сзади!

Не больше, чем пару секунд назад, героев взяли в кольцо полчища тварей. Они налетели, подобно саранче, напрыгивая сверху. Это были большие жукоподобные существа с крепкими панцирями, острыми зубами и толстыми шеями. Их удары были беспощадны, но Витусу ничего не стоило блокировать атаки, ловить конечности и переламывать их, точно это были веточки. Юноша использовал кулаки, мутузил, что есть духу. Удар. Удар. Удар!

Послышался выстрел, крик — Патриций потерял равновесие, упал на землю: тварь нависла над ним, щёлкая челюстями. Витус метнул кортик, как если бы играл в дартс. Попал в глазницу твари, та, визжа, отпрянула от жертвы; мужчина воспользовался мгновением, вынул сталь и размашистыми ударами мешал подходящим силам недруга.

— Хорошая работа, Никэтор!

Они встали спиной к спине, кружась в бешеном танце: рубили наотмашь, давили башмаками, отбивались кулаками. Витус рвался вперёд, ему вдогонку двигался Патриций, добивая оставшихся уродцев. Пальцы мужчины резво забивали пороховые пули в барабан пистоля. Бах! Очередная головёшка разрывается на десятки осколков. Герои уже не видели, куда бьют: кровь заливала лицо, попадала в глаза; секундное промедление, мимолётная

слабость могли стать фатальной ошибкой. Это была мясорубка, из которой товарищи тщетно пытались выбраться, но противники наступали отовсюду: слева, справа, сверху. Твари повсюду!

Героям помогали пескоплавы, неистово свирепствуя, отвлекая врагов.

— По сёдлам! Быстрее!

Но было уже поздно: рой тварей разрывал животных, споря за каждый шмат плоти. Осознав, что бежать некуда, герои стали сражаться с ещё большим рвением; это были тщетные попытки выжить. Дичь, попавшая в капкан, готова на всё. В воздухе смердело кишками и порохом, уши закладывало от визга.

Дети бездны были подобны муравьям. Если герои убивали двоих, им на смену приходили трое. Они брали числом, наваливались кучей. Витуса рвали на части, но, как помнит читатель, благодаря крепкой коже юноше было всё ни по чем. Патриций же затих окончательно. Находясь под завалом тварей, герой понял это слишком поздно, а когда стал звать наставника, не услышал выкриков в ответ. В одночасье Гальего запаниковал, стал с большей силой противиться тварям: давить, колоть, бить. Вырвался из захвата и, обернувшись в сторону мужчину, увидел, как его тело угаскивают на вершину склона.

Сорвавшись с места, не обращая внимания на погоню, Витус стал догонять тварей. Он ловко взбирался по булыжникам, попутно скидывая противников. Когда, наконец, добрался до вершины, первое, что герой увидел, был застывший взгляд наставника.

— Патриций!

Гнев забурился в юноше, подобно лаве в кратере вулкана. Он снова ощутил хладные прикосновения к вискам, как бы оттягивающие его сущность на задний план. И Витус не стал противиться этому, позволил Оvidу появиться на сцене. Бойня стояла страшная.

Наблюдатель ликовал. С каждым ударом добычи его нутро содрогалось в экстазе. Жертва была не просто сильна, она была непобедима! Дети бездны приливами волн запрыгивали на него, но ничего не могло сокрушить этого титана, образ демасийского Галио. Его удары разбивали головы, пробивали тела, отрывали конечности. Это был бой дракона с мошкаррой. Подобный индивид будет интересен Владыкам Бездны.

Охотник ощутил нечто доселе невиданное, острой иглой волнуящее сердце. Неужели он боится? Тот, кто пожрал миллиарды жертв, попятился назад, припал к земле. В этой игре нужно быть осторожным, особенно с таким сильным противником.

Наблюдатель крадучись двинулся к бойне.

Он припал на колени, невидящим взором глядя на Патриция. Его тело было изуродовано тварями, рот застыл в немом крике. Землю вокруг заполняли сотни жукоподобных тел, порванных в клочья. Витус не мог двинуться, пытался осознать произошедшее. Его наставник, человек, с которым он был неразлучен столько лет, мёртв. Сознание отказывалось верить в подобное, но истина была неопровержима.

— Патриций... — шёпотом произнёс юноша, беря ладонь почившего героя. — Патриций, ты меня слышишь?

Ветер пронизывал до мурашек.

— Сейчас, погоди, Патриций, я сейчас...

Лихорадочными движениями когтя Витус распорол себе вену. Юноша раскрыл погибшему рот, стал вливать серебряную жидкость, но желаемого эффекта это не возымело.

Тогда герой попробовал разрезать ладонь, палец, шею, щёку, торс... Он наносил себе увечья, кровь хлестала ручьём, но всё было тщетно. Патриций погиб.

— Ты не можешь оставить меня, нет, не можешь. Патриций! Патриций, очнись! — навзрыд рыдая, Витус схватил наставника за шкуру. — Патриций, ты мне нужен, Патриций! Ты говорил мне, что будешь со мной до конца! Патриций!

Воздух пронзил истошный вопль; юноша прижался к телу наставника, задыхаясь от собственных слёз. Он потерял своего товарища, друга, человека, заменившего ему отца, и всё ради своей прихоти, этого бессмысленного путешествия. Подумав об этом лишь на мгновение, Витус со свойственной молодым людям решимостью поклялся во что бы то ни стало перевернуть мир с ног на голову. Сделать так, чтобы жертвы, возложенные на алтарь его стремлений, не были напрасными.

«Ты не думаешь о других, Витус. В глубине души ты эгоист. Представь: ты погиб и каждый из твоих близких получает оповещения. Где труп? Да где-то валяется, кто ж его знает. Хоронят пустой гроб, на могильной плите высечена надпись: «Навсегда в наших сердцах»...»

— Навсегда в моём сердце... — герой вытер слёзы отчаяния. — Если бы я тебе всё сказал, если бы послушал тебя, Патриций... Ты прав, я эгоист, который ни о ком не думает. Быть может, будет лучше, если про меня все забудут, потеряют из вида. Мы разделяли горе и счастье и теперь разделим одну могилу. О, Патриций, Винуен, отец, знайте, что скоро я присоединюсь к вашему пиру. Мы будем рассказывать о своих подвигах, а чтобы было, о чём рассказать, я отправлюсь в Бездну. Пусть Моргана дарует мне силы, ибо свет Кейл уже не осветит мою запятнанную душу.

Перед собой Витус увидел маленькое, пухлое, с вытянутыми конечностями существо. «Душа», — тут же понял герой. Стоило ему дотронуться до неё, и она растворилась, словно мираж.

— Патриций, ты не погиб, погибла лишь твоя оболочка, — эти мысли заставили проясниться скривившуюся физиономию. — Ты слаб, но это ничего, ведь я буду рядом. Мы будем вместе, Патриций, как все эти годы. Я не брошу тебя одного, как и ты не бросил меня. Твоя смерть будет отомщена, будь уверен.

Ветер свистел, гром кричал, а тучи плакали. Витус поднялся с колен, возвёл очи горе. Громыхнувшая молния осветила застывшие слёзы.

Наблюдатель был разочарован. Он думал, что встретил достойного противника, который станет отличным экземпляром для его исследований. Что ж, видимо, выводы были поспешны.

Он видел, как Витус стенает у трупа, режет себя и кричит на всю округу. Пылающая ярость сменилась отчаянием, гнев потушила безысходность. Сейчас это был ничтожный противник и скудная пища. Хищник продолжил наблюдение. Затаился, глядел, как юноша поднимает труп, переносит его к подножью скалы и укрывает десятками камней. Вскоре жертва воткнула в землю меч и обернулась.

Наблюдатель почуял опасность.

— Ну, видишь? — голос Овида пульсациями отдавался в сознании героя.

— Нет, — Витус лениво повернул голову. — Если кто-нибудь явится, я их убью.

Юноша продолжил нагружать камни на труп Патриция, и так до тех пор, пока он не

скрылся под булыжниками. Перед тем, как хоронить наставника, герой забрал пистоль — единственную память. Он стоял неподвижно, наблюдая за волнами прибоя, ощущая прикосновения дождя на своих плечах. Вся одежда была порвана в клочья, раны на теле уже зарубцевались. Овид всё донимал:

— Витус, я чувю очень аппетитную душу.

— Патриций, я не смел считать тебя своим отцом, ведь это слишком многое для меня. Я был ужасно неблагодарным учеником, и мне нет оправдания.

— Он прячется, надо же, какая умная дичь.

— Каждый день ты приходил в нашу усадьбу, тайком проносил книги. Я помню, как мы рисовали чертежи. Ты говорил, что у меня чудесно выходит, но ты нагло лгал. А помнишь, мы придумали, как надуть барона на деньги? На них мы купили половину кузни, и стали мастерить приборы. Это было...

— Витус, твой дохлый учитель тебя не слышит, какой толк в этой бравате?

— ...И когда ты уехал на пол года, мне стало беспокойно. Я будто потерял почву под ногами, остался один. Но зато, когда ты приехал, подкараулил меня на рынке... Никогда ещё я не был так счастлив. Ты всегда приходил на помощь, никогда не отказывал в просьбе. Даже когда я пропал, ты был первым, кто бросился мне на выручку.

— Витус!

Овид прорвался сквозь заслон, против воли заставил героя обернуться. Хищник и жертва встретились лицом к лицу; их разделял пустырь в десять ярдов. Не отрывая взгляда от врага, Витус медленно натянул маску. Предстоящий бой обещал быть захватывающим.

Противники описывали круг, как бы оценивая друг друга. Прибывший уродец представлял собой громадное левитирующее око в окружении троицы щупалец. Столько же было камней, вкраплённых в нечто, видом напоминающее шлем, на самом деле было неким защитным наростом. В каждом движении твари читалась осторожность; он, словно зверь, выжидал удачного момента.

В воздухе витала жажда крови.

Витус впервые за долгое время по-настоящему ощутил опасность. Страх, зародившийся в сердце юноши, паразитировал на всё тело: ноги подкашивались, в висках стучало, дыхание перехватывало. Он мог свалиться без чувств, если бы Овид не поддерживал тело в состоянии готовности.

В этот момент герой ощутил на своём плече эфемерное прикосновение. Обернулся, бросив взгляд на могилу наставника. Угрюмый вид нагромождённых на труп камней сумел вдохнуть в Витуса уверенность. Он обещал отомстить за Патриция, и прибывший уродец станет первой жертвой.

Громыкнуло. В свете молнии хищник и жертва сошлись в бою.

Бездна вздрогнула. Существо занесло пару щупалец для атаки, громыхнуло по земле. Витус был готов к этому и, совершив высокий прыжок, ударом ноги метил в противника. Промых. Закружилась сталь, полетели искры. Герой наносил хаотичные удары мечом; его противник легко уводил клинок в сторону, вонзая одно из щупалец в землю, и отбрасывал своё тело назад. Когда пришёл момент выпада, житель бездны резким рывком описал неполный круг, направив пару конечностей, впился мёртвой хваткой в плечи юноши.

— Посредственно. Продолжу изучения, — впервые с момента их встречи существо заговорило; это был голос, лишённый всяческих эмоций, словно механический, настолько ему была чужда человечность.

Витус сломал клинок ударом в око, следом нырнул под противника, хватая одно из щупалец. Попытка повалить недруга не увенчалась успехом: он вывернулся, стал отступать назад, орудуя конечностями, словно вёслами. Юноша заметил, как сверкнули камни на лбу, увернулся от размашистого удара и с дикостью тигра прыгнул на противника. Существо было готово: оно сконцентрировало в щупальцах сгустки плазмы и выстрелило под ноги героя. Поле боя заволочло облаком пыли.

Дитя бездны воспользовался преимуществом, вновь перешёл в атаку: он разил с удивительной скоростью, совершал серии беспощадных атак. Удары сыпались на Витуса подобно граду: каждый второй достигал цели. Существо чувствовало, как дрожит его противник, как падает на колени перед необузданной силой Наблюдателя. Следующим ударом он положит конец его существованию и, быть может, обременит себя изучением очередного подопытного. Громыхнуло. В свете молнии занесенные для удара конечности выглядели словно топор палача. Бабах! Атака была столь сильна, что земля задрожала. Воцарилась тишина.

Кап. Кап. Кап. Ливень превратился в морозящий дождик, перенимая настроения Витуса, ведь он теперь не станет скорбеть об учителе; отныне у него есть цель и огонь мести в сердце. Юноша вышел из слоя пыли, широко зевнул, как если бы слушал оперу. На его теле висела изорванная одежда, и лишь плащ из ткани Икати не имели ни одной дырки.

— Любопытно. Моя оценка была поспешна. Возможно в этом споре родится истина.

Противники разошлись на десять шагов, как бы обдумывая дальнейшую стратегию. Витус присел на корточки, впился взглядом в парящее око.

— Овид?

— Здесь.

— Он сильный.

— Но не бессмертный. Аха-ха-ха, какой же он замечательный! Дайте мне его порвать, я хочу крови!

— Есть идеи?

Овид не успел ответить: существо резким ударом громыхнуло по земле. Появившаяся трещина неумолимо приближалась к Витусу. Мгновение, и земля ушла из-под ног героя. Нужно ухватиться за выступ, хоть за что-нибудь! Но всё было тщетно, и юноше ничего не оставалось, кроме как камнем лететь в бездонные просторы тьмы. Существо ринулось вдогонку, отправляя снаряды плазмы; мимолётный свет от выстрелов освещал тьму.

Бах. Витус скользит вниз. Бах. Жертва достигает земли. Бах. Уходит в сторону.

Следующий выстрел не успел родиться: юноша в рывке сломил один из сталагмитов и, избегая по кристаллу уходящему вверх, кинулся на противника. Они полетели вниз. Во время полёта конечности твари то и дело извивались, старались скинуть героя, ухватиться за края новообразовавшегося ущелья. Но не тут-то было. Хватка Витуса была сильна, как и последующие удары.

Он вспомнил перекошенное лицо Патриция, его безжизненные глаза; искра мести в сердце героя стала безудержным пламенем. Юноша ухватился за око, что есть силы потянул на себя, прерываемый троицей конечностей. В безудержной ярости с выходящим из нутра криком Витус вырвал сердцевину противника, возвышая её над своей головой.

— Вот... И всё... Гнида.

Око замигало, переменялось в цвете, а после лопнуло, взрывной волной сотрясая стены ущелья. Земля ушла из-под ног, сверху посыпались камни. Витус ощутил себя букашкой, чья незавидная участь — погибнуть под градом бульжников. В этот раз тьма и правда была бездонна.

Луна сегодня была особенно прекрасна. Она улыбалась ярким лучом, проникающим в лоно тьмы, освещая лицо Витуса — единственное, что осталось видимым под завалом камней. Юноша не двигался, как бы переводя дух, всё ещё не веря в произошедшее. На несколько мгновений перед его взором предстала тьма, а холодные пальцы смерти сдавили горло. Ему чудились голоса усопших, он был готов отправиться к ним. В одночасье наваждение спало, герой услышал подозрительный шум и принялся расчищать завал.

— Надо же, у нашего Витусика закончились сопли.

— Сколько я был в отключке?

— Нисколько. Тебя вдруг пробило на сантименты.

Вскоре Витус вырвался из объятия камней и замер в нерешительности. Вокруг было темно, воняло сыростью и чем-то тухлым. Герой сделал шаг, наступил на нечто склизкое.

— Что это? — юноша склонился, провёл пальцами по жиже. — Щупальца?

— Оставь. Я снова учую нашего друга. На этот раз моя очередь танцевать. Господин Овид выходит на сцену!

Витус не сумел противиться воле брата, а, быть может, и не хотел. Ранее он ни за что бы не отдал своё тело в управление Овида, но последние события показали, что ему можно доверять. <<Пусть играет,>> — подумал герой, занимая зрительную залу, но продолжая держать руку на пульсе.

В три прыжка юноша достиг места взрыва, но никаких следов смерти их противника не обнаружил. Очевидно, загадочное существо выжило или, быть может, регенерировало. Как бы то ни было, этот гад жив и готов к бою. Что ж, тем лучше для Овида, ибо он жаждет крови!

— Так-так-так, кто это тут у нас? Эй, залупа в банке, покажись!

Из ущелья, точно выпущенный болт, вылетело существо. Вдогонку за ним поскакал герой, цепляясь за камни, словно прирождённый скалолаз. Спустя пару мгновений они уже находились наверху. Стояла безмятежная тишина, природа перестала капризничать. Оппоненты застыли, точно шахматные фигуры, ожидая перста игрока.

"Залупа в банке", как именовал его Овид, взял в привычку удивлять героя; очередная выходка не заставила себя ждать. Стоило юноше сократить дистанцию, оказаться на расстоянии рывка, как тут же существо соединило щупальцы; камни на лбу ярко засветились.

Витус, вернее его брат, не успел вовремя вернуться; толстый луч ударил прямо в лицо. Послышался треск — линзы лопнули, а сама маска стала плавиться, словно сделанная из воска свеча. Упавший юноша быстро поднялся: ему было всё ни по чёму.

— Ах ты сука! — взревел Овид, в неистовстве бросаясь на противника. — Будешь сам объясняться перед братом!

Они кружили в танце, их полем боя становилась вся Бездна. Это можно было назвать погоней: существо торопливо отступало, как бы испытывая оппонента; тот бежал вдогонку, швыряя попадающихся на пути жуков и выкрикивая настолько нелицеприятные угрозы, что нам стыдно их документировать. Через несколько минут жажда крови, витающая вокруг этих двоих, охватила детей бездны; их целью стал Витус.

Теперь герой был окружён со всех сторон, а существо остановилось, зависнув над ним, словно господин арены, желающий вкушать хлеба и зрелищ. Что ж, представление было занимательным. Твари дошли одна за другой, а их конечности становились снарядами, но ни один не достигал цели. Овид в теле брата свирепствовал, словно пресловутый минотавр на Демасийской арене. Его атаки были размашистыми; он не стеснялся кидать противников, давить ногами, вгрызаться клыками, отрывая головы. Это было ненасытное чудовище, жаждущее крови и плоти. Наблюдатель внимал за боем.

— Занимательно. Я уверен, подопытный годен к препарированию. Что скрывается под этой толстой кожей? — юноша зарычал на существо; его лицо, покрытое расплавленной сталью, исказилось в гримасе ненависти. — Чем он руководствуется при смене стиля? Требуется тщательное изучение.

Наблюдатель стал отдаляться, но медленно, как бы давая возможность следовать за ним. Герой раскидывал визжащих тварей, пробивал себе путь вперёд.

— Вон падаль! — юноша зарычал; дети бездны отступили назад. — У меня есть дела поинтереснее. Эй, Витус, как тебе представление? Ох, как же давно я не получал контроль над телом!

— Осторожнее, Овид, это может плохо кончиться.

— Нет-нет, мой милый братец, даже не думай появляться, когда господин Овид правит бал. Отдыхай, малыш, пока твой любимый брат спасает наш зад!

Порою Витус заставлял вторую душу умолкнуть, теперь же она отомстила; герой скрылся за заслоном, не в силах сломить волю Овида. Во время этого разговора юноша догнал существо, зависшее на пустыре. Расстояние сокращалось с каждым шагом.

— Ну, уродец, чего замолк? Не разочаровывай меня! Дерись!

— Это не продуктивно.

— Срать я хотел на твою продуктивность! Де...

Ноги героя подкосились, он упал на колени, ему не хватало воздуха. Существо повернуло око в сторону пришельца, пристально взгляделось; мгновение спустя взгляд юноши изменился, движения стали иными. Витус вернул контроль над телом.

— Ты разумен, — утвердил Гальего, поднимаясь с колен; Овид удручённо зубоскалил.

— Разумеется.

— И зачем нападать на меня?

— Очевидный вопрос. И вот тебе ответ: я хотел изучить тебя.

— Изучить? То есть, как это?

— Препарировать, выявить свойство кожи и завладеть новыми знаниями. Но мой визави — большой оригинал, я не готов к такому опыту.

С минуты Витус стоял, как истукан, в силах понять, о чём говорит Наблюдатель. Жажда мести сменилась некой симпатией к брату по ремеслу, ведь, если верить словам существа, то он учёный.

— Ты учёный, верно?

— Это слово охарактеризовывает меня.

— Тогда давай договоримся: я расскажу тебе всё, что ты хочешь знать.

— Это называется бартер, мы собираемся обмениваться. Предложение принято.

— Взамен я хочу получить что-нибудь интересное для Стражей рассвета.

Око замолкло, его взгляд был неподвижен. Витус понимал всю абсурдность этого боя, ведь, если его противник имеет регенерацию и некое подобие бессмертия, то их сражение будет идти до тех пор, пока один из них не умрёт со скуки. Вместо этого юноша решил соответствовать словам существа и быть большим оригиналом. Вскоре выходец из Бездны дал ответ:

— Да будет так. Мы договорились. Я отведу тебя в нужное место, а ты ответишь на вопросы. Компромисс достигнут.

Витус сделал уверенный шаг вперёд, дерзко вытянув руку; его собеседник протянул одну из щупалец. Рукопожатие закрепило договор. Далее Наблюдатель предложил следовать за ним, герой не нашёл возражений. Они проходили пустыри, где из земли торчали завораживающие своим свечением кристаллы, кажется являющиеся аналогом местных фонарей. На горизонте виднелись хитросплетения местной флоры. Слишком диковинные, чтобы назвать их деревьями.

Теперь у Витуса есть шанс получить ценные знания, и он ни за что его не упустит. Вереница событий продолжила ход.

В Бездне всё иначе. Здесь небо, укрытое тёмной вуалью, сверкает обманчивыми звёздами; островки земли парят в невесомости, соединённые гигантскими кристаллами. Существа, имеющие множественные конечности, казалось, были потомками осьминогов; эти миноги лениво преследовали Витуса.

От новоиспечённого соратника герой узнал много нового. Эти знания имели колоссальную ценность, и, если юноша сумеет их обнажить перед светом, без сомнений каждый мозгодум признает в нём учёного. Разговоры с оком, несмотря на его занудливость, были более чем приятным времяпрепровождением. Время. Об этом Витус уже давнко позабыл. Сколько прошло с момента кончины Патриция? День, два, год? Ответить на этот вопрос было невозможно.

Они перешли на очередной материк, взобрались на возвышенность. Наблюдатель остановился, будто позволяя герою насладиться ледяными кровью пейзажами. Но Витус был занят другим: он пытался избавиться от расплавленной маски, что подобно воску свечи застыла на его лице.

— Коллега, не окажете мне услугу? — учтивым тоном спросил юноша.

— Возможно.

— Подайте-ка сюда один из ваших лучей.

Вместо луча существо послало в лицо Витуса несколько взрывных выстрелов. Бах. Бах. Бах. Каждый из них отбрасывал героя, словно тот был тряпичной куклой. Наблюдатель хотел повторить свои попытки; как и любой другой учёный, он не желал сдаваться. Наука — это тоже война, где твоим противником выступает неизвестность. Обнажить своего врага

означает победить.

— Ты чего творишь?! А как же уговор?

— Я приношу извинения.

На этом казус был улажен; Витус, не желая испытывать удачу, вновь поравнялся со своим спутником. Око замерло в воздухе, соединило щупальцы, и через мгновение нагретая сталь осколками посыпалась на землю. Каждый из них Витус бережно собрал, завернув в плащ. Он глядел на разбитое отражение овечки: угрюмое, расколотое на десятки осколков. В одночасье ему вспомнилась Киндред: её материнская нежность, трогающая сердце в любом возрасте. Ностальгия принесла с собой удары молота, душное помещение кузни; юноша вспомнил тот день: момент, когда решил сделать шаг вперёд на встречу необъятному миру.

— Существо находится в состоянии печали. Вопрос: почему?

Герой перевёл взгляд на парящее око, которое слегка опустилось, зрачком рассматривая осколки маски. Витус не нашёл ответа. В голове было лишь одно слово: <<Эгоист>>.

— Это трудно объяснить.

— Сложные задачи — мои любимые.

— Я скучаю по материнской любви, которую отверг, по звонкому девичьему хохоту, который не замечал, по прошлому, которое прошло мимо меня, оставив шлейф радости. Его вдыхали другие, меня же он просто дразнил. Всё своё отрочество я провёл за книгами, чертежами, тренировками, ничего и никого не замечая. Сейчас я за тридевять земель от отчизны, и вряд ли меня хоть кто-то вспоминает.

Око замерло. Повисла тишина. Витус понял, какую глупость сболтнул, но этот монолог помог ему выдохнуть прошлое; теперь он находил истину в словах почившего наставника. Существо ничего не ответило, взмывая в воздух и продолжая движения. Сантименты — пустая трата времени.

— У тебя есть имя? — решил разбавить тишину юноша.

— Оно мне не к чему.

— Но ведь я должен знать, как к тебе обращаться. Меня можешь звать Витус.

— Это не имеет смысла, но, чтобы поддержать наш союз, я назову одно из своих имён: Вел'коз.

Их путь казался бесконечным.

Место, в котором очутился Витус, напоминало ему тёмный лес с мириадой светлячков. То тут, то там располагались ветвистые, словно покрытые сажей деревья, или же те, кто пытался походить на деревья; они впивались взглядами в спину юноши. Чем дальше герой проходил, тем гуще становился перелесок. Приходилось пробивать себе дорогу вперёд, разбивая скалы, или тех, кто пытался походить на скалы. Казалось, Бездна пытается подражать всей Рунтерре, но получается это с трудом.

Наконец-то путники вышли на открытую местность, со всех сторон омываемую пустотой. Послышался визг.

— Наша песня хороша, начинай сначала... — удрученно разминал кулаки Витус.

— Вот скука, — констатировал факт Овид.

Вскоре первая волна уже знакомых читателю жуков вместе с миногами (хищники зачастую охотятся вместе) добралась до героя. Прежде чем он успел занести кулак для удара,

твари свалились замертво, убитые неизвестным оружием. Лишь через несколько мгновений Витус заметил в толпе детей бездны, существо, по форме напоминающее человека. Оно двигалось, подобно молнии, разило точно гром; толпа редела с поразительной скоростью. Герой силился следить за ним взглядом, но всё было тщетно: незнакомец пропадал из виду в одном месте, а появлялся в другом.

— Невероятно... — прошептал герой, прежде чем получить несколько зарядов бластера в торс.

Витус пошатнулся от неожиданности и чуть было не пропустил удар; в последнюю секунду ушёл в сторону от атаки незнакомца. Над полем боя воцарилась тишина.

Прибывшее существо было облачено в некое подобие тёмно-фиолетовой брони, закрывающее всё тело; за спиной возбуждённо дрожали, отдавая вибрацией, небольшие крылья, готовые выпускать очередную порцию смертельных выстрелов. Вел'коз с лёгкой ноткой интриги наблюдал за действующими лицами этой постановки; он рассчитывал увидеть Витуса в бою. Но желаниям Наблюдателя не суждено было сбыться; юноша примирительно поднял руки.

— Эй, ты меня понимаешь? Можешь...

Незнакомец сорвался с места, в мгновение ока сократил дистанцию. На его запястьях грозно сверкнуло лезвие; он метил в сердце. Удар не сумел пробить толстую кожу Витуса: не нанёс ни царапины, зато сумел разозлить скучающего Овида.

— Знай своё место, ничтожество! — воскликнул брат, хваткой впиваясь в голову незнакомца; резким движением он перекинул его через спину, уложив на лопатки. — Как же надоел этот мусор! Тошнит от бесполезных тварей!

Овид, взяв под контроль тело Витуса, стал наносить серии ударов. На броне незнакомца появились вмятины. Обуянный гневом юноша вцепился когтями в шлем наглеца и, что есть мочи, потянул на себя. Крик стоял непередаваемый. Отломленный кусок брони стал извиваться в руке, а его хозяин, закрывая лицо ладонями, тихо скулил.

Гнев уступил место любопытству; Витус отбросил брата на второй план и вознамерился узнать, кем был его противник. Он был готов увидеть кого угодно, но только не женщину, чьё лицо исказила гримаса ненависти. Юноша опешил и отскочил, точно ошпаренный.

Вел'Козу стало любопытно.

Она извивалась на земле, точно червяк, потерявший половину тела, одной рукой прикрывая лик, второй стреляя в Витуса. Говорить о том, что выстрелы не сулили успеха, будет лишним. Юноша озадаченно глядел на недавнего противника и не мог понять, с чем имеет дело. Её броня была будто бы живой: своими липкими лапами покрывала излишне бледную кожу женщины.

— Паразит, — констатировал факт Вел'коз; заметив вопрошающий взгляд Витуса, объяснил: — Тело этого индивида покрывает паразит; мы можем наблюдать за симбиозом человека и отпрыска Бездны.

Когда лицо незнакомки вновь скрылось за шлемом, она поднялась с колен, приняла боевую стойку. Витус в очередной раз сделал примирительный жест:

— Я не знаю кто ты, ты не знаешь кто я, а потому процитирую покойного отца: оставим разногласия и познакомимся.

Оставили разногласия и познакомились.

Они расположились в небольшом гроте: скалистое побережье омывало болото тёмной жижи, на стенах висели крылатые бестии, в воздухе смердело тухлятиной. Витус с интересом слушал историю новой знакомой. Она, пусть и продолжала держаться воинственно, но была рада разговору. Это читалось в каждом движении, в том энтузиазме с которым женщина говорила. Человеку нужен человек — утверждает известная аксиома, и в данном случае мы можем видеть подтверждение этим словам. Рассказы страницы затмили голодный желудок и сухое горло.

Она назвала себя Кай'сой. В раннем возрасте на её племя напали порождения бездны: никому не удалось уцелеть. Женщина удачно подцепила инфекцию, которая с удивительной скоростью паразитировала на весь организм. Вскоре ей пришлось адаптироваться, чтобы сохранить свою жизнь. Обычно холодный голос дрогнул при воспоминаниях; ей было тяжело ворошить прошлое.

— С тех пор я охочусь за королевой роя.

— Теперь понятно. Ты страж Бездны.

Шлем женщины раскрылся, обнажая прямые тёмные волосы, аметистовый блеск в глазах, прямой нос, тонкие губы. Овид оскалился, Кай'са ухмылялась.

— Интересное именование, пожалуй, — на секунду замолчали, но было видно, что женщина сгорала от нетерпения продолжить беседу. — Ну, а ты кто таков?

— Меня зовут Витус Гальего. Я учёный, прибывший в Икатию для поиска реликвий. Ну, а после... — юноша бросил взгляд на застывшего Вел'коза. — Планы потерпели изменения.

— Ты дурак, раз доверяешь тварям из Бездны, — Кай'са нахмурилась, всем видом выказывая брезгливость. — Он обманет тебя, загонит в ловушку. Попомни мои слова.

— Приму к сведению.

Снова воцарилась тишина и в очередной раз ненадолго; женщина спросила:

— Я знаю, какая реликвия тебе подойдет: корона королевы роя.

— Не ошибусь, если предположу, что ты знаешь, где она находится.

— Ошибаешься, но вдвоем мы найдём её быстрее.

— Вмешаюсь в разговор, — послышался голос Вел'коза. — Я знаю, где скрывается выводок.

— Ну, вот, видишь, Кай'са, порою полезно завязать правильные знакомства.

Овид в сердцах захохотал, женщина насупилась, скрывая миловидное личико за шлемом; Наблюдатель принял на себя роль проводника. Не прошло и пары минут, как отряд выдвинулся к цели.

— Эй, Витус, — шептал в сознании брат.

— Тут.

— Как она тебе?

— Ты про Кай'су?

— Да. Ты только взгляни на эти бёдра: сочные и лакомые; волосы прямые, не то, что у твоей дурнушки: кустарник на голове. Ммм, а взгляд этих аметистовых глаз: хладнокровный и боевой — я запомню навсегда. Такая не будет покорна, её нужно обуздать! Я чувствую, как бьётся её сердце, скрытое за мраморной кожей, как внутри неё горит пламя гнева! Она, как наша матушка: такая же горячая и смертоносная, — Овид на несколько секунд замолк, а после добавил: — Но ей не ровня. Будь у меня выбор, кого отыметь, я...

— Кхм. Понравилась?

— Нет, — фыркнул Овид. — И лучше бы тебе закрыть рот, иначе моя подружка подумает, что ты разговариваешь сам с собой.

Витус усмехнулся. Дороге не было конца.

Кай'са была вполне приятным в общении человеком. По крайней мере её симпатия была на стороне Витуса, чего нельзя было сказать про Вел'коза; Наблюдателя успешно игнорировали. Они говорили о многом, и зачастую их темы касались путешествий. Женщина призналась (с долей смущений, как если бы её секрет стал достоянием общественности), что уже давно желала покинуть Бездну, но неоплаченный долг требует её присутствия. Гальего пообещал (раз уж им по пути) свою помощь в этом вопросе и предложил продолжить путешествия вместе. Условились обдумать этот вопрос, когда королеве роя придёт конец.

Говорили без умолку, на душе становилось спокойно.

Юноша завис в воздухе, поднимаемый щупальцами Вел'коза. Наблюдатель оказал такую услугу, чтобы оба путника смогли лицезреть бой Кай'сы и повстречавшегося сына бездны. Это было громадное страховидло с рогатой головой, массивным телом и крепким хвостом. Несмотря на всё это, женщина с лёгкостью уворачивалась от его атак, а после выпускала плазменные заряды. Её крылья пели, Овид в сердцах ликовал.

— Ты только погляди на неё, какая находка! — не унимался брат. — Как она двигается, а как стреляет. Значит, в её теле паразит, а, если от него избавиться...

— Ничего не изменится. Ты же видел её глаза: в них горит пламя, которое не потушить, — отвечал Витус.

— Молчи. Я наслаждаюсь представлением.

Оное уже подходило к концу. Кай'са грациозно взбежала по лапе страховидла и запульнула плазмой в морду, совершила кувырок, в воздухе выпуская стаю смертоносных птиц — выстрелов. Каждый из них жалил врага, который, бедный, уже весь извёлся. Ещё несколько мгновений, и бой подошёл к концу. Женщина была неподражаема.

— Витус.

— Чего?

— Похлопай.

— Прости?

— Мне понравилось, я хочу чтобы ты похлопал.

Витус исполнил просьбу брата. Овид познал смятение.

Эта была очень маленькая, изворотливая тварь. Её звали Глист, и она не умела читать. По этой причине, мы берём на себя ответственность воспроизвести найденные ею строки, обнаруженные на краю обрыва. Чернила уже высохли, бумага пожелтела, но слова всё ещё можно было разобрать:

<<Моё имя — Витус Гальего. Я сын Олуса Гальего, кой известен во всём Болхейме. В этом городишке, на севере Ноксуса находится семейная усадьба с выкрашенными в огненно — бурый цвет стенами. Просьба: забрать это письмо с моего трупа и доставить его по указанному адресу за солидное вознаграждение.

Теперь перейду к сути. Вот уже три месяца прошло с моего отъезда из отчизны. И пусть меня родили в лесу, я с гордостью зову Болхейм своим домом. Там я впервые вкусил горечь и победы, познакомился с людьми, ради которых мои ноги продолжали движение до

сей поры. Если вы нашли это письмо, значит, я погиб. Прошу прекратить чтение, ибо дальнейшие строчки принадлежат близким моему сердцу людям.

Гэвиус. Ты был мне больше, чем брат. Ты стал для меня вторым солнцем, восход которого я ждал каждую ночь. Моя любовь и благодарность к тебе безгранична.

Антуанета. Я никогда не обращал на тебя внимание, воротил нос, мол, глядите какой я крутой. Но всё на самом деле не так. Мне было страшно вступить на этот путь, сблизиться с тобой; страх помешал нашему счастью. Роза, которую я тебе подарил, никогда не увянет, как и моя любовь симпатия к тебе.>>

Николай. Мы были знакомы всего ничего, но именно ты научил меня многому. После твоего рассказа я считал Патриция изувером, но после сам вступил на этот путь. Я понял его, я понял тебя, и никто из вас не виноват в случившемся. Каждый человек хочет жить, и лишь поэты страдают. Долгих тебе лет жизни.

Анута. Я не уверен, что кто-нибудь всерьёз отнесётся к тебе, но, если вдруг ты получишь эти строки, помни: хорошо питайся и не пей грязную воду. С любовью, хозяин.

Патриций. Я сбился со счёта, когда случилось это несчастье, когда мой мир рухнул. Да, рухнул, ибо ты был центром этого мира. Не будь тебя, ничего бы этого не было. Всеми успехами я обязан тебе. Ты дал мне знания, передал опыт и открыл горизонты. Даже погибая, твоя воля была непоколебима. Для меня ты навечно останешься примером благородства и мужества. Я считал тебя вторым отцом, любил всем сердцем, но ничего из этого не сказал. Пусть бумага примет мои слова со всем равнодушием, на которое способна.

Олус. Наша первая встреча выдалась неудачной, и дальнейшие взаимоотношения не клеились. Я считал тебя алкашом, которого уважают за победы прошлого. Это была ошибка. Ты пожертвовал многим ради меня, даже жизнью. Знай же, что я жалею о содеянном, жалею, что поднял на тебя руку в тот злополучный день. Отец, вы были самым большим мудаком из мне знакомых, но я уважаю вас и выражаю симпатию.

Вот и всё, пора заканчивать это письмо. Всех обнимаю и желаю счастья. Подпись: Витус Гальего; Бездна; (дата неразборчива).

PS: Старик Моргё, прости, что забыл сдать книги в назначенный срок. Всех их ты можешь найти в моей комнате на чердаке.>>

Глист недоумённо глядел на письмо ровно до тех пор, пока чей-то башмак не размазал его в лепёшку. Неизвестный присел, поднял лист, пробежался глазами. Он принял ношу гонца и, развернувшись в противоположную сторону от Бездны, ушёл за горизонт.

— Что ты делаешь, Витус?

Герой был настолько увлечён процессом написания письма, что совершенно не услышал вопроса спутницы. Они двигались некоторое время по пустынным равнинам, следом пришлось перебраться по кристаллам, прыгая, словно те были трамплинами. И вот, наконец, зубчатая гора предстала перед ними, а рядом с ней товарищи по несчастью обнаружили походный рюкзак; в нём нашлись чернила и помятый листок, благодаря которым Витус написал уже знакомое читателю письмо.

— Вот так... Последняя строчка, и я готов. Всё. Можем идти дальше.

— Пришли.

— Ты уверена? Как по мне, что не гора, так точная копия предыдущей.

— Взгляни на шпиль. Они зубчатые, как и предупреждала образина.

"Образиной" девушка называла Вел'коза, который не так давно заявил, что узнал достаточно о Витусе, и дальнейший совместный путь не имеет смысла. Он более чем понятно объяснил маршрут до гнезда королевы, и покинул группу. После его ухода дышать стало заметно легче; отныне юноша не опасался удара в спину.

— Ну, раз шпиль, раз зубчатые, то стало быть пришли.

Герои многозначительно улыбнулись

Издали ход в пещеру можно было принять за разинутую пасть скалящую зубы. Вокруг неё суетились несколько десятков жуков, кажется, ощущающих беду. И правильно делали, ведь в двух ярдах на склоне расположился дуэт спутников, внимательно рассматривающих местность. Как и сказал Вел'коз, это была высокая гора с зубчатыми шпилями, усеянная сквозными проходами и скрывающая в глубинах королеву роя. По данным Наблюдателя, внутри находятся залежи серы, коей герои не преминут воспользоваться.

— Повторим план: ты отвлекаешь внимание на себя, я пробегаю внутрь, подрываю серу...

— ...Чтобы вытащить на поверхность королеву. После этого мы её убиваем. Это понятно, но ты уверена насчёт взрыва? Да, обрушится сеть пещер, уничтожит яйцекладки, но мы и сами можем пострадать.

— Витус, в тот день, когда я обрела этот костюм, единственное, чего я хочу — умереть. Умереть, зная, что больше ни одна община не пострадает. Если сегодня в бою с королевой я погибну, то это будет не самый плохой расклад. Довольно медлить, ну же, вперёд!

Герой не нашёл, что ответить, не до конца понимая, каково пришлось Кай'се. Он подмечал её силу, перспективы, открывающиеся благодаря костюму, но это были мысли эгоиста; юноша никогда не ощущал тяжёлого бремени защитника на своих плечах.

Ринувшись вперёд, Витус откидывал жуков, встречаемых на пути, и так до тех пор, пока не добрался до пещеры. Вбежал внутрь, матюкнулся, как учил отец, пару раз хлопнул в ладоши, а после что есть мочи рванул наружу. Девушка видела, как её спутник ведёт за собой океан тварей, невероятных размеров рой. Герой отбежал, как можно дальше, а после, словно сёрфер, кинулся на волны недругов. Он давил и отрывал, бил и скользил по этой живой массе, окутывающей его с головой.

Кай'са, не теряя времени, выбежала из укрытия и, используя маскировку, одно из

своих свойств костюма, направилась в пещеру. Благодаря бластерам и специальным зарядам девушка быстро заминировала внутренности серной залежи, и через несколько минут прогремел взрыв. Гора содрогнулась, её шпиль надломился и большими глыбами полетели вниз. Девушка лавировала между ними, попутно отстреливая жуков, которые визжали до боли в ушах и с таким же рвением, каким хотели убить Витуса, ретировались в сторону гнезда.

— Бегите к своей мамочке, паршивые ублюдки! — кричал им вслед герой, с ног до головы измазанный в вязкой жиже. — Святая Кейл, никогда не привыкну к этой мерзопакости...

— Витус, вот она, там королева!

И правда: через одну из щелей вылезло нечто громадное, примерно на четыре головы выше юноши. Оно имело толстую шею, несколько массивных клешней вдоль туловища и явно крепкий, хитиновой панцирь. Из пасти образины, словно капли росы, капала едкая слюна. Королева издала особый звук, призывая войско встать стеной, так встаёт прайд на защиту своего вожака.

— Ну и уродина.

— Не спать, Витус, вперёд-вперёд!

Девушка стала кружить вокруг живой стены: защитники то и дело валялись навзничь с лопнувшими головами. Герой на секунду опешил, замороженно глядя на Кай'су; она была убийственно красива, окропляя своё тело кровью тварей. Овид что-то прорычал, и это стало сигналом к старту. Витус кинулся вперёд, вошёл клинок в защитный строй и, пробив защиту, кинулся к королеве. Отовсюду слышались нарастающие визги жуков; они явно очень любили свою мать.

Первым ударом Витус переломил одну из конечностей королевы, следом зацепился за голову, силясь оторвать её от тела. На юношу накинута десятка тварей, всячески стараясь оттянуть того подальше. Право, эта сцена достойна названия "Борьба за жизнь матери"; её дети, обуянные любовью, что в природе зовётся инстинктом, были готовы на всё. Кай'са стреляла метко, швыряла заряды, но это мало помогало. Герою приходилось рассчитывать только на свои силы.

Кулак Витуса пробил грудную клетку королевы. Она отшатнулась назад и кинулась обратно в пещеры, кажется, рассчитывая найти спасение среди завала. Жуки, эти наитупейшие с первого взгляда существа, сделали что-то сродни баррикады из своих тел и стали заваливать героя на землю. Они были слабыми, но брали числом. В последний момент юноша успел ухватиться за клешню прародительницы; та, взвизгнув, потащила его за собой. В догонку кинулась Кай'са, но неприступные стены тварей преграждали дорогу. Девушка рассерженно вскинула руками, с большой неохотой отступая назад. Дальше Витусу придётся рассчитывать только на себя.

Было темно, неприятно, а ещё до омерзения смердело! Героя то и дело пытались оттащить от королевы, но он, словно хищник, вгрызся зубами в умирающую добычу. Его спутница выполнила свою работу блестяще — большая часть пещер обвалилась, но некоторые туннели всё ещё остались целы. Витус рассматривал залежи серы, яйцекладки, рассортированные по нишам в стенах. Экскурсия была интересная, однако укусы за пятки то и дело мешали сосредоточиться.

Королева добралась до спирального спуска, повисла на краю пропасти и стала как бы

соскальзывать вниз. <<Сейчас или никогда,>> — подумал герой и, изъев пистоль Патриция из-за пазухи, вцепившись в шею прародительницы, сунул дуло в пробитую грудную клетку.

— Привет от Патриция, мразота!

Клыки королевы. Выстрел. Свободное падение. Визги. Удаляющиеся визги; они были всё дальше, дальше, дальше... Витус летел вниз, придавленный тушей матери роя без возможности извернуться, ведь та в предсмертной судороге обхватила его крепкими объятиями. Это продолжалось считанные секунды, но для героя это была целая вечность. Юноша чувствовал неконтролируемый страх, разрастающийся по всему телу. Да, пусть его кожа способна выдержать любые удары, но человеческие инстинкты никто не отменял; всё существо героя кричало в ужасе.

И вот, наконец, они достигли груды камней. Витус оказался внизу, придавленный телом королевы. Вылезть из под него не составило труда, и стоило герою отойти на безопасное расстояние, тут же налетели жуки. Он приготовился обороняться, но те полностью проигнорировали его и ринулись к умирающей матери. Они уже не визжали, а, кажется, скулили, словно избитые дворняги. На секунду юноша почувствовал жалость, но, вспомнив смерть Патриция, тут же отбросил позорное чувство для воина.

Прежде чем пытаться выбраться отсюда, Витус сел у стены, переводя дыхание. Королева барахталась, словно перевёрнутый краб; герой нанёс ей серьёзный урон, но, судя по всему, не убил. Да и можно ли её убить? После встречи с Наблюдателем, юноша не мог ответить однозначно.

— Ну вот, Патриций, я отомстил за тебя...

Отныне Кай'са сможет спать спокойно, пусть и временно. Что ж, пожалуй, это не так уж и плохо. Вскоре к телу прародительницы слетелось ещё несколько десятков жуков; они ложились рядом с ней, издавая жалобные звуки. Понимая, что дальше оставаться здесь опасно, Гальего стал искать возможности спасения. В тот момент, когда юноша решил взбираться по выступам, его внимание привлёк сверкающий камень. По телу пробежалось странное чувство: страх, смешанный с любопытством.

Он поднял камень и тут же понял, что в его руках находится даркиний. Читатель уже мог слышать о нём ранее и, наверняка, помнит, что благодаря ему Витус попал в усадьбу почившего отца. Юноша выпрямил спину, бросил последний взгляд на кряхтящую королеву и, раздавив камень ногой, прокричал:

— Поверхность!

Сегодня был поистине приятный день. Спокойное море, лёгкая дымка облаков скрывает солнце, резвится лёгкий ветерок. В такие дни грешно не сходить на рыбалку. Вот и двое приятелей: Тифон и Тумба придерживаются подобного мнения.

Друзья предпочли рыбачить у порта Туула, надеясь удивить своих дам хорошим уловом. Закинули удочки, сели поудобнее и стали говорить:

— Знаешь, Тифон, вот сидим мы, сидим, да одни мальки попадаются, — юноша почесал длинный нос, прошёлся ладонью по вспотевшей лысине. — Лучше бы к мазель какую по грибы сводить, чем просиживать штанцы с удилом.

— А за красного древика приезжие рыбаки обещали двенадцать рунитов, — как бы размышляя вслух, отвечал низкорослый блондин.

— Угу, хотя бы треску какую выловить, а то так гляди: вернёмся с пустыми карманами.

Опять будут говорить, мол, Тифон и Тумба — два дуралея с дырявыми головами.

— А за красного древика, — вздохнул мечтательно парень, — Меня бы накормила Николета. Что ты там говорил?

— Говорю, бурда это всё. Никакого красного древика нет, и уж тем более день не подходящий для рыбалки. Это, между прочим, ворожея говорит!

— А мне бабка сказала, что сегодня мне крупно повезёт.

— Ага, красный древик сейчас прыг-скок и к нам в лодку.

В это мгновение нечто вынырнуло из воды, вцепившись в стену судна. Страховидло, конечно, было знатное: большие глаза, уши, словно листья лопуха, в зубах красная рыбина два метра роста.

— Гше шя?! — пробурчало создание.

— Это дух воды, говорю тебе, дух воды! — в ужасе шептал Тифон.

— За него меня точно Николета накормит. Давай-ка его вытаскивать, пока не утёк.

Как оказалось несколькими минутами позже, двое рыбаков выловили никакого не духа воды, а вастаи по имени Витус. Юноша придумал легенду, исходя из которой он практиковался в древней магии и случайно переместил себя на морское дно. Что ж, это было недалеко от правды. Герой и правда очутился на морской глубине и стал плыть к лодке, которую принял за бревно. Таким образом троица познакомилась.

Рыбаки отнесли к Витусу доброжелательно. Ещё бы, ведь он случайным образом принёс в зубах пресловутого красного древика, да ещё и до берега сидел за вёслами. Пока Гальего работал руками, молодцы трепали языками. Они поведали юноше, что тот находится в Ионии, в провинции Чжунь, рядом с портом Туула. Нельзя сказать, что герой был рад услышанному, но выбирать не приходилось.

Через четверть часа лодка причалила у берега, закадычные друзья указали Витусу на ближайшую таверну, рассыпались в благодарностях и, попрощавшись, умчались к Николете на обед.

— Святая Кейл, куда меня занесло...?

Витус бродил по портовому поселению Туула, слишком маленькому, чтобы назвать его городом. Здесь были все нужные морякам конторы: таверна и даже игральная клуб, расположенный в палатке. Существа редкими толпами сновали по округе: продавали товары, встречались со знакомыми и занимались делами, свойственными обычному мирскому обывателю. Здания здесь были окутаны побегами плюща, на углах стен висели корзины растений, наполненные росой. Герой видел, как к одной из них подбежала малышка-белочка, утолила жажду и стала взбираться по стене, соревнуясь с толпой детей. В этом месте природа и существа сливались воедино, словно образуя некий симбиоз. Чудеса, да и только.

Герой добрался до пустой пристани, стал вертеть головой в поисках судна, но ни одной, даже маленький шнухи не обнаружил.

— Мил господин, вы потерялись что ли?

Со спины к Витусу подошёл тучный мужчина с улыбкой на устах. Его слова в Ноксусе можно было расценить, как домогательство, но здесь они несли совершенно иной характер.

— Где все корабли? Кажется, это порт...

— Порт, всё верно. Но корабли сейчас на торговых путях или на рыбалке. Вернутся

через неделю.

— Неделю?

— Если ветер будет попутный, то и того раньше. Ну, а так, да, неделю, думаю, может, чуть больше.

— Спасибо, — пробурчал юноша. — А почта тоже уплыла?

Почта никуда уплывать не собиралась, стояла себе на земле, как и двенадцать лет тому назад. Витус добрался до нужного здания, скрипнул дверью, позвонил колокольчиком, провалился по голень в поломанную половицу. Пока доставал ногу и проклинал весь ионский род, к стойке подошёл местный хозяин. Он был слишком маленький, а потому приходилось использовать ящик, чтобы видеть посетителя.

Гальего заплатил один рунит, найденный в сапоге, сделав запрос корреспонденции на своё имя.

— Через четыре дня, думаю, доставят, — прохрипел хозяин.

— Сразу понятно, доставляют не по морю.

Больше всего на свете Витус хотел лечь в мягкую постель, перед этим досыта набив желудок. Но всё, на что мог рассчитывать герой, это на твёрдую скамейку и кусок сухаря, который предварительно придётся отбивать у белки. Когда он в последний раз трапезничал, сколько времени уже не спал? — эти вопросы были словно гири, заставляя голову опускаться всё ниже к земле. Рассматривая собственные ноги, юноша заметил подошедшую тень.

— Вам некуда идти?

Голос принадлежал молодой девушке. Под пышными ресницами сверкали изумруды, подчёркивающие аккуратный носик и пухлые щёчки. Волосы медного отлива барашками волн опускались на плечи. Она была полной, но это лишь играло на руку её женским чарам: подчёркивало бюст и бёдра. Смотреть на неё — то же самое, что любоваться закатом на берегу моря. В воздухе запахло маком.

— Простите? — растерянно пробурчал юноша.

— Вам есть, где ночевать?

— Да. Нет. Не знаю. Наверное, нет. Извините, я очень устал... — Витус вцепился в голову; она была словно пчелиный улей, разрываемая десятками мыслей.

— Я могу предложить вам место в моём доме. Это недалеко и совсем бесплатно.

— Но вы ведь меня не знаете, а если я какой-нибудь... Не знаю... Насильник.

— С порванными подштанниками вы и правда похожи на насильника, — девушка наклонила голову, словно изучая героя; после выдала: — Мне кажется, вы хороший. Ну же, пойдёмте со мной. У меня корзины тяжелые, одна не дотащу.

— Ну, раз одна не дотащите...

Гальего ухватился за две корзины, доверху набитых фруктами, и поплёлся вслед за своей спасительницей. А та идёт, улыбается и вся сияет простотой. Она, словно посланница Кейл, озаряла для Витуса путь. Без сомнений, это был правильный выбор.

Загадочная незнакомка приподняла завесу таинственности и рассказала о себе. Её звали Дулси. Она помогает пожилому отцу ухаживать за ранеными и подбирает у обочин неудачных голодранцев вроде Витуса. На подобное замечание герой лишь хмыкнул, как бы и не замечая вовсе. Всё внимание юноши забирали диковинные растения, словно соревнующиеся в оригинальности. Они располагались вдоль дорог и на пологих холмах, подчас становясь жилищем для животных и других существ. Исконная земля любит своих детей, а потому удивляться подобному не следует.

Дулси внимательно глядела на героя с оттенком улыбки на своих широких губах. Но это была не усмешка, скорее, снисхождение к гостю из далёких стран. Об этом, кстати, Витусу пришлось рассказать. Юноша поведал спутнице про своё приключение (утаив все опасности, смерти и потери) и будто бы кораблекрушение, кое и заставило его оказаться на берегу острова. Подобная легенда была щитом от многих неудобных вопросов, а потому Гальего держался за неё, словно за спасательный плот.

Рядом с девушкой ему было спокойно; она словно маленькое солнышко светила изнутри. Пожалуй бывают такие люди, способные растопить сердца своей теплотой. Это же произошло и с Витусом...

Они добрались до небольшого поселения возвышающегося на холме. Дома здесь были из дерева, что как бы претило законом Исконной земли. Казалось природа-матушка оступила это место стороной, уж слишком здесь царствовал человек. Мы говорим <<человек>> ибо большинство поселенцев были людьми, вастаии же на глаза герою не попадались. С высоты юноша окинул просторы: цепочки гор скрывающие храмы, озеро подле селения и душистые луга мака чуть северней. Если несколько минут назад герой ещё ощущал беспокойство, то теперь, наблюдая за раскрывающимися видами, все сомнения и тревоги канули в лету.

Лачуга, где жили Дулси и отец, была покорежена ветрами; настоящее чудо, что она до сих не развалилась. Внутри, по словам девушки, находятся главный зал, где располагают больных, небольшой склад с припасами и смежные комнаты хозяев. Вскоре Витус сумел найти подтверждение словам проводницы.

Они прошли внутрь, вдыхая терпкий аромат лекарств, сушеных грибов подвешенных у входа и миазмы тех, кто лежал на соломе. Таких бедняг оказалось трое. Первые два очевидно страдали от внутренних недугов, а их собрат по несчастью, вастаии, лишённый руки, тихо скулил. Рядом с ними стоял тучный, словно медведь, мужчина с седой бородой, доходящей до торса и такой же шевелюрой, закрывающей верхнюю часть лица.

— Отец, больным уже лучше?

— Они до сих пор живы. Очевидно, что нет. Пожалуй, это и роднит вастаии и людей; все мы хотим жить, но разве это так привлекательно? Э, господин разбойник, привлекательно спрашиваю? Особенно вам с одной-то рукой. Ну, мне-то что, моё дело малое: лечить и молчать. У нас гости?

Витус вышел в свет камина, обнаруженный бурчащим стариком. Очевидно, первое впечатление герой произвёл крайне негативное, потому как густые брови хозяина изогнулись дугами, открывая вид на впалые глаза.

— Да, отец. Я нашла его в Тууле, когда совершала покупки. Он помог мне принести корзины.

— И что же, юноша, у вас болит? Запор мучает или глисты шалят?

— Ему некуда идти, и я предложила погостить у нас.

— А сам-то отвечать не сумеет?

И тут Витус словно сбросил оцепенение: сделал два широких шага навстречу и представился, как подобает воспитанному человеку. Он повторил придуманную легенду и обещал щедро наградить старика, если тот позволит ему остаться. Дулсия шагнула вслед за ним, словно поддерживая; её глаза умоляюще глядели на отца.

— Ну, пусть остаётся на правах помощника. Э, господин разбойник, да вы опять намочились. Витус, вот твоё вступительное испытание: вымой пол и приberi за больным.

Тряпку в руки, и вперёд...

С описанной нами сцены прошло два дня. Витус исправно помогал Дулси и её отцу, старался зарекомендовать себя как молодца с золотыми руками. Что ж, отчасти это получилось. Утром, он собирал травы, днём глядел за ранеными, вечером готовил лекарства. Его обширные знания в области медицины, полученные задолго до путешествия, наконец-то, пригодились. Не смотря на всестороннюю помощь юноши, старик продолжал ворчать, но заметно меньше, ведь в кое-то веке получил время на отдых. Герой мог использовать свою кровь, чтобы облегчить страдания больных, но посчитал это слишком рискованным, а потому быстро отбросил эту затею.

После сдачи мокрого экзамена, юношу наградили новой одеждой, следует заметить, не первой свежести. Впрочем, всяко лучше, чем ходить в рваных обносках. Рубаха и бриджи были на два размера меньше, а потому герой представлял из себя крайне уморительное зрелище. Витусу позволили спать в гостевой комнате, больше похожей на каморку для крыс, нежели на комнату. Четыре стены, кровать, в которой приходилось сгибаться, чтобы поместится — вот новый дом героя на ближайшее время.

Плащ из ткани икати Витусу пришлось продать, чтобы получить разрешения на работу в кузне и приобрести нужные детали. Благодаря этому герой восстановил маску, но надевать не спешил: это могло вызвать неудобные вопросы.

Время пролетало незаметно: миновала неделя. Теперь старик по-дружески относился к герою, а Дулси всё чаще искала повод побыть рядом с ним. Они вместе готовили завтрак, собирали растения, ходили на вечерние прогулки. Девушка откровенно навязывалась, но герою это лишь льстило. Однажды вечером после привычного обхода хозяин остался с Витусом один на один и как бы невзначай сказал:

— Дулси уже большая девочка, но женщиной она становится не готова.

Это был толстый намёк, который герой тут же понял. Да, девушка и правда выражала некую симпатию по отношению к юноше, но он сам никогда бы не стал сближаться с кем бы то ни было. Витус презирал любовь, нарекая её бесполезной тратой времени. О чём не преминул сказать.

— Сделаю вид, что поверил тебе, парень, но если ты мою деточку хоть пальцем тронешь...

— Ваша дочь прекрасная девушка, и пользоваться её добродушным нравом означает прослыть последней гнидой. Я никогда не посмею прикоснуться к этому светочу.

Старик многозначительно улыбнулся, продолжая толочь травы в ступке. Этот разговор

заставил Витуса задуматься об Антуанетте. К стыду героя, он ни разу не вспоминал о девушке после написания письма, да и тогда он включил её в список только из-за слов Патриция. Она ждала его, но в этой сказке победило зло.

— Господин разбойник, кажется, снова обмочился. Витус, ты знаешь, где тряпка...

Они загоняли её в ловушку, обходя с двух сторон. Маленькое, пухлое существо ловко уворачивалось от когтей Витуса, оставляло позади клыки Овида. Братья работали сообща, но едва ли были способны изловить прыткое существо, по форме напоминающее вытянутую каплю. Это была душа Патриция, а охота происходила "по ту сторону". Сейчас герой сладко спит в лачуге Дулси, но это не мешает ему пройти за заслон и оказаться в хрупком мире, кое создало его сознание.

— Витус, он бежит к тебе, не упусти!

И юноша не упустил...

Витус щурил глаза от яркой души Патриция. Она расположилась на торсе героя, освещая помещение ярче звезды. При каждом прикосновении этот призрачный комок колебался, а пальцы то и дело проходили сквозь воздух. Гальего твёрдо решил, что больше не будет оплакивать наставника, ведь тот учил его быть сильным. Он вдоволь наплакался, отомстил. Да, огонь гнева в его сердце до сих пор не угас, но это пламя может обжечь окружающих. Может обжечь Дулси...

— ...Дулси.

— Я здесь.

В ноздри ударил запах мака, щёки ощутили тёплые прикосновения. Витус открыл глаза, но ничего, кроме сидящего рядом силуэта, не разглядел.

— Ты бормотал во сне, — хихикнув, сказала девушка, накрыв пальцы героя ладонью, словно пытаешься успокоить. — Это было очень забавно.

— Вот как. И что же я бормотал?

— Звал какого-то Патриция и всё время просил остановиться.

— Извини, наверняка, я разбудил тебя.

— Хуже, ты разбудил отца, несносный мальчишка, — Дулси в шутку пихнула юношу, но тому было не до смеха.

— Извини.

— Хватит извиняться, а то я напишу у тебя на лбу: <<Главный виновник>>.

Она прыснула от смеха, и даже Витус, обуянный странным волнением, улыбнулся. И снова Дулси становится лекарством от дурных мыслей; не зря дочь лекаря. За стеной скрипнули половицы; видимо, проснулся старик; девушка подвинулась ближе. Герой ощущал её дыхание, бьющееся сквозь ткань сорочки сердце. Тьма скроет любой каприз, нужно лишь поддаться вперёд.

— Витус, — неуверенно начала Дулси, пустив руку по бедру юноши.

— Ч-что?

— Я кажется...

— А?

— Нащупала твой хвост.

— Это не хвост.

Сегодняшний утро и правда началось необычно...

...А продолжилось ещё интересней. После забавного пробуждения, Дулси, что-то пролепетав, покинула комнату героя, а он сам несколько минут пытался избавиться от эрекции под дикий хохот Овида.

— Не знал, что ты по девушкам, братец.

— Овид...

— Ну?

— Мы в одном теле. Так? Так. Значит мои руки — это твои руки. Соответственно, если я буду снимать напряжение...

— Да пошёл ты.

Сегодня Витус был в добром расположении духа. Нет, утренние события совершенно не повлияли на это. Дело было в дуэте больных, которые, наконец-то, причислили себя к здоровым. Они рассыпались в благодарностях перед юношей, стариком и его дочкой. Как оказалось позднее, один из них работает булочником в Тууле, а второй занимается доставкой писем в пределах Чжунь. Первый пообещал угостить всё семейство самым вкусным хлебом, а его товарищ заявил, что никогда не забудет доброты врачей.

Так уж получилось, что в этот день Дулси собралась в Туулу пополнять запасы лекарств. Девушка пообещала, что зайдёт в хлебобулочную лавку, а Витусу как раз требовалось явиться на почту. Возможно, корреспонденция уже пришла. Старик отпустил их с неохотой, метая в юношу тяжёлые взгляды; ему не нравился их союз.

Какие бы мысли не роились в голове у травника, но решение дочери он изменить не сумел. Через пять минут по дороге в Туулу можно было разглядеть силуэты двух путников.

— Эй, Тифон, да это, кажись, наш дух воды. Да не там, вот чуть левее, идёт с какой-то красоткой.

— Эх, ну хоть кому-то повезло, а меня Николета так и не накормила.

— Забудь ты про эту сварливую бестию. Пойдём лучше поглядим, куда это они идут.

— Зачем?

— А почему бы и нет!

Аргумент был принят, и дуэт рыбаков помчался вдоль берега навстречу нашим героям. Они не хотели попадаться на глаза раньше времени, а потому затаились за углом почты, внимательно следя за Витусом.

— Ну и бедняга он, видать, в рабство подался.

— Тьфу на тебя, дурья башка! Где ты ошейник видишь, а где цепь?

— Да ты погляди на его одежду: на два размера меньше. Это же... Страх какой-то. А в руках у него что? Э? Да две корзины, набиваемые кралей.

— В лавку булочника зашли... Эт тот, помнишь, ну, которому мы червяка в компот подсунули.

Шутники засмеялись и были вынуждены ретироваться со своего укрытия, потому как Витус держал путь точно в их сторону. Юноша зашёл на почту, и через две минуты вернулся с толстым пакетом писем, торчащим из кармана. Следом герой двинулся к девушке, та взяла его под руку, и они направились по мощенной дороге в сторону ворот. Наши соглядатаи не были бы соглядатаями, если бы решили бросить дело на полпути. Им жизненно необходимо

было узнать, откуда такая цацка явилась и каким образом познакомилась с охотником на красного дубовика. Короче говоря, их слежка продолжалась.

Через четверть часа чета путников добралась до уже знакомого читателю селения, названия которого нас попросили не разглашать. Они зашли в лачугу, а их преследователи спешно смешались с толпой.

— Дам-с, Тумба, вот такие дела. Оказывается, наш дух воды — вовсе никакой не дух воды. Он этот... Дамский момоник!

— Угодник, Тифон, угодник он. Судя по всему, очень талантливый, а ты кончал бы слушать приезжих, ни то слов набирёшься, потом стыдно за тебя становится. О, гляди, выходят!

И правда, не прошло и пары минут, как герои покинули лачугу. Витус держал на плече сеть, а девушка о чём-то активно рассказывала. Читатель наверняка помнит об озере, о котором мы ему сообщали ранее. Именно туда направилась чета, а вслед за ними привычно двинулись преследователи. Они спустились по склону, засели в кустах тише воды, ниже травы и всем своим существом обратились в слух. Услышанное того стоило.

Витус без труда распутал сети, закинул их со своей привычной силой до середины озера. В округе летали пташки, под напором ветра шумел камыш, небо плаксиво хмурилось. И была причина, ведь солнышко, Дулси, спустилось на грешную землю, чтобы развеять мрачные думы героя. Они уселись на бревно, устремив взгляд за горизонт. Порою важно почувствовать рядом с собой человека, не быть одиноким, всеми оставленным. Юноша был рад, впервые искренне рад, что рядом с ним болтушка. Она напоминала ему Овечку, такую же тёплую, ласковую, но временами суровую. На душе разливалась нега.

Чтобы не прослыть замкнутым, Витус завёл беседу:

— Дулси, твой отец удивительно много знает для ионского врача. Он практиковался где-то за границей?

— Не совсем, — отвечала девушка, срывая очередной цветочек для своего венка. — Мы сбежали из Демасии, когда началась война.

— Хах, значит наши пошли в атаку... Ноксус снова устраивает резню.

— Тёмный владыка напал на Тербизию, а дальше... Ну, ты и сам понимаешь, как оно происходит. Обычным людям приходится убегать от этой лавины, чтобы не быть похоронёнными под гневом рубак.

— Представляю, какого вам пришлось. А твоя мама?

— Погибла.

— Извини.

Девушка зыркнула на Витуса, поднесла палец к его лбу и одними губами произнесла: <<Главный виновник>>.

— Да ну тебя, — с улыбкой отмахнулся герой, а после задумался:

<<Ещё месяц назад Мордекайзер укреплял власть, заводил знакомство и переманивал на свою сторону баронов. Чтобы они последовали за ним, должны быть веские поводы. Неужели всё так изменилась за два, нет, за три месяца моего путешествия? Даже если и так, у Тёмного владыки должны были быть войска, но в прошлый раз, когда я виделся с ним, ничего не предвещало беды. Неужели здесь замешана магия йордла?>>

И будто героя осенило, он спросил:

— Когда началась война?

— Ну и вопросы у тебя, — усмехнулась девушка, но ответила: — Семнадцать лет назад.

— Но ведь Тербезию основали четырнадцать лет назад, как это возможно?

— Витус, Тербезии уже пятьдесят один год.

— Пятьдесят один год...

Витус сконфуженно вернулся в лачугу. Он тщетно искал способы убедиться во лжи девушки; наверняка, она дурачила его, просто издевалась. Вот уж девчонка, да как она смеет?! Герой ходил взад-вперёд перед глазами "господина разбойника"; в голове жужжал рой мыслей. Юноша собирал каждую из них в цепочку, пока не добрался до истины.

— Не может быть... — шептал Витус, протирая вспотевшее лицо.

Был только один способ узнать правду.

Пугающая истина

Витус расположился у камина, подбросив очередное полено. Кроме него в этой подобии гостиной находился "господин разбойник", но его состояние оставляло желать лучшего, а потому герою он никак не мог помешать, разве что вновь обмочиться. Впрочем, чем дальше проходит лечение, тем меньше мокрых дел ему приходится решать.

Итак, юноша сел у огня, когтем разорвал крепкую бичёвку, скрепляющую письма. Их тут было по меньшей мере два десятка, если не считать записок и иных не облечённых в конверты бумаг; большинство из них слиплись, иные покрылись желтизной, словно лицо старика морщинами. Уже сейчас в сердце Витуса зародились сомнения в собственной правоте. <<Что если Дулси не лжёт? Раз так, значит девица полный профан в вычислениях, и стало быть путает даты>>. Он медлил, словно хотел доказать себе, что его новая подруга ошибается.

Стоило пальцам прикоснуться к первому письму, герой обомлел. Судя по дате его отправили тридцать семь лет назад. Витус бережно обнажил бумагу; строки несли следующие мысли:

<<Витус! Ты не перестаёшь меня удивлять: вчера вечером прибыл некий господин Николай вместе с овцой впридачу. Не поверишь, но его лицо мне было смутно знакомо, словно мы уже встречались раньше. Он заявил, что знает тебя и прибыл по твоему велению. Понятное дело, я ему не поверил и выставил за дверь (сам знаешь, сколько негодяев сейчас развелось); но вечером я увидел его снова. В этот раз на чердаке, куда прислуга (вот ироды!) скрыли особо важные вещи нашего папаши, в том числе и несколько портретов. Короче говоря, этот смиренный тип был близок с нашим отцом и, стало быть, Патриция знает. После этого я, понятное дело, тут же велел разыскать его. Благо Кейл, он не успел покинуть город, и, как следствие, мы провели приятную беседу. Ох, ну и рассказал же он мне! Право, лучше бы не рассказывал: теперь я не могу спокойно спать, зная, через что ты прошёл и безусловно пройдёшь в будущем. Судя по его словам, вы стали хорошими друзьями, поэтому я предложил ему место своего телохранителя. Надеюсь, всё сделал верно.

С любовью, брат.

PS: Твоя овца съедает больше яблок в день, чем весь Болхейм за год! >>

Витуса распирало от сильных эмоций. Судя по содержанию письма, ничего дурного не произошло, и стало быть волноваться не о чем. Да, даже если всё это — не плод чьих-то трудов, то бишь ужасная шутка, и взаправду прошло почти сорок лет, это ни в коей мере не должно означать гибель для семьи Гальего. Эти мысли заставили юношу расслабиться, однако его сердце до сих пор знавало сомнения.

Следующее письмо должно было прийти через год после предыдущего. Мы приводим его содержание ниже:

<<Добра, Витус. Ты не ответил на прошлое письмо, впрочем, и не обязан был. Я понимаю, с какими тяготами и лишениями приходится сталкиваться путешественникам, а потому оправдываю твоё молчание за неимением возможности отослать весточку. Не могу даже представить, где ты сейчас бродишь, но где бы ты ни был, знай: твой горячо любимый брат не забывает о тебе! К слову, я совсем недавно развёлся (эта бестия все соки из меня выпила) и решил всерьёз заняться розничными предприятиями. Если тебе надоело

шататься по свету, можешь возвращаться в родной Болхейм; здесь тебе всегда рады, а твоя комната не видела ни единого гостя с момента отбытия. К слову, Антуанетта всё чаще стала наведываться к нам и играть с овечкой. Я всячески стараюсь поддерживать её интерес к тебе, но и ты давай, не забывай наградить девицу парочкой слов!

PS: Пару дней назад меня посетила мадам Эверидл (мы её встречали в <<Бессмертном бастионе>>); многое рассказала и принесла самые искренние извинения. Знаешь, а она не такая уж (замазано). Судя по её словам, вы славно покутили. Ай да брат, ай да плут! Видать, тебя потянуло на дамочек постарше, но, пожалуй, это не плохо.

Витус, где бы ты ни был, прошу, напиши ответ как можно скорее. Одна строка <<Я жив>> надолго успокоит наши сердца.

С любовью, брат.>>

Большая часть оставшихся писем имела близкое по смыслу содержание и отличались, разве что, новостями, но они не имеют никакого отношения к разворачивающейся драме, а потому мы посчитали за добро оставить их в тени. Витус голодными глазами пожирал цепочки записок — ничего не значащих оповещений и приглашения от баронов и лордов. Чем больше времени, он проводил за корреспонденцией, тем меньше доверял самому себе.

<<Тридцать семь лет. Прошло тридцать семь лет с начала моего путешествия, а не каких-то три месяца. Это абсурд, настоящий бред. Этого не может быть...>>

Каждое письмо становилось грузом, утягивающим самоконтроль Витуса на дно. Последний контрольный выстрел нанёс Патриций. Его письмо начиналось со слов <<Я погиб>> и продолжалось...:

<<...Конь мне в ухо, если не рядом с тобой! Право, в этой демасийской таверне такие же сухие чернила, как и кислое вино. Они, видимо, разбавляют их своей мочой...

Витус, это мой последний листок, последний шанс на исповедь. Ты уж не обессудь, вешать лапшу на уши дамочкам я умею, но в такие моменты теряюсь, поэтому буду писать прямо, чтобы было понятно и доступно. Витус, прошло три года с нашей первой встречи, но для меня это было вчера. Время не замедляет ход, ты растёшь, и привычные границы становятся для тебя малы. Я знал, что однажды ты отправишься в путь, настаивал на этом и теперь жалею. Нет, я не боюсь твоей смерти (вечные охотники вообще умирают?), но мне страшно от мысли, что я погибну прежде, чем увижу твой триумф. Для наставника нет иного счастья, кроме как видеть победы ученика. Удивительно, как из хилого ягнёночка ты превратился в грозного барана.

Не буду скрывать: за эти годы ты стал мне, как сын, заставил о многом задуматься и изменить взгляды. Возможно, когда-нибудь ты узнаешь, каким я был до приезда в Болхейм; никогда не уподобляйся мне из прошлого. Будь сильным, держи голову высоко поднятой и продолжай свой путь. Если к моменту получения письма я буду жив, после прочтения сожги его; если судьба распорядится иначе, знай же, что твой наставник был безмерно горд за тебя, как за ученика, и любил, как сына. П.П.>>

Прочитанное письмо лишило героя сил. Он уже не слышал, как позади скрипят половицы, как сопит "господин разбойник", и как по щекам скатываются слёзы. Его словно осушили изнутри, отобрали последние крохи здравого смысла. Пламя камина уже давно превратилось в тлеющие угли, а он всё сидел, сжимая в руках пропитанное влагой измятое письмо.

— Этого не может быть, всего этого не может быть...

<<Это ложь, грязная ложь! Ах, господин Ворон, это снова вы с вашими "шуточками". Да когда же вы оставите меня в покое, когда отвяжитесь от меня?! Я устал быть пешкой в ваших играх! Довольно с меня! Чёрт бы их побрал всех этих вечных охотников! Ненавижу, ненавижу, ненавижу!>>

Витус проходил по гостинной взад-вперёд, комкая и разрывая письма. В его крови бурлил гнев, даже привычно тонкий заслон на сей раз заглушил голос Овида. Юноша обвинял мать в том, что бросила, как бы запуская цепочку всех этих событий; отца за его скотское отношение; брата за сложенные руки, ведь тот не кинулся его искать; Патриция за то, что отпустил его в путь. Он стал винить Дулси, "господин разбойника", весь белый свет!

На самом деле Витусу был необходим виновник, кто-то, кроме него. От одной мысли, что всё произошедшее — плод только его трудов, становилось невыносимо. Но правда была неподкупна, истинна одна.

Гнев выбил последние силы из героя, и он посчитал правильным спрятаться в своей каморке. Так скрывается раненый зверь, чтобы перевести дух и восстановить силы. Думы его были тяжелы.

Витус лежал в позе эмбриона, словно желая утаить свои позорные слёзы. Он понимал, что рано или поздно ему предстоит вернуться в родной Болхейм как минимум ради того, чтобы почтить память о брате. *Гэвиус*. О нём герой думал сверх меры, ведь тот был единственной ниточкой, скрепляющей род Гальего. Жив ли он? Надежда была запечатана в последнем письме.

Подняться с кровати, вернуться в гостиную и забрать конверт. Ничего сложного, но герой боялся открывающейся перед ним правды. Возможно, это может стать его спасением или же погубить окончательно.

Каким бы сильным не было горе, человек рано или поздно найдёт в себе силы сделать шаг дальше. Вот и Витус, преодолевая напавшую хандру, исполнил задуманное, но открывать последнее письмо не решался. Судя по белизне конверта, оно было отправлено не так давно, что лишь укрепило ветхие надежды юноши, но в то же время в графе <<отправитель>> было пусто.

<<Нет, не могу, не хочу читать это. Узнать ещё одну страшную тайну, стать обладателем очередного признания с того света? Я не готов к этому, только не сейчас, только не сегодня...>>

Витус положил письмо под подстилку и в тёмном одиночестве продолжил свои безмолвные стенания.

— Доча, а чего это Витус такой хмурый в последнее время?

— Разве моя забота знать об этом? — с ноткой встревоженности отвечала зазноба.

— Может, запор? Сварю-ка я ему отвара из трав...

После рокового дня миновала неделя. Витус почти не ел, а если и перекусывал, то не различал рыбу от мяса; мало спал, большую часть времени глядя на душу Патриция; совсем не разговаривал, лишь однотипно отвечал. Дулси и её старик понимали, что их гость (следует заметить, в лачуге уже как свой) пребывает в состоянии глубокой меланхолии, словно "уходит в себя", не замечая ничего вокруг. Девушка пыталась вытащить его на

прогулки, но, право, в работе Дюранов больше жизни, чем в теперешнем Витусе.

За это время юноша понял, что с ним произошло, и смог дать объяснения "временному скачку". Используя логику и шепотку книжных знаний, можно предположить, что время в Бездне протекает иначе или же не протекает вовсе, что более верно. И правда, для Витуса смерть наставника, встреча с Вел'козом и Кай'сой, победа над королевой роя — всё это происходило, как минимум, в одной неделе. На деле же прошло больше тридцати лет. Теперь он уже не юноша, каким был прежде, а мужчина, коему перевалило за четвёртый десяток. Не смотря на это, никаких внешних признаков старения обнаружено не было. Разве что лицо слегка огрубело и плечи стали крепче.

Во всё это было трудно поверить и уж тем более поделиться своими переживаниями с Дулси. Но однажды вечером ему пришлось открыть карты...

Она впорхнула в комнату, словно бабочка, опустившись подле ложе Витуса. В воздухе запахло маком. Первым желанием мужчины (впредь мы станем называть его мужчиной, опираясь на пройденные годы) было имитировать сон, а там, глядишь, дурёха отстанет. Но не тут-то было. Она наклонилась к лицу героя, дынула мятной свежестью на его тяжёлые от горя веки и прошептала:

— Витус, ты спишь? — никакого ответа. — Если ты меня обманываешь, я ущипну тебя за хвост.

— Дулси, ну чего тебе?

— Ну вот, жулик, ты не спишь. Витус, расскажи мне, что происходит. Я же чувствую твои тяготы, всем своим сердцем чувствую, — она взяла ладонь мужчины и неловко сжала. — Если ты продолжишь отмалчиваться, мой отец не прекратит варить отвары от запора. Он уже все мои платья провонял, а у меня их, между прочим, только два!

И снова эта глупышка смеётся. Оно и верно, ведь солнце не может грустить. Во что бы превратился мир, пропади её яркие лучи, угасни улыбка согревающая душу. Витуса распирало от желания всё рассказать. Каждый, кто был вынужден хранить секреты, наверняка понимает его донельзя лучше. Но водоворот сюжета, в который попал герой, слишком опасен для неокрепшего сознания девушки, а потому, он посчитал за лучшим сгустить краски, поведав о ссоре (и снова ложь!) с братом.

— Так значит, твой брат перестал тебе писать? — Дулси склонялась над головой героя; её душистые волосы щекотали щёки Витуса. — И что в этом ужасного? Разве ты не можешь сделать первый шаг?

— Первый шаг? — мужчине так же приходилось разговаривать шёпотом, чтобы не разбудить старика. — Он обо мне уже поди забыл. Да и что я ему напишу? <<Привет, Гэвиус, прости, что игнорировал тебя все эти годы. Вот, подвернулся случай, и соизволил написать ответ.>> Они считают меня мёртвым, и я не хочу их переубеждать...

— В этом твоя проблема. Ты не делаешь первый шаг, — в голосе звучали нотки упрёка. — Что могло бы случиться, будь ты чуть смелей. Даже слова на бумаге, но лучше конечно вслух, могут всё поменять. Твои опасения пусты. Поверь, она, то есть он ждёт твоих слов.

Овид в сердцах рассмеялся. Витус обдумывал сказанное. Правда оказалась слишком простой, но в этом и заключалась её сложность. Подчас люди убегают от своих страхов, придавая им грозные формы, когда на деле они и гроша ломаного не стоят. Сейчас был тот самый случай. И верно, любое из действий мужчины не принесёт отрицательного

результата. Так чего же он боится? Время раздавить букашку сомнений.

— Дулси, одолжи свечку.

— Доча, а чего это Витус сегодня такой весёлый?

— А мне почём знать? Он мне не докладывает.

— Видать, помог отвар.

Отвар, сваренный стариком, и правда имел чудодейственную силу от запора, но едва ли это послужило улыбкам Витуса. Дело было в письме, которое герой наконец-то прочёл. Он делал это под надзором Дулси и теперь понимает, сколь ничтожен был в глазах девушки. Кстати говоря, благодаря её доброй воли мы ознакомились с содержимым конверта и теперь передаём соответствующие строки, кои писала курица, либо человек под властью вина:

<<Витус, это письмо для тебя. Я пишу тебе каждый последний день месяца на протяжении тридцати шести лет. Твоё письмо, доставленное незнакомцем, вдохнуло надежду. В своих строках ты простился с нами, но ты не можешь умереть, ведь ещё не видел шестнадцати ягнят. Анута дала удивительное потомство, да и вообще, она первое животное, получившее доступ в усадьбе Гальего. Знаешь, она до сих пор жива, но очень слаба, едва ли стоит на копытцах. Я расположил её в своём кабинете, чтобы оградить от любых волнений. Так и живём.

Недавно вот Антуанетта померла из-за какой-то холеры, чёрт его поймешь, какой. Её муженёк, ну, тот, о котором я писал, с горя повесился. Любовь бывает зла. А мне вот не посчастливилось отыскать свою суженную. Столько лет, да одни разводы. Да и какой я барон, коль потомства дать не в силах...>>

Строки приведённые выше безусловно трагичны, однако они стали самыми счастливыми для Витуса за последние несколько дней. Однако строчка *<<...на протяжении тридцати шести лет...>>* давала герою нерушимую надежду. Раньше между ним и Гэвиусом стояла пропасть, сейчас же яма; ранее был океан, сейчас же море и какие-то ничтожные тринадцать месяцев с момента отправки. Да это настоящее чудо!

Не мудрено, что отныне герой ходил, как пчела, обнюхавшаяся нектара: весёлый и заводной. Он работал с двойным усердием, трапезничал за четверых и каждый вечер сопровождал Дулси на прогулки. Девушка в очередной раз стала его спасением, словно плотом для утопающего. Она вдохнула в него жизнь.

Несмотря на явные перемены к лучшему, Витус всё ещё хранил опасения. В моменты сомнений он находил утешения в письме, перечитывая его в свете раннего солнца. Каждая строчка вселяла в сердце уверенность, прогоняя хандру и сражая меланхолию. Воистину, слова способны лечить.

Завтра герой собирался в Туулу, чтобы купить всё нужное для письма, и отправить весточку брату. Это так волнительно! Ему наверняка понадобится десять листов, чтобы излить свой рассказ во всех красках, не забыв выказать любовь и уважение близким людям. Пятки мужчины то и дело чесались, как бы подзуживая его сейчас же приступить к реализации замысла. Но он понимал, что один день уже ничего не изменит.

Теперь жизнь Витуса вновь обрела краски.

Сегодня утром Витус проснулся от громкого голоса брата. Тот требовал тела для себя, во всех красках описывая действия, кое неприминёт совершить, как только фофанъ (так Овид назвал мужчину, как бы шутливо оскорбляя) отыщет сосуд для его души. Герой, откровенно говоря, опасался спускать своё второе Я с привязи, а потому не дал вразумительного ответа, пробурчав нечто нечленоразделительное.

Несмотря на не самое приятное пробуждение, Витус встречал новый день с улыбкой на лице. На месте своей привычной одежды мужчина обнаружил новую рубашу, больше похожую на мешок картошки. Она тянулась от шеи до лодыжек и имела несколько коряво вышитых орнаментов. Если раньше герой был смешон, то теперь он превзошёл сам себя. Впрочем, удобство превыше всего. Очевидно, благодарить следует Дулси. Это герой и собирался сделать, покинув каморку и представ перед хозяевами лачуги во всей красе.

— Отец, не смейся! — топнула ногой девушка, словно ребёнок, потешно надув щёчки. — Витус, ох, какой ты красавец... Тебе очень идёт.

Не воспринимая всерьёз прозвучавшие слова, мужчина принялся ухаживать за "господином разбойником". Он медленно, но верно шёл на поправку. В тот момент, когда герой заканчивал осмотр раненого, из-за спины прозвучал голос Дулси:

— Тебе и правда идёт.

— Спасибо, Дулси. Теперь я чувствую себя намного раскованней, — и вполголоса прибавил: — Хотя бы ничего не жмёт.

— Негоже в таком наряде сидеть дома. Ай да со мной на ярмарку! Ну, чего ты смотришь на меня? Да, мне нужен сопровождающий, потому что Кася со своим пойдёт, Эрнестина пилигрима позвала, Шенгера жениха... Ну, да, поэтому я и сшила для тебя этот наряд. Ой, он так хорошо смотрится с моим венком! Вот, гляди.

Спустя долю секунды Дулси появилась, с неким подобием короны на голове. Это был покрашенный в золото обод, усеянный десятками букетиков, начиная от огненных красных листьев, и заканчивая белоснежными бутонами. Вся конструкция держалась на еловых веточках, умело сплетенных бичёвкой.

— Нравится? На ярмарке все девушки будут носить венки. А мальчишки должны красть их и обменивать... Ну, обменивать...

— Витус, — вмешался в разговор старик. — Вот тебе задание, как для особо одарённого. Сопроводи мою дочу на ярмарку, ни то второй десяток девахе, а она ни разу там не была.

Дулси покрылась румянцем с головы до пят; её отец бил без промаха. Она и правда никогда не была на ярмарках с кавалером и всегда старалась в этот день забивать себе голову работой. Ей было стыдно оставаться одной в то время, как остальные девахи гуляют под ручку со своими суженными. Несмотря на красоту (ибо Витус действительно считал девушку красивой), она была не востребована среди сверстников мужского пола. Однажды отец предложил ей себя в роли сопровождения. Но что бы из этого получилось? Темы для пересудов и ничего более.

Витус сделал шаг навстречу подруге, протянул ладонь, вторую руку скрывая за спиной.

— Мадмуазель, изволите пригласить вас на ярмарку?

Она дала согласие и поспешно удалилась. В сердце девушки витали самые светлые

эмоции, та детская невинность, которую нынче считают чем-то дурным. Дулси наряжалась и душилась, омывала тело маслами, короче говоря, наводила красоту, как и любая другая представительница прекрасного пола, желая быть самой яркой звёздочкой на небосводе.

И вот герои отправились на ярмарку.

— Ну и? Ты готов сделать первый шаг?

— Я уже его сделал. Спасибо тебе, Дулси. За слова той ночью, твою поддержку и... За всё, что ты сделала.

Их пальцы неловко переплелись...

— Тифон-с, вы так-с готовы-с идти-с на ярмарку-с?

— О, святые духи, Тумба, говорил же тебе, прекращай общаться с приезжими. Вон, як змей стал молвить. Так, глядишь, в зверя превратишься. Тьфу-тьфу три раза.

— Да ну тебя, Тифон. Меня Николета выгнала, теперь вот, делать нечего, и ни на какую ярмарку не пойду.

— Выгнала и выгнала, чего харю-то кривить. Эй, Тумба, погляди, а там разве не наш дамский угодник идёт? Мешок из-под картошки нацепил...

— Может, закупаться овощами собрался? Идём за ним?

Наши соглядатае не были бы соглядатаями, упусти они такую возможность. Друзья затерялись в толпе гуляк и стали следить за Витусом и Дулси. Чета подходила к Тууле в обществе таких же молодцов. В само селение, как говорят местные, пришла Земелюшка. Это была одна из дочерей Исконной земли, в местном фольклоре олицетворяющая плодородный урожай. Всё вокруг заполонили приезжие фермеры, молодёжь плясала народные танцы. Шум стоял знатный, всем было весело.

Чета зашла в селение, передвигаясь от одного к другому кружку весельчаков. Дулси пустилась в пляс, в Витуса вселился злой дух (иначе его дрыганья конечностями не оправдаешь); они пытались танцевать под звуки барабанов, дудочек, треугольников. Местный ансамбль задавал темп, имея особую власть над собравшимися; как шаманы повелевают духами, так и это трио обращало ноты в мощнейшие заклинания, контролирующее сердца. Воистину, музыка — великая сила!

— Ай да кутила! Ты погляди на него!

Витус прыгал, словно его пятки жгли раскалённые угли, крутился, как заведённый, и всё это под чистый смех Дулси. Она тоже пыталась изобразить нечто презентабельное, но получалось дурно. Уставшие, запыхавшиеся они сошлись в объятьях и под руку покинули пляшущий круг.

— О, Тифон, гляди, они уходят! Идут, кажется, к лотам торговцев.

— Тумба, а это не молодчики Дальтеса двигают за ними следом?

— Ой, сейчас что-то будет. В прошлом году Дальтес снял почти со всех девак венки. Видать, и сегодня преуспеет.

И правда. За четой двигались трое хлопцев явно с дурными намерениями. Витус был слишком расслаблен, а потому ослабил контроль над Овидом. Его брат, заметив этих плутов ещё во время танцев, был готов держать оборону. Как только один из них подошёл на расстояния вытянутой руки, намереваясь сорвать венок с головы Дулси, локоть героя внезапно двинулся назад. Это произошло мгновенно. Раз, и нечестивец заваливается со сломанным носом назад, а его дружки начинают привлекать внимание, мол, обидели

дитяtko.

Дулси схватила Витуса под руку. Они помчались за дома, петляя в тесных улочках и остановились, стоило голосам стихнуть. Девушка прижала героя к стене, обращаясь в слух.

— Витус, ты чего?! Это же игра! Не нужно воспринимать это так серьёзно...

— Я и сам не...

— <<Я и сам не...>> Аа-аа-аа, ещё бы позволил трахнуть её у себя на глазах, — прорычал Овид. — Где твои яйца Гальего?!

— <<...Ещё бы позволил трахнуть у себя на глазах>>, — повторил герой, под недоумевающий взгляд Дулси. — Не позволю. Не позволю тебя обижать, и веночек твой буду защищать. Ты ведь столько ради него хлопотала. Ну уж нет, пока я жив никто не посмеет покушаться на честь моей дамы!

Мужчина даже не подозревает, как сильно повлияли на Дулси его слова, а ведь он просто процитировал персонажа романа, который имел счастье читать в детстве. Девушка поправила съехавший на бок веночек, протёрла лицо, но скрывать вырывающуюся улыбку не могла.

— Витус, ты такой...

— ...Мужественный, храбрый, высокий. Не мудрено, что она его держится.

— Твоя правда, Тумба, так, глядишь, деток заделает и осядет здесь.

— Куда они подевались? Эй, прощельга со сломанной харей, живой? Ну раз живой, так молчи, а будешь тяфкать — он добавит.

— Эй, Тумба, а чего это чужака защищаешь?

— А ты вспомни красного огнедревика. Сколько мы за него выручили? У Николетты не отобедали, зато двадцать ринутов получили у приезжих. О, гляди, это снова они. Идём, быстрее идём, пока не потеряли из виду!

Закадычные друзья двинули в сторону всеобсуждаемой четы. Они крались за ними среди лотов торговцев, растворяясь в толпе, как самые искусные шпики. Вскоре Дулси наполнила корзину всевозможными травами и ингредиентами, в то время как взгляд Витуса блуждал по полке с книгами. Старик выдал ему семь рунитов и разрешил потратить на своё усмотрение. Вместе с канцелярскими предметами герой приобрёл рукопись под названием: <<Теория конденсаторов и основы электроники>>.

— О, ты погляди, да наш водяной дух, оказывается, учёный муж!

— Вот и ты, Тифон, начал бы читать, глядишь, Николетта на обед зазывать стала.

— Что мне эта дрянная девчонка! Ты мне лучше скажи, куда они подевались?

Витус держал корзинку, наполненную покупками, позволяя Дулси брать себя под руку. Они спустились на песчаный берег, всё дальше отходя от Туулы. Пятки лизали прохладные язычки волн, лёгкий бриз целовал лицо, в небе порхала стая крылатых. Девушка без умолку делилась впечатлениями о ярмарке и высказывала сожаление о столь быстром уходе.

— Нужно выполнить поручение отца, иначе, — Дулси провела ладонью по горлу, — Каюк.

— Возвращаемся в селение?

— Нет, это чуть дальше. Идём, я покажу.

Они растаяли в солнечных лучах...

— Витус, а после первого шага что ты собираешься делать?

— Хм, по-моему, это очевидно. Приложу усилия, чтобы достичь цели.

Они говорили на одном языке, но понять друг друга не могли.

Хижина, о которой упоминала Дулси, располагалась в небольшом перелеске, к северу от Туулы. Это было пустынное место, скрытое семейством деревьев. Его окружали шипастые кустарники, словно щитосцы стоящие на страже своего замка. К порогу проходила устланная соломой дорожка, окна были забаррикадированы прогнившими досками. словно предчувствуя вопрос мужчины, спутница дала объяснения:

— Я каждую неделю прихожу сюда, чтобы принести лекарства. Мы купили кое-что специально для пожилого господина. Он живёт отшельником, сколько я себя помню. Ну, давай, заходим.

Скрипнула дверь, впуская свежий воздух на борьбу со смрадом, отправляя войска солнечных лучей против царящего полумрака. Девушка по-хозяйски прошла вглубь хижины, призывая Витуса следовать за ней. Стоило чете миновать перегородку, их взгляду предстал хозяин жилища.

Это было закутанное в лохмотья существо со здоровенными лапами (руками это можно назвать с большой натяжкой), слишком непропорциональной головой. Услышав посетителей, он приложил усилия, разлипая сомкнутые губы:

— А-аа-аа, деточка пришла и молочка принесла. Хе-хе.

Его смех был хриплый, словно вырывающиеся из недр земли. Витусу старик сразу не понравился. Что-то в нём было знакомое, а оттого отталкивающие. Хозяин хижины заметил изучающий взгляд гостя и, стоило девушке отойти за перегородку, произнёс:

— Мм-м, вижу, у меня *особые* гости. Кто послал тебя, охотник? Молчишь? Отчего же не поговорить со стариком, столь *близким* к тебе по духу. Матерь стала запрещать разговоры?

— Я не работаю на Матерь.

— Что ж, моё существование продолжается, — старик закашлялся, выпуская струю серебряной крови — Если ты не связан с Матерью, значит, она тебя не признала. Угм, нет, не совсем так, верно?

— Нам не обязательно говорить об этом.

— Будь спокоен, мóлодец, мы в одной лодке. Да, ты глядишь на это искалеченное тело и наверняка думаешь: <<Что этот безумец себе бормочет?>> погоди, я договорю, пока кашель снова не сразил меня. Ты не связан с Матерью и ещё совсем ребёнок, значит, один из наших братьев дал потомство.

— Эти ответы ничего вам не дадут.

— Ответы — это пустые слова, они ничего не стоят. Нет, они мне ни к чему. Я лишь прошу уважить этот кусок плоти толикой внимания. Твоя девушка будет здесь ещё четверть часа, у нас есть время.

Витус не хотел слушать пожилого маразматика. Более того, его внешний вид вызывал волну тревоги в сердце мужчины. Но он не мог бросить Дулси, а потому согласился. Герой присел на стул, готовый внимать словам старика. И тот начал свой рассказ, зачастую прерываемый неконтролируемым кашлем. Мы посчитали нужным сократить его до размеров одного абзаца.

Местный отшельник был вечным охотником, скрывающимся от воли Матери. Он утратил с ней связь полторы тысячи лет назад, когда совершил кражу из казны Виего, и

благополучно скрылся благодаря продажным стражам. С тех пор старик обитает в этой хижине, ожидая часа кончины. По словам хозяина, никто не станет его искать, ибо в этом нет ни крупицы смысла.

Выслушав короткий рассказ собрата по крови, Витус представился, поведав о своём происхождении и "случайных" встречах с Вороном.

— Угм, ну, конечно, этот прохиндей всегда играет в свои игры. Вот что, парень: живи полной жизнью и никогда никого не слушай, особенно этого высокомерного... Аа-аа-а, деточка, ты приготовила мне отвар? Спасибо тебе, спасибо, — подождав, пока Дулси уйдёт, старик продолжил: — В былые времена я записывал свои похождения в дорожную книгу. Ты можешь взять её.

— Благодарю, это... Много значит для меня.

— Время ещё есть, но мне пора принимать отвар. Ты не представляешь, как болят эти язвы, но это лучше, чем ничего не чувствовать. Жизнь должна быть наполнена красками, иначе она ничем не отличается от смерти.

Витусу показалось, визави подмигнул ему, с трудом разливая видневшийся из-за толщей ткани глаз. Дулси в этот раз справилась быстрее и, по традиции объяснив больному, где и что находится, собралась уходить. Странное дело, но теперь герой не чувствовал страха перед собеседником. Скорее некое сожаление. Да, он жалел его, ведь в похожем кресле может оказаться дядюшка Волк и даже Овечка. От этих мыслей пробирало холодом. Брр!

— Витус, если ты закончил витать в облаках, можем идти.

— Витус, — вновь заговорил старик, стоило девушке отойти. — Семьсот Триста Девятый. Моё имя. Заходи как-нибудь, перемоем косточки Ворону.

— Да, обязательно...

— Чего такой хмурый стал?

— Прос... Не хмурый, скорее задумчивый.

— Да, мне тоже его жалко, но что поделать? Жизнь бывает жестока, — она снова взяла его под руку, легко и непринуждённо, словно это стало обыденностью. — Вместо того, чтобы думать о жизни, её нужно проживать. Вот, тебе даже старик сказал. Говорит, значит: <<Кхе-кхе, Витусик, кончай хандрить и посмотри вокруг, тут очень красивая девушка рядом, а ты не замечаешь её, кхе-кхе.>>

— Дулси. У тебя ужасно получается пародировать отшельника.

После насыщенного дня Витус сел за письмо. Он намеревался написать брату и всё объяснить. Возможно, Гэвиус не поверит ему, сочтёт за шутку мошенника, но попытаться стоит.

— Столько нужно рассказать. С чего бы начать...

Ни один час герой потратил, чтобы собраться с мыслями. Он марал бумагу, рвал и начинал заново. После десятка неудач Витус отбросил все сомнения в сторону и написал, как на духу. Впоследствии мы имели счастье держать это письмо, а потому приводим содержание ниже:

<<Гэвиус! Мне не хватит бумаги, чтобы всё тебе рассказать, поэтому буду краток: я жив, здоров и сыт. Мне больно от мысли, что ты считал меня погибшим, но в этом нет твоей вины. В настоящем я пишу тебе с острова Чжунь, что в Ионии. Как я сюда попал, это отдельная история, о которой (как и многих других) я расскажу тебе позже. А

ещё лучше, лично.

Не буду скрывать: я ношу мешок картошки вместо рубахи и вынужден сидеть на шее у добрых людей. Здесь рядом есть чудесная девушка, добросердечный старик и идущий на поправку "господин разбойник". Кто эти люди, я как-нибудь потом объясню. Сейчас же мне нужны средства, чтобы отблагодарить их и вернуться домой. Рассчитываю на твоё понимание.

Подпись. Дата. Витус Гальего.

PS: Наши звёзды ещё засияют, и эта будет самая яркая ночь.>>

Стоило Витусу поставить точку, и он почувствовал лёгкость, словно сбросил камень с души, освободился от сдавливающих пут. Он опасался, что ответ может быть не столь радужным, но это уже не имело никакого значения. Дело было сделано, рубикон перейдён. Этой же ночью Витус отправился на почту, и уже через неделю письмо было доставлено в Болхейм. Ответ не заставил себя ждать.

Странное свидание

Через три дня из Болхейма прибыло письмо. Почтовая служба действовала оперативно, и вскоре Витус получил заветный конверт. Он сгорал от предвкушения, не в силах потушить огонь любопытства. Его распирало от противоречивых эмоций: страха, радости, паники и т. п. Дни, проведённые в ожидании, были наполнены чем угодно, но только не покоем. Герой прочёл от корочки до корочки приобретенную на ярмарке книгу, старался в любом деле помогать хозяевам лачуги и даже стал вырезать фигурки из древесины. Но чем больше он отвлекал себя, тем сильнее было желание получить заветный ответ. И вот, наконец, этот час настал.

Витус находился на улице, когда к нему, точно призрак, подошёл почтальон. Парочка формальностей, слова благодарности, и мужчина скрывает конверт, с аппетитом проглатывая каждое предложение. В лачугу герой вернулся воодушевленным, и вскоре Дулси узнала причину хорошего настроения гостя.

— Вот значит как: твой брат наконец-то дал ответ, — в каждом слове девушки чувствовалась нотка обиды. — Передай герберовый золоцветик. Угу.

— Представляешь, он исписал три листа бумаги!

— Лучше бы не представляла, — буркнула Дулси, продолжая работу пестиком.

Они расположились в главном зале, спинами к "господину разбойнику", сортируя и смешивая травы. Витус был доволен, точно сытый кот, но девушка не разделяла этой радости, что, впрочем, скрылось от взгляда мужчины. Возможно, читатель подумает, что наш герой имел наглость каким-то образом оскорбить юное сердце. Увы, отчасти это верно.

После ярмарки Дулси ходила по селению, задирая подбородок. Она в коем-то веке не чувствовала себя обделенной, словно чужой в этом потоке людей. Девушка считала (что было в высшей степени верным) их "свидание" успешным и всё ждала, когда Витус сделает следующий шаг, о котором он неоднократно упоминал. Но читатель уже догадывается, что несостоявшаяся пара говорила на разные темы и мы с горестью это подтверждаем.

С самого утра Дулси была не в духе, а вопрос соседки: <<Чего это твоего хлопца не видно?>> — добил её окончательно. Да, она ко всем была мила и приветлива, но к Витусу относилась особенно нежно. Как этого можно не замечать! Короче говоря, девушка обиделась, как обижается всякая представительница чудесного пола, не находя ответной тяги.

Витус тем временем не унимался:

— ...И вот он пишет, — пальцы героя возбуждённо проходились по бумаге, — <<В прошлом месяце я пережил инсульт. К чёрту, больше не пью.>> — Не пьёт, представляешь? У нас отец пил, наверняка это гены. Ну, гены ведь передаются...

— Да, передаются. Следующую, — девушка взяла переданную ступку, начиная зло толочь пестиком — Фильтиян и экстракт бугемони. Да, сыпь сюда.

— Дулси, ты сегодня такая...

— Какая? — в очах сверкнули молнии.

— Уставшая...

Воцарилась тишина, прерываемая работой пестика. Дулси пыталась скрыть своё раздражение, но письмо Гэвиуса (как и он сам) вызывали в сердце девушки приступы

ревности. Она была собственницей, пусть и сама не осознавала этого. Её голос дрогнул, вопрос слетел с уст:

— Ну и когда ты уезжаешь?

— Гэвиус пишет, что отошлёт за мной корабль. Вот это строчка: <<...Даже если ты не собираешься в скором времени возвращаться (мне это разобьёт сердце!), хороший бриг под рукой, это всегда к добру...>> Да уж, братец, как всегда, прав.

— Угу, — буркнула Дулси, а после вполголоса добавила, активно заморгав, будто в глаза попала соринка: — Разбивать сердца ты умеешь.

— Вы очень глупо поступаете, — заметил "господин разбойник", стоило Дулси отойти. — Такая к'асавица, а ст'ладает.

— Простите?

— Я гово'ю: вы не п'авельно ведёте себя с к'асавицей.

Витус повернулся к лежащему и уже поправившемуся (более или менее) "господину разбойнику". Это был забавный индивид, покрытый бурой шерстью, с уходящими вверх ушами-лепёшками, где-то потерявший один из выпирающих зубов. Возможно, из-за этого он не мог произносить букву "р", а быть может картавил с рождения. Как бы то ни было, герой обратил на него внимание только из вежливости.

— Я хотел вас поблагода'ить! Вы чудная нянька, и достойный се'дца этой п'елестной девушки, — "господин разбойник" поднялся с лежанки, подполз к герою; его глаза хитро щурились. — Позвольте дать вам па'у советов.

Мужчина не просил ни одного из сказанных вастаии советов, но получил их и, улыбаясь, поблагодарил советчика. Отчего-то он утверждал, будто Дулси кокетничает с Витусом, а тот не замечает. Конечно, герой не принял эти слова всерьёз, но чем больше думал об этом, тем больше убеждался в правильности наблюдений "писавшего гостя". <<Да он ведь прав!>> — размышлял Гальего. — <<Если в этом кроется причина плохого настроения Дулси... Но ведь её отец ясно дал мне понять, что не хочет такой партии для своей дочери. Я уважаю его, а значит... Эх, нет, стоит быть благодарным и всё ей объяснять.>>

Пока Витус размышлял, вернулась Дулси. Она снова заняла прежнее место, старательно отворачиваясь от героя. "Господин разбойник" заметил застывшую влагу в её глазах. Решившись, мужчина произнёс:

— Прежде чем мы продолжим, хочу спросить: как ты смотришь, чтобы мы... — Витус замялся, слова рождались с трудом. — Ну... Вроде как сходили...

— Позвольте мне повто'ить свои слова, милейший господин, — пришёл на выручку вастаии. — Вот в чём дело, уважаемая в'ачевательница. Я 'ассказал своему спасителю легенду п'о золотую 'ыбку, обитающую в озе'e 'ядом с селением. Он п'иглашает вас на охоту.

Витус краснел, Дулси молчала. Наконец, обработав очередной пучок трав, девушка пролепетала:

— Вечером я буду свободна.

— Тифооон! Тифооон!

— Тумба, чтобы тебя духи сожрали, где мы?

— Тифооон!

— Да здесь я, здесь. В камышах лежу. Дай руку.

Закадычные друзья покинули заросли камыша в обнимку. Оба уже трое суток пребывают в пьяном кутеже, что, впрочем, не умаляет их любви к рыбалке. Судя по всему, им взбрело в голову наловить улов на озере близ селения, где квартировал Витус. Его же, хлопцы, заметили, стоило им выйти на дорогу.

— Тифоон!

— Да замолчи ты, окаянный! Вижу я, вижу. Вот наш дух воды идёт, и опять с кралей.

— Тифоон!

— Да, да, идём за ним. Ох, как плохенько-то, как плохенько...

Наши соглядатаи проследовали за четой к пристани, где их ожидала подготовленная лодка. Это было небольшое суденышко на одну персону. Как там поместятся двое, оставалось загадкой.

— Уселись, угу... Тумба, мочись в другом направлении. О, отплывают, видать, на рыбалку собрались. Ну, а почему нет? Почему нет, тебя спрашиваю, а? На закате само-то клюёт, и погодка тёплая, самое то для рыбалки. Эгэ, а как они без удочек будут рыбачить? Ну профаны, ну дурочки. Идём, покажем им, как это делается...

Разместится вдвоём в лодке было непросто. Витус сидел у весел, Дулси же пришлось расположиться у кормы. С момента выхода из лачуги, они не проронили ни слова. Не смотря на это, девушка заметно оттаяла к герою. Уже не было колких взглядов, тяжёлых вздохов, обиды в голосе. Но так же не ощущалась привычная нежность, словно между ними появился барьер. Сегодня мужчина намеревался разрушить это препятствие. Он решил объяснить и поставить все точки над "i".

— Ты не взял совок.

— Прости?

— Мы же на охоту за золотой рыбкой собрались. Ты ничего для этого не взял, — она прятала взгляд, будто отвлекаясь на пальчик, разрезающий водную гладь. — Возвращаемся?

— Нет. Дулси в самом деле я хотел тебе всё объяснить.

— Какая честь, — пробурчала девушка, заметно напрягаясь. — У баронов так принято? А у нас в селе говорят просто и доступно: <<не мешай мне,>> — и дело с концом.

— Всё началось с порочной любви...

Витус заговорил и словно ушёл в себя. Он рассказал историю своего рождения, встречу с отцом и знакомство с наставником. Мужчина говорил без прорыва, что лишь подтверждало его искренность. На небе появились первые звёзды, а рассказ всё не кончался. Подул прохладный ветерок, игриво прошёлся по деревьям на берегу, а те, взмахнув ветвями, пустили цветы по воздуху. Белые лепестки закружили вокруг героев и опустились на воду.

— И вот, я вынужден отказать Мордекайзеру, говорю ему прямо, мол, нет, не буду я вашим офицером первого, второго, да хоть третьего ранга! Дальше мы вернулись домой...

Чем больше Витус говорил, тем сильнее беспокоилась Дулси. Она ощущала напряжение, внутреннюю боль, с которой мужчина продолжает рассказ. Сама того не осознавая, девушка взяла визави за ладонь, как бы поддерживая. Слова героя были просты и искренни; он не оправдывал ни одно из своих действий, и в то же время не сгущал краски. Это была страшная, но чистейшая правда.

Витус замолчал через два часа, сокрушённо понутив голову. Он ощущал себя обвиняемым в зале суда и всячески старался сыскать снисхождения Дулси.

Девушка чувствовала себя опустошённой. Будучи эмпатом по натуре, она как бы

пропустила эту боль через себя. Что ж, теперь Дулси понимала, каково пришлось Витусу.

— Теперь я поняла.

— Нет, — их пальцы переплелись. — Нет, Дулси, ты не можешь понять, потому что я сам не понимаю. Не знаю, что делать дальше и куда идти. Я словно заблудился в лесу, и, куда бы не пошёл, ничего не изменится.

— Значит, тебе нужен проводник, — девушка улыбнулась со всей свойственной ей нежностью. — Провожатый, который выведет тебя на дорогу.

— Я жалок. Ты жалеешь меня. Снова. Нет, Дулси, не нужно этого. Я обещал себе быть сильным.

Он запустил пальцы в локоны её волос, убирая застрявшие лепестки. В этот момент девушка (видимо расценив это, как знак сближения) подалась вперёд, надув губы уточкой. Он не хотел противиться её чарам, поддался искушению, и сегодняшние звёзды стали свидетелями робкого поцелуя.

— Тебе не обязательно быть одиноким, — их лбы соприкоснулись, дыхание слилось в унисон. — Не нужно быть сильным. Просто будь собой. Нет, молчи, Витус, теперь моя очередь говорить. Я хочу, чтобы ты остался со мной хотя бы ещё на некоторое время. Ты волен выбирать свою дорогу, но знай, что я буду счастлива, если наши тропинки сойдутся даже на несколько мгновений. Не смей ничего говорить, Витус, иначе я передумаю. А теперь иди сюда. Я хочу ещё один поцелуй...

Демон порока гулял неподалёку, увлекая в пучину беспамятства. Это больше походило на инстинкт, так называемую страсть, момент слияния двух сердец в обжигающем танце. Он увлёк её назад, укладывая на карму. И, неуклюже расположив ладонь на стене судна, не рассчитав силы, от чего лодка перевернулась, скидывая своих пассажиров.

Пламя страсти, было потушено.

— Тифооон...

— Замолчи, Тумба, и без тебя тошно. Вино закончилось, улова нет, даже этих любовничков не видно. Эх, что за жизнь.

— Тифооон...

— Ну, чего тебе надо, Тумба? Лежишь? Ну и лежи. Вот, хлебни озёрной водицы.

— ...Духа воды вижу. Там, на глубине что-то движется. Тифон. Тифоооон, оно приближается!

Закадычные друзья вооружились палками, замерев от ужаса на месте.

Это был удивительный страховидл с зеленой кожей и громадными ушами; в зубах он держал переливающуюся золотом рыбку, кою запульнул в рыбаков. Те словили её и перепугано дали дёру, крича, призывая на помощь. Они побегут в деревню, станут рассказывать про духа озера и заверять всех, что видели самое настоящее чудо. В действительности же, друзья встретили Витуса облепленного тиной, вытаскивающего на берег Дулси.

— Ну, дурёха, зачем садится в лодку, если не умеешь плавать... Ч-чёрт, что же делать...

Витус разорвал сарафан, порвал рубаху девушки и, приложив ладони к сердцу, стал надавливать. Если верить множественным лекарским трактатам, таким способом возможно заставить сердце работать. Одна мысль о смерти Дулси пугала героя до дрожи в пятках. <<Она не должна умереть! Только не она, только не так глупо!>>

В отчаянном порыве Витус пожелал использовать свою кровь, но рассудил, что это будет слишком радикальным решением. Оставался ещё один способ: искусственное дыхание. Если и это не поможет...

— Так... Как там было в учебниках...

Стоило губам сойтись, руки Дулси обхватили шею героя и притянули к себе. Теперь они оба оказались на земле: глаза в глаза. Он целовал её до боли в лёгких, прижимал, словно пытаясь скрыть от всего мира. Как же Витус рад! Ох, как счастлив этому чудесному спасению. Но через несколько секунд, судя по заливному смеху девицы, его успехи были существенно занижены.

— Ах-ха-ха, Витус, ты и правда решил, что я не умею плавать? — она всё так же прижимала его голову, позволяя кротко целовать свою шею. — Ты такой решительный, такой... Балбес. Зачем рвать одежду-то? Или ты хотел... Ой, Витус, ты точно балбес!

Смех, слёзы, счастье...

Они сидели на причале под разогревающеися лучи пробуждающегося солнца; глядели на перевёрнутую лодку, застывшую на середине озера. Ну и злой же будет староста, ибо это судно одно на село. Но об этом чета влюблённых не думала. Оба витали в облаках, утопая в тех молодых грёзах, которые словно язву вырезает возраст.

— Надо же, мы проговорили всю ночь, — Витус бережно прижал сонную девушку; та промурлыкала, утопая в клочьях шерсти.

— А днём за травами идти. Эх...

— Зато эта ночь навсегда останется в нашей памяти.

— В сердцах. Любить нужно сердцем.

— Любить... Возможно ли полюбить отцеубийцу, предателя бросившего брата на тридцать семь лет, воина, не сумевшего защитить наставника и, что самое главное, вечного охотника, проклятого на тысячи лет жизни? Знаешь, иногда мне кажется, что между мамой и Олусом всё могло быть по другому. Мы все вместе жили бы в одном доме, ходили на охоту, посещали ярмарки и светские вечера. Она стала бы носить платья цвета морской волны, готовить ужин и больше никогда не притрагиваться к своему луку. Дядюшка Волк остался бы с нами, квартируя в подвале. У нас очень большой подвал, намного больше, чем ваша лачуга. Наверное, тогда не стало бы Гэвиуса, но... Дулси? Уснула. Пора возвращаться, ни то твой отец оторвёт мне голову.

Они вернулись в лачугу в середине шестого утра. "Господин разбойник" спал, а вот старик всю ночь провёл в беспокойстве. Он понимал, что Витус отнюдь не дурной малый и более того заслуживает доверия, но отцовское сердце волновалось за дочь. Желая не быть обузой для Дулси, но в то же время не становится тираном, пожилой лекарь проводил ночь перед камином.

Когда скрипнула дверь, послышались шаги, старик тут же побежал ко входу. Застав Витуса с Дулси на руках, он сдержал гневный порыв и приложив палец к губам, указал на комнату девушки. Герой хотел как-то оправдаться, объяснить, что ничего непозволительного не было, но, осознавая, в каком положении находится, лишь кивнул.

Витус прошёл в комнату хозяев, мягко опустил тело Дулси на кровать. Он застыл, смотря на её растрепанные волосы, на безмятежно спящее лицо. Хотелось снова и снова целовать эти щёчки, покрасневший носик, и не менее желал герой прикоснуться к

подушечкам губ. Пересилив себя, он укрыл девушку одеялом и уже хотел уходить, но внезапно её рука дёрнулась, и пальцы поймали запястье.

— Возможно, — с уверенной улыбкой сказала она. — Это возможно. На причале ты спросил... Я даю ответ: возможно.

После сказанных слов Дулси перевернулась на бок, как бы имея в виду "я устала". Герой тотчас покинул комнату хозяев. До подъёма оставалось ещё три часа, но сердце рвалось от переизбытка эмоций; он не мог сидеть на месте и пустился на прогулку.

Подчас хороший променад не только разыгрывает аппетит, но и помогает всё обдумать. Витус точно решил, что воспользуется этим мимолётным мгновение счастья и останется до тех пор, пока Дулси пожелает его видеть. Овид недовольно рычал, нарекая эту идею (как и большинство затей брата) пустой тратой времени. Но решение было принято: он остаётся. Остаётся, чтобы жить, а не проживать отмеренный ему срок. К чёрту все эти ответы, поиски и игры в героя. Отныне перед Гальего открывается новая дорога...

С последних событий прошло пол года. За это время жизнь Витуса круто изменилась. Он получил серьёзную финансовую поддержку от брата; благодаря ей герой купил титул старосты в селении и построил усадьбу рядом с хиленькой лачугой травника. Мужчина был знатный транжира, расточительствуя направо и налево. Впрочем, именно это и помогло ему снискать благосклонность всего Чжунь.

Но недостаточно было иметь большую сумму, следовало её сохранить, а ещё лучше приумножить. После нескольких мозговых штурмов герой принял решение продавать свою кровь под видом чудодейственного снадобья. Он так и сказал старику, мол, врождённая аномалия. Тот не задавал вопросов. Ещё бы, ведь больные шли на поправку с удивительной скоростью, а он сам то и дело получал подарки от пациентов. Отныне жизнь пожилого лекаря протекала донельзя приятно.

Его дочь так же жила счастливо. Пять месяцев назад они с Витусом связали свои узы, закрепив новоявленные отношения крепким замком. В Ионии существует место, названное "Мостом влюбленных". Если читатель отправится туда, сможет лицезреть тысячи замков прикрепленных к перилам, а внизу серебряный от сверкающих ключиков ручей. На одном из них написано: <<Витус. Дулси>>, и дата начала счастливый времён.

Мы называем эти времена счастливыми, отталкиваясь от мнения героя. Рассказывая о своей жизни, он то и дело упоминал Дулси, словно без неё не могло обойтись ни дня. Впрочем, это справедливо, ведь сама девушка ни на каплю не охладела к мужчине. Они вместе ходили на пикники, гуляли по лесам, всё так же работали с ранеными и находили время побыть вдвоём. В такие моменты чета молчала, ведь влюблённым не нужны слова, чтобы понять друг друга. Однажды Витус сказал: <<Наверняка войну устраивают холостяки, ведь будь их сердца наполнены любовью к своей женщине, ни на что другое у них не осталось бы времени>>. Что ж, вполне возможно.

Нами было сказано про усадьбу Гальего. Это здание высилось над ничтожными лачугами местных, имело несколько широких окон и балкон с узорчатыми балюстрадами. Над ним располагался чудный сад, коим руководил "господин разбойник", нанятый на роль садовода за хорошие советы. Каждый, кто был вхож внутрь (то есть, каждый прохожий) имел возможность получить медицинскую помощь на первом этаже, отведённым под мед. часть. На втором же находился кабинет Витуса, где он с утра до вечера мастерит, как говорит Дулси: <<шпуньки всякие>>; там же находится спальня возлюбленных и гостиная, принимающая семейство на обеды.

Именно в ней мы и повстречали Витуса вновь.

Он сидел за столом, марая листы своими мыслями. На одном герой дорабатывал схему магнитной перчатки; её прототип уже был изготовлен, но всё ещё нуждался в доработках. На другом же строчил письмо брату, отчитываясь о тратах. Со спины незаметно, точно снежинка, появилась Дулси. Девушка нежно положила ладони на плечи возлюбленного, опёрлась подбородком о его плечо, поглядела на бумагу.

— Ничего не понятно, — резюмировала молодуха. — Мой отец тебя звал, говорит, приехал этот... Ну, тот... Который "толстосум".

— Господин Чебулино. Да, но что-то он запоздал. Обещал вчера явиться.

— Ой, а я сына его видела. Добрый мальш.

— Только инвалид... Но это поправимо.

Витус пожелал встать, но девушка опёрлась ладонями на плечи, кокетливо взмахнув волосами.

— Он опоздал, так пусть теперь ждёт, — Дулси потешно захлопала губами, приближаясь к возлюбленному. — А я ждать не буду. В конце концов, жена я или кто.

— Любимая. Любимая жена. Но сейчас, — мужчина настойчиво поднялся. — Речь идёт о человеческой жизни.

Он оставил поцелуй на её челе, а после покинул гостиную, спускаясь на первый этаж. Гостей принимал старик.

— О, господин лекарь, понимаете, мы объехали всю Ионию, понимаете, были в Демасии, поймите же, что и в Ноксусе никто не сумел нам помочь. Кейл милосердная, позволь этому достопочтенному господину понять, что ничто не в силах помочь моему мальчику, моему любимому Альберу.

В небольшом помещении расположились трое. Старик за столом, напротив него тучный усатый мужчина с покрасневшим лицом, а рядом с ним мальчик, сидящий в коляске. Его отец всё не унимался:

— Мы обещали прибыть вчера, но, понимаете, нашу шнуху занесло не в те воды, и мы были вынуждены... Ну, понимаете, как это говорят моряки... Понимаете, потерялись.

— Я понял вас, любезный, понял всё.

— И вот, мне говорят, я отдам свою жизнь, если это правда, что вы располагаете чудодейственным зельем, способным и мёртвого поднять с могилы. Понимаете, мы тут же покинули город, сразу сели на шнуху и на всех парусах отправились сюда. Понимаете. И вот, мы прибыли, ну, опоздали... Понимаете, нам очень нужно чудодейственное зелье.

— Любезные, успокойтесь. Вот, возьмите мой платок и вытрите пот. Вы вбежали сюда, словно при смерти, но на деле всё не так ужасно.

— Не так ужасно! Понимаешь ли, Альбер, этот достопочтенный господин издевается над нами. Или, нет! Он хочет сказать... О, Кейл, молю тебя, дай мне чудо!

— Прошу, встаньте с колен, — дверь тихо затворилась; вошёл Витус. — Господин Чебулино, я полагаю?

— Да, да, это я! — закричал мужчина, метаясь то к старику, то к Гальего. — Вы же не продали... То есть, понимаете, мы же договорились... Ну, чтобы...

— Мастер, — обратился Витус к травнику, — Будьте добры, один флакон.

Старик достал из стола небольшой флакончик, наполненный серебряной жидкостью. Герой взял его, откупорил с видом знатока и попросил мальчика выпить несколько капель. Его отец всё ещё с красным лицом стоял на коленях подле коляски. Не прошло много времени: пациент выявил желание встать.

— Встать?! Он просит встать! Встать... Как же встать, как же это понимать, — тараторил возбуждённый посетитель. — Давай, Альбер, попробуй подняться, я помогу тебе.

Мальчик поднялся на ноги, неуверенно сделал один шаг, следом второй и, отпустив руку родителя, прошёл к двери; там же и рухнул. Его снова усадили в кресло, и после потока слов отца Витус разъяснил:

— Для снятия паралича одного флакона будет недостаточно. Мы уже всё обговорили в письме, и вот, — Гальего протянул ящичек с флаконами, — Ваша партия. Разбавляйте с

водой, а ещё лучше сиропом. Да, да, я понимаю вас и принимаю благодарности и этот ничего не значащий мешок золота. Конечно, мы останемся с вами до конца и вытащим Альбера из пасти холеры. Удачи, приходите ещё. Да, закройте дверь. Благодарю.

— Ох уж эти посетители, — заметил старик, стоило гостям оказаться за порогом.

— Мне жалко их. Они тратят пятьдесят тысяч динаров за одну склянку, — герой удрученно опустил звенящий мешочек на стол. — Я хочу помочь всем, но это так трудно...

— Полно. Витус, всем помочь невозможно — это аксиома.

— Да, но когда лекарство безгранично... Впрочем, не стоит об этом думать. Пусть это останется красивым слухом для богатых, иначе наше маленькое предприятие может кончиться.

— Я нем, как рыба, — ответил старик.

Зато другие болтливы.

— Тифон, а чего это мы за этим жупелем пошли?

— Ну так он сказал, мол, налью вам, братцы, того-этого и закусить дам.

— Ох, не знаю, Тифон, як-то он мне не нравится. Ну, погляди на него, ну, ты глянь. Плащ нацепил в такую жару, ещё и тёмный, ну точно бабай. Ладони, лицо, ноги — всё скрывает. Как такому можно доверять?

Ответ на этот вопрос закадычные друзья нашли, стоило незнакомцу проставить им медовой настойки и тарелку крылышек. Они расположились за столом таверны в Тууле, там же повстречав "жупеля". Сначала хлопцы держались боязливо, даже презрительно, но после третьей рюмки их язык заметно ослабел.

— Витус Гальего? Тумба, Тумба, Тумба, это же тот, ну, этот, ну, который водный дух и дамский угодник.

— Он это, он, точно вам говорю. Уважаемый, мы же с ним почти что родственники. Друзья, ну просто не разлей вода. И на рыбалку ходили, и в озере купались, и на свадьбу он нас приглашал. Да, Тифон?

— Верно, и когда с кралей своей ходил по грибы, и за ягодами отправлялся, и рыбу выбирал на рынке, да по берегу гулял. Мы с ним были. Он нам кричал всё: <<А ну, пшли отсюда, псы безмо...>> Ну, или что-то такое. Друг он нам, друг. А вам, милейший, чего это надобно от него?

— Тумба, чего ты пристал к человеку? Вон, жри колбасу да помалкивай. Любезный, вы его не слушайте, вы слушайте меня. Про семью рассказать? Ну так живёт он с этой... Дубли, Субли, Кубли... Как-то её так зовут... И стариком, значит, травником местным. Дед справедливый, но злой. Нас прогонял. Как махнёт палкой, да крикнет: <<А ну пшли отсюда, псы безмо...>> Ну, или что-то такое. Как уходите? Уже? Так у нас ещё пол бутылки, милейший. Господин, эй, а вы куда, собственно, ушли...?

— Тифон. Тифон, он, это, пропал.

— Пропал. Прямо на глазах пропал. Раз и нету.

— Зато бутылка осталась...

После разговора со стариком Витус намеревался провести время с Дулси, но "господин разбойник" (настоящее имя которого для нас тайна) передал записку.

— Велено пе'едать, — докладывал садовник, — Лично в 'уки.

На бумаге корявым почерком было написано: <<Нет ничего важнее семьи. ЯМы

ждём тебя в перелеске рядом с усадьбой>>. Витус догадывался, от кого могло поступить странное послание. Одна мысль об этом заставляла сердце мужчины трепетать. <<Не может быть,>> — бормотал герой, покидая жилище и скрываясь в зарослях кустарника.

Стоило ему пройти десяток метров, послышались до боли знакомые голоса. А после их хозяева предстали перед взором Гальего. Киндред. Овечка держала лук, поигрывая тетивой, точно та была арфой; рядом безмятежно лежал Волк. Они нашли его, пришли за ним или же ради него. Какая разница! Ведь матушка явилась, а значит... Что бы это могло значить, Витус не знал, а оттого беспокоился. Он сам не понимал, почему к привычной нежности добавляется страх. Ступил на поляну, выдавая своё присутствие.

— Кто это такое?! — взревел Волк, скаля клыки. — Овечка, убей этого мужчину, пока мы дожидаемся нашего сосунка.

— И правда. Витус, ты так изменился, — она подошла к нему, откладывая лук, вовлекая в свои объятия. — Ты возмужал, вырос, стал крепче и сильнее. Я горжусь тобой.

Материнские объятия пробудили нечто доселе спящее внутри героя. Он прижимался к женщине с особой теплотой, зарывался в её шерсть, одной из ладоней гладя макушку дядюшки Волка. Воссоединение выдалось особенно тёплым. Так радуется моряк дальнего плавания, вновь вступая на сушу; такие эмоции испытывает пилигрим, добравшийся до цели, или алхимик, вопреки трудностям создавший зелье.

Витус рассказал о случившемся, поведал о своих поражениях и победах. Высказал радость этой встречи и сожаление о долгой разлуке. Киндред глядели на него с уважением во взгляде, как на себе подобного. Они долгое время провели, беседуя, не замечая, как солнце склонилось за горизонт. Внезапно Овечка произнесла:

— Витус, ты знаешь, как я люблю тебя...

— Мы, — перебил Волк.

— ...Мы любим тебя. Нам не дано познать людские сердца, и это разнит нас, — женщина замялась, словно обдумывала нечто, — Но, всё-таки, мы очень похожи. Ты, я, Волк и Ворон — на наши плечи возложена тяжёлая доля. Это обязанность, которую требуется исполнять.

— Никакой пощады, — добавил Волк, получив презрительный взгляд от соратницы. — Ppp, разве что самую малость...

— Я понял. Я всё понял. Вы пришли не только ко мне. Вас ведёт работа.

— Нет, Витус, мы пришли к тебе. Сегодня ты исполнишь своё предназначение.

С этими словами Волк опустился на землю, и только теперь Витус заметил на его спине ножны. Овечка взяла их, обнажила переливающуюся серебром сталь. Гальего принял клинок и повертел в руках. Он был лёгким, острым и, самое главное, хорошо сбалансированным. Сделал несколько ударов по воздуху и восторженно замер. Ощущения непередаваемые. Словно держишь весь мир на острие меча; хватит одного взмаха, чтобы закончить один род и начать восхождения другого. Эту власть чувствовал мужчина. Она пьянила его.

Овид оценил подарок по достоинству, уже представляя, как пускает его в дело. Лезвие беспрепятственно прорезает плоть, лёгкими движениями отсекает конечности... Крики, агония. Как же это возбуждает! <<Достойный дар от достойной женщины,>> — прокомментировал братец, скаля клыки.

— Ворон постарался, — прорычал Волк, — Его подарок.

— Интересно. К чему бы это?

— Им ты убьёшь свою самку.

Витус застыл на месте, словно статуя во дворце Джарвана. Овечка дала подзатыльник не тактичному спутнику, а тот лишь пробурчал нечто: <<Ну вот, опять...>>. Женщина возложила ладони на плечи героя, словно боясь, что тот убежит. Мужчина до сих пор силился понять, о чём говорит дядюшка Волк. Понимание пронзило сердце.

— Витус, я уже говорила тебе про предназначение. Такова твоя судьба.

— Мы хотели поджечь дом, — вмешался Волк. — Но я посудил: это нанесет удар и по тебе.

— Сынок, те, о ком ты нам рассказывал с таким рвением, должны умереть до полночи. Это их судьба. Так сказала Матерь. Витус. Витус, ты слышишь меня? О, Витус, если бы ты знал, как сильно я себя ненавижу... Наверное, хороший родитель не должен так поступать, но...

— Мы даём тебе возможность самому *спасти* их души. Ну, герой, всё в твоих руках!

Витус не помнит, как вернулся в усадьбу, каким образом очутился в гостиной. В голове всё ещё держались слова Овечки: <<Те, о ком ты нам рассказывал с таким рвением, должны умереть до полночи>>. Он не хотел в это верить и уж тем более не желал становиться орудием Матери. Раньше во времена своего отрочества мужчина попытался бы убежать от ответственности, переложить груз на другие плечи, но сейчас ясно понимал: это его дело, и никто иной к нему подойти не смеет, будь то дядя Волк или матушка — никто из них не заберёт души его семьи.

Семья. Семья убивает его, медленно и мучительно. Сначала Олус, теперь Овечка. Он позабыл их, но призраки прошлого нагрянули нежданно-негаданно. И всё ради того, чтобы уничтожить право на счастье, дарованное каждому живому существу.

В руках Витус сжимал меч, всматриваясь в своё отражение. Холодные глаза, пустой взгляд — таким должен быть охотник: лишённым человечности. Пожалуй, человечность и добросердечность — самые ужасные качества, ведь благодаря им появляется сожаление, а следом и вина. Мир забрал его слёзы и теперь решил отнять сердце.

— Ну уж нет, я не позволю с собой играть!

Время приближалось к полночи. Огни в усадьбе Гальего разгоняли тьму, словно купол, защищающий от монстров. Но они проникли в дом. Первого звали *сомнение*, и он тянул время. Второй называл себя *обида*, становясь бельмом в рассудке Витуса. Прозвище третьего было *сожаление*, и он любил будить прекрасных девушек; стоило ему впорхнуть в дом, Дулси проснулась, громко позвав любимого. Каждый из них вонзил острый коготь в решимость героя. Но час пробил, пути назад нет.

Витус сидел за столом, напротив разместился старый лекарь. Их разговор сбавленный отваром по дневнику отшельника, и доброй сивухой уже подошёл к концу.

— Да, хорошо пожили, — молвил старец. — Пришла пора платить. Витус, ты только не забудь про Дулси. Сохрани её душу, как ту... Которую показывал мне. Я-то уже старый, своё отжил, а вот доча... Не забудь уж, прошу тебя.

Лекарь дожил свой век и смиренно принимал судьбу. Он не стал спорить, возражать и пытаться спастись. Сегодня его ожидает кончина, и вопрос лишь в том, кто нанесёт удар. <<Пусть это будешь ты,>> — заключил старик.

Они встали друг напротив друга, клинок оказался в руках Витуса. Герой опьянел от

отвара, и словно ушел в себя, куда-то в бескрайние степи, где нет этого ужасного выбора, где нет ничего, кроме ветра, густого леса и свободы. Он закрыл глаза, выставил меч перед собой. Мгновение. Шаг. Руки старика ложатся на плечи мужчины; травник обнимает его, хлопает по спине.

— Ты только Дулси не обижай, — слова вырвались с последним вздохом.

— Не обижу, обещаю, — ответил герой, крепче прижимая уже мёртвое тело старца.

Мужчина бережно уложил его на пол и отправился наверх.

— Витууус! Витууус! Ну, Витус, где ты там ходишь? Я зову тебя уже целый час. Не веришь? Правда, целый час зову и зову. Только не говори, что опять пойдёшь к этим своим болтикам и винтикам. Останься со мной. Ну же, иди ко мне...

Он оставил меч у стены, сбрасывая пропитанный кровью халат. В комнате горела одинокая свеча, пахло маком. Три шага, два удара сердца. Губы соприкасаются, ноги ищут удобное положение, ладони гуляют по любимому телу. Мужчина целовал её, словно пытаясь напиться напоследок, будто думал, что это может что-то изменить, как-то смягчить вино.

— Дулси, я тебя люблю. Я так тебя люблю Дулси. Слышишь меня, слышишь, Дулси?

— О, Витус, позже, всё позже. Не останавливайся, прошу, продолжай.

Свеча почти сгорела, полночь вот-вот наступит. Каждый новый стон девушки проходился лезвием по сердцу героя. Страсть помогла забыть, на несколько мгновений сбросить непосильную ношу.

— Дулси, знай же, знай, что я люблю тебя! Я сделаю всё ради тебя, и мы будем вместе, чего бы мне это не стоило...

— Витууус, вот так, да. Стой, больно, Вит...

Свеча потухла. Послышался хруст. Где-то далеко на мосту разбился один из замков. Он целовал её безжизненные губы, словно желая сохранить уходящее тепло, бережно гладил волосы, повторяя бесконечное <<прости>>. Когда тело остыло, Витус изъясил душу. Она предстала перед ним в образе неуклюжего кролика; выгнула спину, отделилась от тела, освещая темноту. Мгновение. Порыв ветра уносит её в окно, ставни громко бьются, и, прежде чем герой успевает оказаться рядом, частичка возлюбленной исчезает. В воздухе парят перья. Чёрные, как сама ночь...

— Время идёт, ты не меняешься. Кажется что-то подобное я уже говорил... Пятый десяток, а плачет, стоит отнять любимую игрушку.

Он расположился в подвороте, всматриваясь в гигантское кострище, кое ещё недавно было усадьбой Гальего. Оно пылало, как огромный факел, брызгая огненными слюнями. Местные стали бежать на помощь, но каждый из них лёг под сталью разбушевавшегося Витуса.

— Как рубит... Никакой красоты.

Мужчина выпустил зверя, забываясь сваренным отваром. Отшельник был прав: выпьешь — и уже ничего не имеет значения. Ты летишь в облаках, а где-то там на земле кричат. Чего они кричат? Что им надо? Ты разгоняешь тучи одну за одной, из них брызгают потоки влаги, и наконец всё становится тихо. Тихо и тепло. Друг-огонёк следит за тобой, а ты смотришь в ответ. Ваши взгляды пересекаются, обоюдно гипнотизируя. И вот где-то там можно заметить старика, Дулси, десятки раненых. Они — это язычки пламени, махающие в такт. Пожалуй, никогда старик-затворник не слышал такого, а ведь именно это происходило с Витусом.

— Трупы и пламя — вся твоя жизнь.

— Отличная охота, малой! Что, Овечка, чего смотришь? Не прав разве?

— Витус. Витус, погляди на меня, — женщина присела подле сына, смотрящего на любимых людей, запечатлённых в отблесках огня. — Ты справился, малыш, ты молодец.

Мужчина впал в ступор, ни на что не реагируя. Даже грозный рык дядюшки Волка не возымел эффекта. Матуша всячески старалась оттащить сына от горящей усадьбы, подальше от десятка изрубленных тел. Святая Кейл, как же здесь противно! Изуродованные люди, порванный в клочья "господин разбойник", и всё это дело рук одного Витуса. Ох, что же он наделал!

— Мама, — прошептал мужчина. — Я убил их. Убил. Их. Это ведь моё предназначение.

Усадьба горела до полудня, словно напоминая сидящему перед ней о совершённом поступке. Ветер унёс запах гари, оповестил ближайших охотников, пилигримов и путников. Но никто сюда не придёт, никто не станет свидетелем этого ничтожного создания, валяющегося среди трупов с пустотой на сердце и тупым взглядом.

Овечка приняла голову сына на коленях, утешительно проходясь ладонью по макушке. Из её уст струился мелодичный напев. Души погибших фантомными всполохами стали собираться вокруг неё, замороженно качаясь из стороны в сторону. Женщина продолжала:

— Не бойся, малыш, отправляйся со мной,
ты будешь свободен, воспаришь над землёй,
в царстве забвенья, где нету оков,
найдёшь ты спасенье от мирских грехов...

Точка невозврата

Отшельник встречал гостей. Витус пришёл к нему ранним утром с котомкой за спиной да мечом в руке. <<Ну и вид у тебя, малец, — заявил старик — Где ты умудрился так извазюкаться?>> Пересказ событий сопровождался всхлипами гостя и опустошением початой бутылки настойки.

— Что ж поделывать, жизнь часто подсовывает нам такие моменты, — менторским тоном начал отшельник. — Кто-то говорит, мол, это наказание за наши поступки, другие уверяют, что это уроки судьбы. Хах. Я считаю так: дерьмо случилось, случается и будет случаться. Жизнь — собачье дерьмо, а мы в ней непереваренные, то бишь несломленные куски мусора.

— Налей.

— Наливаю, мой друг, наливаю. Держи колбаски, там огурчика возьми. Ну, будем, — в очередной раз звучно встретились стаканы и через долю секунды опустели. — Ох, хорошо пошло. Ты поплачь, поплачь. Плакать полезно и вовсе не зазорно. Кто сказал, что мужчины не плачут? Ба, да это предрассудки.

— Налей.

— Наливаю, мой друг, наливаю. Держи зелени, возьми лучка. Извини, ничего горячего нет. Так, о чём я там? Ах, да, предрассудки. Люди — глупые существа; они до сих пор возносят клятвы своим божкам, не замечая в чьих лапах их души. Мать нависла над этим миром, как кукловод, дёргая за нужные ниточки, и ей невдомек, что эти ниточки могут порваться, а подчинённые уйти в самоволку. Ей кажется, она властительница мира, но её мир — это небольшой загон, окружённый ещё большим загоном.

— Налей.

— Наливаю, мой друг, наливаю. Опусти свой меч, но далеко не убирай, положи котомку на скамью и почувствуй себя как дома. Закуришь? Ну, твоё дело, а я, пожалуй, наслажусь ноксианской сигарой. Эгэ, да тебя, ох, чёртов кашель, кажись, разморило. О чём мы там говорили? Ах, да, наши драгоценные сородичи. Мать, — при её упоминании Витус стукнул кулаком, грозно очерившись. — Не ломай стол, хлопец, он у меня единственный. Мать...

Отшельник прервался на полуслове. Послышался настойчивый стук в дверь. Спустя мгновение через порог перешагнул Ворон. Он походил на довольного кота, загнавшего в угол стаю мышей. Его походка была развязна, в движениях читалась надменность. Без сомнения, это появление было спланировано заранее, и оно возымело должный эффект на старика.

Пожилой хозяин скукожился, боязливо пряча глаза. Именно этого он и боялся, стараясь аккуратно вызнать у гостя, куда запропастились другие охотники. Конечно, его всеми забытая персона уже никого не интересуется, но если сюда забредёт кто-то несущий волю Матери...

— Ещё одно место найдётся?

— Потеснимся, — с явным беспокойством отвечал отшельник. — Присаживайтесь, маэстро, я, так уж и быть, подвинусь. Да, сюда, вот и славно. Ну-ну, Витус, не обижай гостя, толку-то от твоих замашек. Давайте, братцы, ещё по одной...

Витус, уже изрядно пьяный, пытался ухватить пришедшего за шиворот, но тот одним из перьев пригвоздил его ладонь к столу, пресекая всякую дерзость. Мужчина закричал, скаля клыки в тщетных попытках высвободиться.

— Да, Витус, не обижай своего старого друга, и он сделает тебе подарок.

Ворон взмахнул рукой; на столе появился эфемерный кролик. Запахло маком.

— Ну и ядрёное же пойло у тебя, старик. Брр! — пришедший подцепил душу и оттянул от Витуса. — Вы говорили о Матери. Что ж, дни прародительницы сочтены. Взгляни, дефектный, перед тобой её убийца, тот, кто сделает невозможное и освободит всех нас.

— Далеко же вы зашли...

— О, очень далеко, и отступить не намерен. С самого рождения я присматривал за ним, нянчился, как с щенком, и всё ради этого момента. Вчера он доказал свою решимость, и, признаться, всерьёз меня впечатлил. Ну же, Витус, подними свой взгляд, посмотри в мои глаза. Хватит зыркать на душонку своей возлюбленной, она не должна встать между *нашими* делами.

Во время диалога наш герой развязал свою котомку, незаметно надел магнитную перчатку на свободную ладонь. Это весьма габаритное устройство работало при помощи даркиния и было способное притягивать лёгкие предметы, а также воздействовать на рычаги с отдалённой дистанции. По крайней мере, так оно должно было работать.

Дождавшись, пока Ворон отвернётся, мужчина взмахнул ладонью вверх; перо послушно взмыло в воздух и вонзилось в потолок. На этом Витус не остановился. Он потянулся к мечу, но противник был проворнее: сократил дистанцию и точным ударом в переносицу повалил героя за скамью.

— Довольно, Витус! Нам нечего делить. Теперь, когда твой спектакль подошёл к концу, ты...

— ...Забрал её, — перебил герой, поднимаясь на ноги, смахивая кровь с расквашенного носа. — Ты забрал у меня Дулси! Это был ты!

— Да, — без зазрений совести ответил Ворон, впрочем, понятия совести ему неведомо. — Того требовала ситуация. Не помри она вчера от твоей руки, погибла бы позже, через каких-то там пятьдесят лет. Какая разница? Для нас с тобой эти цифры смешны. Пройдёт годик-другой, ты и не вспомнишь про этих людей. Витус, пойми же, что игры кончились. Ты уже не ребёнок, а я не добрый следователь, убирающий за тобой тела. Наступит день, и мы будем равны.

— Гнида... Ненавижу!

Очередная атака Витуса не увенчалась успехом. Он кинулся на противника в исступленной ярости и через мгновение уже лежал пластом, проделав под собой здоровенную дыру. Отшельник попытался помочь: бросил изъятые из половицы копьё. Атака получилась донельзя слабой; неблагодарный гость перехватил снаряд и вернул отправителю, пригвоздив того к стене.

— Ты слишком наглый, — Ворон отщепил очередное перо, метким броском уничтожая душу. — Значит, останешься без подарка.

Уста Витуса открылись в немом стоне, ладони сжались в кулак. Рассудок твердил ему: <<Не поддавайся эмоциям! Будь осмотрителен!>> — но пьяная горячность брала вверх. Он и не заметил, как Овид вышел на первый план; вскочил на ноги, разминая затёкшие мышцы.

— Господа, сегодня у нас будет куриный стейк, — герой хрустнул кулаками уверенно сокращая дистанцию. — Шаг первый: общипать пернатую мразь.

Лицо Ворона было скрыто за маской, но, мы уверены, он знатно струхнул. Напор Овида, его безбашенность, доля безрассудства — это по-своему пугало. Главное оружие в сражении

— страх, и побеждает тот, кто умело его использует. Впрочем, секундное замешательство не продлилось долго. Они сошлись в бою, словно два хищника, не поделившие добычу.

Овид набросился на противника, сделал нижний захват; Ворон старательно бил коленом, колотил по спине, но хватка мужчины была крепка. Он прижал противника к стене, тот начал орудовать пером, как заточкой, метя в бока. Удар. Удар. Удар! Кровь была повсюду: на полу, стенах, комоды, но Гальего не сдвинулся ни на шаг.

— И это всё, что ты можешь? Наверняка и жёнушку свою отыметь не в силах, — Овид потянул за ногу противника, а когда тот оказался на полу, стал наносить удары коленом. — Шаг второй: отбить мясо, как следует!

— Стой! Ты не понял, мы... Я сп... Я по... Матерь...!

Удар. Удар. Треск. Удар. Удар. Удар. Каждое слово Ворона становилось хворостом в пламени ярости Овида. Он бил его в иступлении, словно потерял себя. Когда остановился, лицо оппонента представляло собой отвратное месиво, описание которого непременно вызовет у читателя рвотный рефлекс.

В завершение, словно желая показать своё превосходство, мужчина поднял Ворона над головой и отшвырнул к противоположной стене. Ему нравилось доминировать в этом бою, ощущать ничтожество своего врага перед ликом неизбежной смерти. Он, словно Ноктюрн, питался страхом.

— Ты не понимаешь своего предназначения, — хрипя, распинался Ворон. — Только и делаешь, что тратишь время на жалких людишек. Но ты, о, *ты*, можешь всё понять. Стой, не нужно этого делать, мы можем договориться. Я... Я знаю, что тебе нужно.

Ворон понял, с кем имеет дело. По изменчивым движениям, потемневшей радужке глаз он признал в своём собеседнике нерождённого брата Витуса. <<Этот всё поймет,>> — размышлял негодай, пытаясь незаметно добраться до валяющегося в двух шагах меча. Овид, шатаясь, подошёл, схватил за горло; в его глазах плескался гнев.

— Выкладывай.

— Ты можешь уничтожить Ма...

— Тело. Мне нужно тело, — мужчина сильнее надавил на горло Ворона. — Это твоя Матерь сможет его сделать? Верно? Отвечай!

— Убей её или умри сам!

На последнем издыхании Ворон ухватился за меч и вонзил под грудь героя. Хватка тут же ослабла, мужчина пошатнулся, но не отпускал своего противника. Негодай почувствовал переломный момент, воспарил духом, стал вгонять клинок глубже. Овид ощерился, зарычал.

— Подчинись мне, несносный мальчишка! Будь благодарным за всё, что я сделал.

— В благодарность, — прошипел герой, — я убью тебя быстро.

Послышался хруст, тело Ворона обмякло. Из глазного яблока погибшего тщетно проклёвывалась душа. Мужчина уничтожил её, разбив голову сильным ударом ноги.

— Молодчина, — захрипел отшельник. — Говорил ведь: дерьмо было, есть и будет!

— Что произошло? Овид? Почему я лежу на кровати, откуда здесь эти тряпки? Где отшельник? Чёрт, перед глазами всё плывёт, ужасная слабость...

— Ничего стоящего, — отвечал брат. Голос его доносился отдалённым эхом в сознании героя. — Всего-то ещё один труп на нашем пути.

После случившейся потасовки в хижину отшельника прибыли Киндред. Они застали

Витуса в ослабленном состоянии. Раны уже затянулись, но герой ощущал себя, словно насухо выжатая тряпка. По настоянию старика (ему, наконец, помогли), мужчине споили несколько отвратных на вкус снадобий. Это помогло частично восстановить силы.

— Здраво наш малой ему пёрышки поотрывал, — прорычал Волк, с отвращением осматривая труп Ворона. — Говорил тебе: рано или поздно это случится. Нужно было прийти раньше, поднатаскать Витуса...

— Заткнись, — неожиданно для себя вспыхнула Овечка. — Помоги дефектному.

Женщине, как и любой матери, было тяжело смотреть на страдания своего чада. Она расположилась подле Витуса, разглаживая быстро затягивающиеся рубцы. Чувство вины не давало ей покоя, и каждое новое прикосновение к отпрыску вызывало эмоциональную эскплозию в сердце Овечки.

— *Моё любовь — моё проклятье.*

— Мама, это ты?

— Я тоже здесь!

— И вы, дядя Волк, тут? Как же я рад вас видеть, но, — женщина пыталась прижать очнувшегося Витуса, но он старательно избегал этих объятий, — Но прошу: добейте меня.

— Бредит, — вмешался старик, раскуривая очередную сигару.

— ...Добейте меня признанием. Будьте честны, — продолжил мужчина. — Вы знали правду, или Ворон и вас ввёл в заблуждение? Ох, мамочка, ты молчишь, значит...

— Нет, Витус, конечно, нет, — сын обмяк в объятиях женщины, позволяя собой располагать. — Ни я, ни Волк не желаем тебе зла. В кознях Ворона мы не участвовали, но были вынуждены исполнять волю Матери.

— За своё коварство, — прорычал Волк, кидая взгляд на труп, — он поплатился. Но для него смерть, что для тебя сон. Это негодяй ещё явится, будь уверен, малой.

— Значит, это ещё не конец?

— Конец наступает только после смерти, всё остальное — путь, — начала Овечка. — Тебе не стоит опасаться Ворона, по крайней мере, в ближайшем будущем. Матерь его восстановит, он возлагает слишком большие надежды на тебя, поэтому не станет выдавать.

— Матерь, — мужчина почувствовал вмешательство Овида, но он не сумел выйти на первый план. — Острова. Точно. Мне нужно на Острова.

— Бредит, — повторил старик.

— Нет. Старик, ты мне рассказывал про столицу, про Матерь, про души. О, мамочка, не смотри на него так, не скаль клыки, дядя Волк, он сделал это по моей просьбе. Если существует способ договорится с ней — следует им воспользоваться. Нет, мама, не нужно меня отговаривать. Я уже не ребёнок и волен сам принимать решения.

— Ты и правда вырос, — задумчиво произнесла Овечка, прижимая голову сына. — Но каким бы большим ты ни был, время ещё не пришло. Что за коварство отправлять на верную смерть любимого сына, убеждая его и себя в успехе этой поистине безумной затеи. Способны ли матеря, людские душонки к подобному предательству? Я не способна.

По прошествию трёх дней Витус был готов отправляться в путь. Если быть до конца откровенными, герой уже давно мог отбыть, но всячески тянул время: хотел подольше побыть с Киндред. Но чем больше времени он проводил с Овечкой и Волком, тем меньше оставалось причин для поездки на Острова. Однажды утром Овид сломил его

нерешительность; братья твёрдо решили, что пора сделать шаг вперёд. Настал час прощания. И в одно прекрасное утро Гальего пожал руку отшельнику, обнял Овечку, погладил Волка и отправился в Туулу с намерением воспользоваться бригом брата. По пути ему повстречались Тифон и Тумба. Он привлёк их внимание знакомой читателю фразой:

— А ну пшли сюда, псы безмозглые!

Подобное поведение было своего рода игрой для Витуса. Он понимал, что сыскал славу богатого приезжего, а потому вжился в роль и вёл себя, как настоящий барон. Герой унижал, но только для вида. Его лицо зачастую говорило совсем о другом.

— Я отбываю. Мне нужно забрать вещи из лачужки, — начал Гальего, когда рыбаки подошли к нему. — И доставить их, сопровождая меня в порт. Плачу по сто динаров на лапу. Договорились?

— Тифон, харе дрожать, как осиновый лист, лучше крепче телегу держи.

— А как не дрожать-то, Тумба? Мы дожидаемся господина среди сгоревшего селения, где смердит трупной вонью и повсюду кровь.

— Не смотри на кровь, смотри на лачужку. Ох, и знатно же оно обгорела. И чего здесь удумал брать господин? Как зашёл внутрь, так уже несколько минут там ходит. Может, деньги забирает?

— Не знаю, Тифон, ох, не знаю. У богатых свои причуды, кто ж их поймёт, — после недолгого молчания, хлопок продолжил. — Совесть мне.

— За червя в компоте?

— Нет, то другое, шутки ради ведь. Я как вспомню того жупеля... Кажется мне, что это мы... Ну, того...

— Замолчи, Тумба. Мы поступили, как честные люди, а если этот господин насолил кому, так кто ж скажет, что это наша вина? Всё, молчок. Он возвращается!

— Так, значит, уважаемый господин, вы отплываете?

— Да.

— И, стало быть, жёнушку свою забираете? Ай, Тумба, ты чего бьёшься!

— Она погибла, — наиграно-холодно ответил Витус. — Я буду нести траур в Ноксусе.

— Ох, мои соболезнования, господин. Ужасное напастье про...

— Стоп, — скомандовал Витус, расположившийся на тележке. — Это ведь там поля мака? Заплачу ещё сто динаров за букет цветов.

— А, всё-таки, добрый этот господин, — говорил Тумба вместе с другом, сидящий на причале, смотря вслед уходящему судну. — Оставил нам не двести, а тысячу динаров.

— Откупился, — парировал Тифон. — Ворожея говорит: коль на душе тяжело, человек пытается задобрить духов через себе подобных.

— Тьфу на тебя! Вот что ты пристал к этому господину? Как краб за задницу укусил, да не отпускаешь!

— Я-то чего? Я ничего! Я просто говорю, мол, добрый господин, но не чистый.

— Пусть так. Знаешь, Тифон, что-то мне подсказывает, что мы его больше не увидим. Даже грустно как-то.

— Твоя правда, Тумба, твоя правда... Но чего грустить-то? Где бы ни был этот господин, уж он-то точно не пропадёт!

Вскоре судно скрылось за линией горизонта, оставляя за собой след из маковых листьев, раз и навсегда вычёркивая Витуса Гальего из жизни Ионии...

Спустя неполный месяц, Витус добрался до Сумрачных островов. Неоднократно члены судна пытались его отговорить, но все попытки были тщетны. Мужчина твёрдо решил попытать счастье и получить аудиенцию у Матери. Его желание холодно поддерживал капитан брига, исполняющий волю семьи Гальего. Это был знающий своё дело человек, умеющий из всего извлечь выгоду. Томными вечерами он развлекал героя сказками, и, как итог, мужчина доверил ему секрет своего чудолекарства. Он назвал его «Милость Сораки» и попросил бережно охранять оставшиеся флаконы. Хозяин судна выразил глубокую признательность, в которой пронизательная душа могла учуять алчность, и заверил, что все ящики с лекарством будут в целости и сохранности.

«Даже если мне предстоит умереть за них, я сделаю это ради вас,» — говорил капитан. Большинство членов команды имели иное мнение. Как-то ночью они решились на бунт, но огонёк анархии, не успев разгореться, тут же потух. Самых громких осудили на высадку. За них вступился Витус, и было решено смягчить наказание. Он прекрасно понимал (и даже немного разделял) страх команды, а потому не мог быть суров. Как итог, бунтовщиков вместо высадки впрягли в шлюпку и заставили грести до берега.

Вскоре они отбывали наказание, сопровождая Витуса сквозь тёмный плотный туман. Дышать здесь было трудно, а вода то и дело пенилась. Матросы гребли до изнеможения, так страшно им было оказаться в этом богами забытом месте.

Пока наш герой добирается до цели, мы несколько расширим знания читателя касательно Островов. Когда-то их называли Благоговейными, но после произошедшей катастрофы, они навсегда утратили былое величие, превратившись в руины, кишацие неуспокоенными душами. Встретить здесь живое существо — чудо! Каждый, кто осмелится вступить на прокажённую землю, уже не жилец.

Шлюпка приблизилась к берегу, моряки наотрез отказывались причалить. «Чёрт вас подери, господин! Хотите умереть — милости просим, но мы так рисковать не будем. Пусть лучше капитанская дочка меня расцелует!» — сказал один из них, на что Витус наградил его презрительной улыбкой, как бы говоря: «Однако, я был о вас иного мнения.»

Мужчина ловко прыгнул в воду и через пару мгновений уже был на берегу. Обернулся. Шлюпка растаяла в тумане.

— Ну, в путь.

Он брёл по выжженным землям, пустым дорогам. Серость, смрад и туман — вот как можно охарактеризовать место, куда попал герой. Вдалеке своё стадо гнал погонщик душ, где-то запевала печальная вдова, отчаянно ищущая верную ноту. К мужчине то и дело слетались лазурные огоньки — слабые души, ищущие защиты от более сильных собратьев. После кончины они обречены на вечные скитания.

В своих поисках герой добрёл до леса. На каждом шагу то и дело встречались коряги, а ещё чаще лики мертвецов, ухажующие о своей несчастной судьбинушке. Во время дороги Витус репетировал предстоящий разговор с Матерью. Что он ей скажет? Как будет себя вести? Эти вопросы задавал Овид, ведомый своими *личными* желаниями.

Впереди проскочила тень: тихо и быстро, она разогнала слабые души. Витус закружился на месте, обнажил клинок, приняв стойку.

— Витус?

Послышался знакомый голос. Ворон. Это снова он. При виде негодя Витус замешкался: в его движениях не читалась угроза. Овид оскалил клыки, но брату стало любопытно, что на этот раз придумает любимчик Матери. К тому же это была хорошая возможность заручиться поддержкой, которая здесь жизненно необходима.

— Ворон.

— Неплохой меч, но, пожалуй, слишком безвкусный.

— Ты ведь... Пожалуй.

— Когда ты успел вернуться с Бездны?

— Только что. Воспользовался камнем даркиния, — лгал герой, косо поглядывая на визави.

— Как жаль, что ты не обучен им пользоваться. Наверняка ты подумал о своей любимом друге при телепортации. И вот он я, прямо перед тобой!

— Я подумал о Матери.

— О, нет-нет, — затараторил Ворон, в два шага оказавшись рядом с героем. — Сейчас ты не готов предстать перед моей жёнушкой. Это бы её огорчило. Тише! Слышишь? Угм, постой пока за этим деревом, послушай стенания душ.

Витус скрылся за несколькими тесно стоящими стволами, как бы образующими этакую портьеру между собеседниками. Сквозь колючие терновники пробиралась Волчица. О ней мы знаем мало, но, пожалуй, внешностью Мать её не наградила. Сутулая спина, короткие уши и свисающая грудь, утопающая в толще шерсти — вот какой была эта особа. О характере же, попросим читателя судить самому.

— Жалкий плут! Ты пожаловался Матери: сказал, что я разбила тебе голову!

— И отчего же я плут? Ты, ведомая нашим неудачным романом, решила отомстить, сделав это по своему.

— «Неудачным романом», — вскрикнула обозленная охотница. — Мы переспали один раз, и ты возомнил себе невесть что!

— Довольно цирка, это смотрится жалко, — Ворон обернулся, заканчивая диалог. — Знаешь, в постели ты была намного покладистее.

— Ну уж нет, ты не уйдёшь, пока не дашь объяснения, — она вцепилась в его плечо, резким движением повернув на себя; Ворон тут же отбросил её ладонь, схватил за шкуру. — Ты не можешь... Это нечестно.

— Не смей прикасаться ко мне, грязное создание, — прошипел негодяй. — Ты была хороша в роли любовницы, но спутницей ты никогда не станешь. Довольно меня злить. Ну же, темпо, проваливай.

Эта сцена позабавила Витуса. Он дождался, пока Волчица скроется из виду, и вновь предстал перед Вороном.

— Прошу простить. Ты же знаешь эти женщины — невыносимые создания.

— Подло ты с ней, но притяжение делает свое дело.

— Забудем о ней, — Ворон скрестил пальцы, замялся. — Витус, ты должен уходить, как можно скорее. В этом месте нет ничего стоящего.

— Что ж, я хочу убедиться в этом сам. Бывай, Ворон, береги себя, что ли.

— погоди, — негодяй догнал героя. — Твоя милая матушка сказала, что нашла меня с пробитой головой и свёрнутой шеей. Я совершенно ничего не помню... Не знаешь, что со мной произошло?

— Возможно, — с усмешкой отвечал Витус, — тебе встретился противник не по зубам.

Уходя, мужчина размышлял о словах Ворона; он назвал Овечку «милой матушкой». Что же скрывается за этим? Впрочем, наверняка это очередная прихоть избалованного принца...

— Прекрасное место, — заявил Овид. — Затопленная столица, древнейшая библиотека, секретные залы — и всё это здесь. Где твоя радость, братец?

— Мы бродим уже несколько часов по опустевшим полям, среди завывающих духов, отбиваясь от призраков поэтов, которые читают нам ужасные стихи. О какой радости ты говоришь?

— Гляди в оба. Кажется, на том холме возвышается храм.

Овид оказался прав. Это и правда был разрушенный храм с развалившимися стенами и дырами в потолке. По углам прятались крысы, сверкая в темноте лазурными огоньками. В центре строения располагался действующий фонтан; несколько чашечек, наполняемые манящей водой, сужались к вершине. Витус насторожился, подбираясь ближе.

— Новая душа в моей коллекции, — послышался голос, казалось, доносящийся отовсюду. — Вечный охотник. Нет, человек, жертва кровосмешения.

— Покажись!

У входа появилась тёмная фигура. Он держал в руках ярко горящий фонарь; к нему была приделана стальная цепь, змеёй обвивающая запястье неизвестного.

— Трещ, — опомнился Витус. — Старый тюремщик и предатель.

— Перед тем, как собрать твою душу, я спрошу: что ищешь ты здесь, смертный?

— Знания.

— К чему они тебе? Знания убивают. Тот, кто много знает, непременно соберёт вокруг себя стаю врагов. Но с последним желанием я спорить не стану. Загляни в воду, и тайны откроются перед тобой.

Витус неуверенно попятился назад, обогнул фонтан, вставая таким образом, чтобы в случае чего иметь возможность быстро защититься. Он взглянул на кристально-чистую воду. Чем больше герой глядел, тем чётче видел картинки на водной глади. Они словно гипнотизировали его; в одночасье Гальего осознал, что находится за заслоном, словно ручной зверёк в клетке. Овид взял контроль над телом, Впрочем, так же крайне удивлённый неожиданным обменом.

Тело не двигалось, словно застыло на месте. Витус пытался выйти на первый план, но всё было тщетно; он стал попугаем, который привык докучать своим чириканьем. Нельзя сказать, что мужчина понял, каково пришлось Оvidу, но нечто подобное он ощутил на своей шкуре. Беспомощность, пустота, подвешенное состояние — всё это его брат терпел годами.

— Приди в себя!

Толчок вытолкнул Витуса на первый план, он опомнился, отскочил от фонтана, выставляя перед собой клинок. Названный Трещом исчез, но герой отчётливо слышал его смех, бродящий по округе.

— Что может быть лучше, чем сокрушать рассудок, — из тьмы вылетело нечто острое, рассекая лодыжки героя; Витус пал на колени, не в силах подняться. — Следить за страданиями, этими изменчивыми физиономиями на пути к истине. Нет ничего слаще этого момента.

Всё произошло так быстро, что Витус даже не осознал, что именно случилось.

Последнее воспоминание героя — это обезображенное лицо тюремщика душ, его ледяное дыхание, после которого воцарилась тьма.

— Овид? Что произошло? Почему я... А, чёрт, я повторяюсь.

— Это было тяжело.

Витус поднялся с земли, осмотрелся по сторонам. Он находился в поле, окружённый валунами. По таинственному свечению он узнал в них даркиний.

— Так что случилось?

— Он выпустил тебе кишки, а после попытался вытянуть душу, — дрожащим голосом рассказывал Овид. — Пожалуй, ещё никогда мы не были так близко к провалу. Не знаю, какое оружие он использовал, но оно способно нас погубить. Может, Ворон, этот негодяй, был прав? Мы ещё не готовы к этому.

— Пожалуй, — Витус подобрал небольшой кусок даркиния, крепко сжал в ладонях. — Но это лишь первая попытка. Мы ещё вернёмся. Придёт день, и Мать примет нас, желает она того или нет.

На мгновение герой замешкался. Он вновь недооценил противника и поплатился за это поражением. Стоит ли говорить, что это здорово ударило по самолюбию Овида? Витус намеревался использовать даркиний, чтобы вернуться в Ноксус, восстановить силы и собраться с мыслями, но некая жалость к брату, к его отчаянному стремлению получить тело — всё это вызывало в сердце мужчины смятение.

— Овид, ты получишь тело, чего бы мне это не стоило. Обещаю.

Даркиний треснул, исполняя волю героя.

По предварительным ощущениям, перемещение Витуса прошло удачно. Руки, ноги, голова — всё на месте. Он очутился в смутно знакомом саду, на заднем дворе усадьбы, прямо перед лицом молоденькой прачки. Девушка завизжала призывая на помощь. Ей на выручки подоспели слуги, вооружившись первым попавшимся оружием.

— Время идёт, ничего не меняется, — пробурчал мужчина. — Видимо, подобные встречи у Гальего, вроде как, традиции. Эй, дурёха, опусти колун, поранишься. И ты, парень, хватит коромыслом махать, ни то шишку заработаешь. Вас манерам что ли не учили? Как гостей встречать не обучены? Розгами сейчас погоняю, так быстро научитесь!

Слуги стояли в нерешительности, поддаваясь напору Витуса. Он расхаживал по саду легко и непринуждённо, с видом хозяина, вернувшегося в отчий дом. Обошёл несколько раз фонтан, оценил дивно пахнущие лепестки гладиолусов, при каждом движении бросая вызывающий взгляд на застывших работников усадьбы, как бы говоря: «Вы меня разочаровали».

Наконец-то, один из них, видимо, самый смыслённый, додумался позвать хозяина. Явился Гэвиус. Мы вынуждены вторично представить его читателю, ибо за тридцать семь лет он изменился до неузнаваемости. Отныне это был ужасно толстый с пышными бакенбардами старик; он передвигался в развалочку, каждый шаг пыхтя и вытирая пот.

— Гэвиус?

— Витус! Что за встреча, как в первый раз.

— Да, но...

— Чего встали, дурачьё?! — прикрикнул хозяин на слуг. — Пшли отсюда работать! А мы, Витус, давай пройдемся. Нам есть, что обсудить.

Братья отправились за границу Болхейма, на овечье пастбище. Витус много раз представлял себе эту встречу, но все его чаяния были напрасны. Гэвиус не испытывал ничего, кроме смятения. Шли молча.

Словно вспоминая, что следовало бы начать разговор, Гэвиус стал рассказывать об изменениях произошедших за последние годы. Он говорил сухо. Мысли его были далеки от этих рассказов.

Наконец, они добрались до зелёного луга, где паслось несколько десятков белоснежных тучек.

— Вот моё главное достижение. Ферма овец, — протирая вспотевший лоб заговорил Гэвиус. — Здесь собраны двести пятьдесят семь овец. Барашки пасутся отдельно.

— Впечатляет. Так ты занялся фермерством?

— Фермерством? Хах, как же. Нет, это так, для души, — мужчина заложил руки за спину, устремил взгляд за линию горизонта. — Прихожу сюда, кормлю животинку. Ануту твою проведываю. Старая стала, но здоровьем крепкая. Даст Кейл, ещё лет семь проживёт.

Помолчали, рассматривая овечек и ягнят.

— Знаешь, Витус, я ведь рассчитывал, что ты вернёшься. Обещал ведь три года, не больше. Нет, прошу, ничего не говори. Я не держу зла, но честно скажу, как брат брату: наши звёзды уже не засияют. Моя жизнь прошла. На старости лет амбиции погибают вслед за здоровьем. Я вижу, как ты на меня смотришь, наверняка сравниваешь меня с папашей. Вот

только в отличие от него, я не трахаю овец, хотя потрахал бы кого угодно ради потомства. Нет, Витус, не нужно ничего говорить, ты всегда был отличным слушателем, вот и сейчас не изменяй своей привычки. Слушай. Слушай мою исповедь. Я не хочу, чтобы ты держал на меня зла, не хочу, чтобы считал меня предателем. Дом Гальего всегда будет открыт для тебя, там всегда будут рады тебе. Сегодня и через десять лет — всегда. Да только в доме этом, тихо и пустынно. Не бегают там маленькие ножки, не слышится звонкий голосок. Нет там никого, кроме дряхлого старика, желающего скорее отыскать покой. Не говори ничего, Витус, не говори...

Витус молчал. Говорить было нечего.

За годы, проведённые за границей, Витус с радостью осознавал, что Болхейм ни капли не изменился. Всё те же здания, та же площадь и даже памятник никуда не делся. После разговора с братом герой решил побродить по родному селению, обещая вернуться к ужину. Он посетил библиотеку, пожертвовал в знак уважения толстый мешок золота. Следом отправился на кладбище, предварительно купив самый лучший букет роз. Мужчина почтил память Антуанетты, не забыв заглянуть к надгробию отца. Затем мыслями Гальего завладел Патриций. Ему захотелось посетить усадьбу почившего наставника.

С трудом Витус вспоминал нужную дорогу, и наконец-то, добрался до искомого здания, расположенного на окраине Болхейма. Судя по облагороженному виду, здесь до сих пор кто-то обитает. Спустя несколько минут мужчина встретился с новым хозяином усадьбы. Это оказалась женщина преклонного возраста, назвавшаяся племянницей Патриция. Она была очень любезна и без умолку разглагольствовала о дяде. За чашкой чая призналась:

— Патриций — невероятно одарённый человек. Уверена, он найдёт выход из любой ситуации.

Витуса растрогала эта невинность. Он с тяжестью на сердце рассказал о последних минутах жизни наставника. В ответ женщина грустно улыбнулась, как бы говоря: «Да, кажется, я догадывалась об этом, а теперь придётся поверить». Время пролетало незаметно, а темы для разговора были неисчерпаемы, и все неизменно касались погибшего. В одночасье хозяйка произнесла:

— Патриций заменил мне родителей. Мать погибла через три года после моего рождения, а отец продал меня за кусок хлеба. О, нет, мой милый друг, я не плачу, не стоит волноваться, — женщина смахнула слезу, Витус бережно взял её ладонь. — Благодарю, вы очень любезны. И вот, значит, мой кровный отец объявляется и требует обнародовать завещание. Понятное дело, я его прогоняю, но следом получаю письмо, подписанное его мерзким именем.

— Мне не хочется вас обижать, но, говоря по правде, он что-нибудь может получить?

— Ох, да разве же я знаю? Этот чужой для меня мужчина, некий *Нэкитор*, очевидно, плут и мошенник. Мой добрый друг, знаете ли что до этой секунды я хранила надежду на возвращение Патриция, а потому никому не позволяла уверить себя в его кончине. Отвечая на ваш вопрос: кажется, завещания никакого нет, а значит, всё получит ближайший наследник. Но, сами понимаете, родство меня подводит... Впрочем, я не смею жаловаться.

Ближе к вечеру Витус покинул добросердечную женщину. Напоследок он заявил:

— Прощу: ни о чём не беспокойтесь. Я сделаю всё, чтобы помочь вам.

Эмоционально опусташённый герой направился в отчий дом. По пути он старательно пытался вспомнить, где ранее мог слышать имя *Нэкитора*. «Кажется, о нём упоминал

Патриций, — рассуждал Витус. — Ну, да, в Икании перед кончиной наставник выкрикнул его имя. И что это может означать? »

Остаток вечера прошёл в раздумьях. Только перед сном Витус сумел отвлечься на корреспонденцию адресованную по месту жительства. Одно из писем заинтриговало героя. Это было приглашение на аудиенцию к владыке «Бессмертного бастиона».

« Странно, я ведь дал понять, что меня не интересуют офицерские титулы. Впрочем, сейчас у меня всё равно нет планов на будущее. Почему бы не принять предложение, сулящее немалую выгоду? Этот Тёмный господин, Мордекайзер, может о многом знать. Например, о Матери или о Нэкиторе. Да, это отличная возможность всё разузнать. »

Ведомый этими мыслями, Витус через четверть часа сел в экипаж и отправился в «Бессмертный бастион».

Через двое суток герой добрался до цели и, не теряя времени, отправился к Мордекайзеру. Ему пришлось долго уговаривать стражников пропустить его, а те всё заявляли: «Господин, вашему письму тридцать семь лет. Оно потеряло актуальность». И вот, когда Витус уже совершенно отчаялся, его спас Гекарим, приказав пропустить, как особо важного гостя.

Гекарим был правой рукой Мордекайзера и подчинялся непосредственно ему, а потому обладал достаточной властью как внутри бастиона, так и за его стенами. Витус уже встречал его ранее, во время поездки на арену, и за эти годы он ничуть не изменился. Это был странный индивид с толстыми копытами, лошадиным туловищем и всегда закованным в броню массивным торсом. От него веяло смертью.

— Благодарю вас, — говорил Витус учтивым тоном, следуя за провожатым. — Эти олухи совсем меня не слушали.

— Это потому, что ваш меч остался в ножнах.

«Ноксус, — рассуждал Витус, — страна, где повелевает сила, здесь нечему удивляться». Они воспользовались лифтом, поднимаясь на верхний этаж. После миновали очередной коридор и остановились перед величественными дверьми, украшенными сложными мозаичными узорами. Рядом с ними стоял камердинер, почтительно сложив ладони за спиной. Он поинтересовался:

— Как о вас доложить?

— Витус Гальего. И передайте владыке это письмо.

В ту же минуту Тёмный господин принял его. Он сидел за столом, изучая от руки нарисованные карты, изредко обмакивал перо в чернила и подписывал бумаги. За время, проведённое вдали от отчизны, Витус успел позабыть, какой страх внушал ему Мордекайзер при их первой встрече. Что ж, этот страх никуда не делся.

— В высшем обществе принято заставлять гостей ждать, — хрипло начал хозяин. — Но я ждать не люблю, и, как мне кажется, вы тоже.

Витус старался держаться уверенно, даже слегка вызывающе, как бы показывая, что ни массивное тело, закованное в латы, ни огромная булава в углу, ни череп, в который налито вино — ничего из этого его не страшит. Но как же подкашиваются ноги! Как же страшно! Собрав волю в кулак, Гальего рассказал о цели визита.

— Вот чего я ждал от вас, — отвечал хозяин «Бессмертного бастиона». — Солдатской простоты. Вы хорошо поступили, что пришли ко мне, пусть и с «небольшим» опозданием. Место офицера первого ранга сейчас занято, но нет ничего, что не могла бы решить дуэль

насмерть.

— Я ещё не принял решение и прибыл к вам по личным соображениям. Мне нужна информация, — Мордекайзер кивнул, мол, продолжай. — Есть один человек, некий Нэкитор. Я ищу его.

— Нэкитор Патриций. Плут, перебежчик, вор. Я лично осудил его на каторжные работы за дезертирство и предательство, стоящее нам нескольких отрядов. Своим проступком он запятнал честь брата. Он, к слову, тоже пропал...

— Погиб, — поправил Витус.

— Ещё один воин ушёл на покой. Что ж, это удручает. Говорят, это был великий человек.

Мордекайзер распорядился активировать сеть агентов для поисков Нэкитора, не прильнув упомянуть, что тем самым делает вложение в будущий союз. Он был высокого мнения о Витусе и желал использовать его происхождение в своих целях.

Пока агенты работали, Витус пребывал на правах гостя в «Бессмертном бастионе», занимая одну из замковых комнат. За это время у него случился ещё один разговор с Мордекайзером. Он лично посетил его покои. Тем вечером они обсуждали Матерь и её охотников.

— Матерь такая же женщина, как и остальные, пусть и несколько иной породы, — говорил владыка. — Даруй ей несколько десятков рабов, и она из мегеры превратится в добродушную старушку.

Витус не понимал, для чего был затеян этот разговор, и в частности поднята эта тема. «Это неспроста, » — уверял себя герой. Этим же вечером пришло письмо от агента, вручённое Гекаримом лично в руки Гальего. Кроме списка провинностей и кое какой маломальской информации мужчина получил адрес проживания Нэкитора. Не тратя ни минуты, он двинулся в дорогу.

В округе Дрекана располагалась небольшая деревня. Там каждый знал Нэкитора, и все были о нём самого наихудшего мнения. «Этот драный пёс обрюхатил мою дочь!» — говорил проповедник; «Нэкитор? Конечно, я его знаю, он мне уже два года должен сто динаров.» — жаловался плотник; «Говорю вам, мил господин, придёт час, и его сожгут замест чучела на площади, » — пророчила булочница. Благодаря всем этим персонам, Витус быстро нашёл нужную халупу, слишком ничтожную, чтобы звать её домом. Постучал, держа ладонь на рукояти клинка.

«Убить его будет недостаточно, — рассуждал Гальего. — Впрочем, это многое бы решило...» Дверь отворила худошавая женщина в заляпанном переднике с сальными волосами и потухшим взглядом.

— Нет денег, так и знайте. Нечего больше продавать, — начала она, оправдываясь; Витусу пришлось солгать, что он посланец от госпожи Патриции, прибывший с вестями о наследстве. — Гонец, что ли? Уж больно вид у вас величавый. Ну, чего встали на пороге? Проходите, проходите...

Мужчина вошёл внутрь. Здесь не было ничего, кроме небольшого круглого стола, за которым сидела четвёрка мужиков, котелка, подвешенного над камином, и одной единственной кровати. В воздухе смердело луком.

— А это ещё кто такой? — прикрикнул один из них: лысый короткостриженный старик с козлиной бородкой в одних портках — Э, жёнушка, сказал же ни кого не впускать.

— Я прибыл говорить о наследстве вашего брата. Если конечно, я имею честь видеть Нэкитора Патриция, — Витус обвёл присутствующих взглядом, ясно говорящим, что они здесь лишние.

— Наследство? Так это конечно, это же того, ну да, я. Всё мужики, пора вам. Жена! Проводи любезных и сама вон поди, мне нужно с господином поговорить.

В считанные секунды халупа опустела. Витус приземлился на стул, впиваясь взглядом в крысиные глаза визави. В них не было ничего, кроме алчности.

— Братца моего, стало быть, приняла земля?

— Да, — герою приходилось прикладывать немалые усилия, чтобы искоренить из голоса нотки отвращения. — Он погиб с честью, защищая своего ученика.

— Что ж сказать, грустно, грустно... Бумаги у вас с собой? Как какие? О передачи имущества покойника! Братец мой хорошо выслужился, наверняка, по усадьбе в каждом округе. Поэтому-то я ему дочу и оставил. Думаю: с ним-то всяко лучше. Да только эта шлёрда отца любимого забыла; говорит: «не знаю вас, господин, и знать не желаю.» Вот потаскуха! Ну, ничего, видит Кейл, справедливость свершается. Уж с деньгами братца-то я заживу.

— Верно, — Витус поднялся закипая от гнева. — Справедливость свершается.

— Э, мил господин, чего это вы достали? Пистоль-то вам зачем? Вы со мной шутковать не смейте!

— Это, — герой медленно крутил пистоль наставника, растягивая слова, — последняя воля Патриция. В последние минуты жизни он назвал твоё (отвращение взяло вверх над мужчиной, и он перешёл на ты) имя. Вот только мне не понятно, какие чувства он питал к тебе.

— Чего ты мелешь?! Мой брат...

Бабах! Прозвучал хлопок: из ствола пистоля, словно из пасти дракона, вырвалось облако дыма. Палец Витуса дрогнул, эмоции взяли верх над благоразумием. В очередной раз наш герой принял поспешное решение. Но вправе ли мы осуждать его за это? Каждый, кто по злой воле судьбы был вынужден слушать нелестные высказывания, откровенно очерняющие его семью, безусловно имеет право на злость. Как сказал господин Д... Лоран: «Оскорбление, нанесённое моей семье, смывает вашу кровь.»

Нэкитор неистово завопил свалившись со стула и схватился за плечо, распластавшись на полу. Витус навис над ним, взял за шкуру, чтобы ещё раз взглянуть в преисполненные пороками глаза.

— Ты не достоин носить фамилию своего брата, быть в родстве с этим великим человеком, — герой приставил пистоль к кровоточащей ране, с каждым словом вгоняя дуло глубже в плоть. — Кричи, несчастный! Кричи так, чтобы Патриций услышал тебя! Чтобы он узнал, что его воля выполнена! Будь благодарным за этот жест, вознеси молитву за его упокой, прежде чем сам отправишься в забвенье! Кричи! Кричи тварь, кричи!

— Витус, — вмешался Овид.

— Я сказал кричи!

— Витус! Довольно, он мёртв.

Герой замолк. Неистовая ярость исчезла, уступив место холодному рассудку. Он убил и в этот раз был доволен собой. «Я поступил верно, он должен был умереть. Это был и не человек вовсе. Разве зазорно истреблять падаль? Нет, моё решение было верным».

— Надо же, Овид, ты меня останавливаешь. Ты, ведомое инстинктами животное,

говоришь *мне*, чтобы я остановился. Чтобы перестал...

— У тебя нет права судить людей. Ты ставишь себя выше других только потому, что уродился от вечной охотницы. Что, Витус, я раскрыл твои маленькие кошмары? Сказал правду? Темпо, как сказал Ворон, нам пора убираться отсюда. Подумай над моими словами, а я замолкаю.

Герой поднялся, с отвращением рассматривая труп Нэкитора. «Какое отвратное зрелище. Даже перед лицом смерти этот негодяй не нашёл в себе капельку мужества». Он был горд за себя, за ту услугу, которую оказал семье Патриция и, в частности, его племяннице.

В момент размышлений герой услышал шорох в тёмном углу. Витус был готов оказывать сопротивление; сейчас он взбешён до крайности, а потому не станет церемониться ни с одним из крестьян.

— Выходи. Ну же, я слышу тебя.

Скрипнули петли, и небольшой шкафчик, доселе скрытый от взора Витуса, выпустил маленькое грязное создание. Это был мальчик примерно семи лет отроду с белокурыми волосами; его срам прикрывали обноски, а на теле виднелись множественные синяки.

Труп лежал за столом, и ребёнок не мог видеть кончины своего родителя — лишь слышать крики разъярённого Витуса. В миг герою стало стыдно за своё поведение. К нему словно явился посланник Кейл в назидания за чрезмерную гордыню. Его взгляд был пуст; пожалуй, очи мертвеца выражают больше эмоций, чем это бедное создания.

— Мы уходим отсюда, — Витус укутал мальчика в плащ, поднял его на руки. — Ты не понимаешь, какую услугу я тебе оказываю, но придёт день, и ты вспомнишь о моей доброте.

На улице уже столпилась прорва народу, но никто не осмелился останавливать Витуса. Он вышел с гордо поднятой головой, медленной походкой направляясь к лошади.

Этим вечером ворота «Бессмертного бастиона» вновь отворились перед ним.

Гость (Интерлюдия)

Парусник пробирался через толщу плотного тумана. На борту находилось двое. За вёслами сидел высокий загорелый мужчина в расцвете сил, облачённый в сверкающий белизной плащ. Его звали Сима. В свободное от работы время он подрабатывает проводником: отвозит желающих на Острова. Один из таких субъектов сидит напротив, опустив голову и закутывая своё тело в рваный плащ. У него нет имени, поэтому мы будем называть его Молчуном.

Две недели назад этот мальчишка (по голосу становилось понятно, что ему едва ли исполнилось двадцать) отыскал его в Нашраме, вручил увесистый кошель рунитов с предложением отвести его на Острова. Договор был заключён, руки пожаты, и на следующий день герои выдвинулись в путь.

Стояла гробовая тишина, нарушаемая работой вёсел.

— Место, — прервал молчание Сима, — очень дурное для путешествий. Но ведь ты это знаешь, не правда ли?

Молчание. Стук волн о корпус судна. Вдали завывали мертвые.

— Догадываюсь, что ты решил отправиться в Гелию. Обычно такие, как ты, без обид, малой, рвутся именно туда. Чёрт их знает, чего им там надо. Возможно, росказней авантюристов наслушались, а быть может за легендами гонятся.

Юноша поднял голову. Провожатый понял, что попал точно в цель.

— Ну, легенды. Легенды — это сказки, и про Острова таких сказок много, на любой вкус и жанр, — Сима опустил вёсла, переводя дух. — Есть сказка про Матерь. Слыхал, нет? Это такая образаина, которая крадёт души и вселяет их в изготавливаемые тела. Жутко, не правда ли? Говорят, её окружает целый скоп убийц, который эти самые души и похищают.

— Охотники.

— А? Ну, да, их охотниками кличут. По легенде, после перерождения Матерь делает каждому из них маску. Медведя, например, волка там и всякой другой живности.

— И крысы.

— Да, парень. И крысы.

Замолчали. Днище лодки коснулось мели.

Молчун был ловким, быстрым существом. Жизнь на улице научила его двум важным наукам: не переходить дорогу чужим и держатся в тени. Этими правилами юноша руководствовался при высадке на Острова. Он миновал беспокойных духов, обходил стороной страшные силуэты в тумане. Несмотря на свою трусость, герой мог дать достойный отпор обидчикам. На его пазухе висел топорик, не единожды запятнанный кровью.

За плотным туманом скрывались свинцовые тучи. Стенали души, в припадке бешенства кричали мертвецы. Герой неуверенным шагом продолжал движения.

«Что я здесь делаю? Куда я иду? Захотел увидеть мать, но захочет ли она видеть меня? Меня, от которого отказалась, меня, которого бросила, меня...» Мимо пронеслась кавалькада мертвецов. Топот копыт, казалось, сотрясал землю. Юноша скрылся за валуном, обратился вслух. И как бы услышал голос своего второго Я, желающий убедить его в правильности действий: «Захочет! Она, которая потеряла, которая не смогла защитить, она желает меня видеть! А Матерь? Отпустит ли она меня, простит ли маму? Загрызли бы волки

эту мегеру! Если не получится по хорошему, придётся по плохому.»

Воодушевлённый Молчун выбрался из укрытия и продолжил шаг. На горизонте сквозь вуаль тумана виднелась Гелия.

Не хватит листа, чтобы описать Гелию. Это был огромный город на берегу моря, некогда свежий и лучистый, ныне же затхлый и мёртвый. Мёртвый, однако не пустой. По улицам бродили многорукие создания, называемые ткачами. В воздухе стаяй падальщиков кружили пожиратели воспоминаний. Это были первые существа, с которыми столкнулся Молчун. Он слышал легенды о них и знал, что с этими образинами лучше не связываться.

Чтобы не связываться с разного рода образинами, дабы не подставлять свою спину под удар, герой шёл подворотнями, скрывался под навесами домов и изредко перебегал улицы. Стояла гробовая тишина, редко прерываемая стуком или криком. Его цель — дворец, был уже недалеко.

«Ну, мама, скоро мы встретимся.»

В помещение с осыпавшимся потолком, разрушенными стенами было темно и сыро. Там стояли, словно сёстры, три трона. Одна хорошенькая, укрытая белой тканью, вторая страшенькая, с распоротым сиденьем, а третья стеснительная, скрывалась во тьме. Стоило Молчуну подойти ближе, во мраке показался сидящий силуэт.

— Ты потерялся, малыш? — его голос был хриплый, скрипучий, словно ножка стула.

— Я ищу Матерь.

— И ради этого ты ворвался в чужой дом, потревожил покой принца? Суший беспредел!

— Где она? Говори, если жизнь дорога!

Послышался хохот, тень растворилась во мраке. Он был везде и нигде одновременно, лишь два тусклых огонька мелькали перед взором юноши. Молчун достал топорик, взмахнул наотмашь. Промазал. Сделал ещё один удар. Снова промах. Из мрака броском кобры появилась рука; она схватила запястье юноши, притягивая к себе.

— Ещё один проситель, ещё один труп, — хозяин хриплого голоса носил маску ворона; её окаймляла пышная седая шевелюра. — Ты — жертва любви, ребёнок вечного охотника и человека. Опять. Снова. Снова эти ошибки!

Молчун дёрнул руку, замахнулся топором. Встретилась сталь. Старик парировал мечом. Ловко и проворно он отводил удары, но ему не доставало силы, и герой понимая это, напирал всем телом. Его оппонент поддавался назад и через несколько шагов, получив косым ударом, пал ничком, неистово вопя.

— Проклятые! Проклятые вернулись! Спасите! Спасите!

В коридоре послышалось копошение. И через мгновение несколько фигур ворвались в помещение. В темноте их глаза сверкали лазурными всполохами. «Вечные охотники. Дело кончено. Мне не жить!». Как подозреваемый, виновный ли, нет ли, убегает с места преступления, так и Молчун кинулся бежать. Он понадеялся вылезти через окно. Прыгнул на трон, зацепился за уступ, подтянулся. И, когда потянул ладонь к оконной раме, его ногу пронзила чудовищная боль.

Он замахал руками, словно птица, пытающаяся взлететь, и стал падать, но стрела, вонзённая в голень, пригвоздила его к стене. Юноша повис головой вниз, вереща и дёргаясь, как рыба в сети, тем самым лишь усугубляя своё положение. В одночасье боль достигла своего пика, тело сорвалось вниз, и наступило долгожданное забытие. Последнее, что

помнит Молчун, это окружившие его лазурные огоньки.

После проигранного боя Молчуну методом прижигания обработали ногу и расположили в темнице. Это было место, куда не попадал солнечный свет, где не было ничего, кроме голых стен и голодных крыс. Здесь бродили неупокоенные призраки, сидели скелеты покрытые третьим слоем пыли.

Потерявший много крови, ослабленный Молчун дожидался своей участи. Помилуют или казнят — не имеет значения, главное — заберут из этого ужасного места. Дождался.

Дверь камеры открыл массивный силуэт. Он прошёл внутрь, вставляя факел в настенный держатель. Это было существо, носящее маску медведя, аккуратно облачённое в эпанчо. Прибывший смерил героя долгим пытливым взглядом, после как-то по-отечески вздохнул и сел рядом.

— Не будем тянуть, — не стал тянуть Молчун. — Кто вы, и что вам надо? Пришли насмеяться над жертвой неудачной любви, над итогом кровосмешения?

— Не презренье к тебе, а скорбь о твоём горестном уделе, — отвечал Медведь с теплотой в голосе. — Вошла мне в душу и осталась там.

Молчун опешил. Он никак не мог рассчитывать на подобное отношение к своей, кою и сам ненавидел, персоне.

— Я хочу услышать твою историю, мальчик. Расскажи её.

И он рассказал. Рассказал про жизнь на улице, про воровство и лишения, про боль и обиды, презрение и ненависть. Молчун рассказал. Всё рассказал. Медведь кивал, но едва ли этот рассказ его растрогал. В конце встал, отряхнулся и вышел из камеры, запирая дверь на ключ.

Когда факел потух, Молчуна увели на плаху.

Они стояли у лестницы, ведущей в подземелье, дожидаясь Медведя. Стояла Крыса, Овечка сидела на Волке. Их разговоры касались Молчуна и его участи.

— Он так похож на меня, о, он так похож! — плохо скрывая нервы, лепетала миниатюрная женщина в маске Крысы с тонким станом и ржавыми, словно рыболовные крючки волосами. — Это необходимо, нужно его... О, нет, нет, я не могу, как же я... Как же на это решиться...

— Он сам виноват. Сам пришёл, и сам положил голову на плаху, — Овечка была холодна, своими речами, словно острыми ножами, проводила по сердцу Крысы.

— Может, побе... Нет, конечно, нет. А что если я поговорю с Матерью, что если... — она замолкла, стоило Медведю появиться. — Медведь! Ах, это ты, ты уже был у него? Как... Как он сюда попал, ты узнал, ты ведь должен был узнать...

Мужчина не ответил. Положил увесистые ладони на плечи Крысы, прижал к себе; уста его шептали:

— Нет жизнь, в этом мире...

Мать стояла на балконе дворца, пристально внимания за событиями разворачивающимися внизу. Для казни всё было готово. Медведь тащил виновника, Волк и Овечка стояли у топора. На сцене появилась Крыса. Она бегло подбежала к юноше, крепко обняла его, а после, словно ошпарив ладони, отбросила назад и убежала в неизвестном направлении.

— Вертегузка, — комментировал старик. — Всё у них зудит, всё никак не наτραхаются. А потом такие вот уродцы рождаются.

Мать не ответила. Её внимание было приковано к юноше. Его расположили на плахе, Овечка занесла топор для удара. Он умолял о милости, говорил, что будет верным последователем, и честным слугой. В одночасье замолк, а его голова, с открытым ртом скатилась с эшафота, оставляя за собой дорожку из крови.

Выбежала Волчица. Она схватила голову, насадила на пику и победоносно подняла к небу.

А тем временем, где-то рыдала Крыса, слишком чуждая людям, слишком далёкая для вечных охотников. Она поняла, что любовь есть самое страшное проклятье, и цена за него — жизнь. Было глупо рассчитывать, что после всего произошедшего её оставят в покое. Она дефектная. Охотник с эмоциями становится добычей; от таких избавляются, и она смиренно ждала той минуты, когда сможет смыть позор кровью. Но это уже совсем другая история...

Больше книг на сайте - Knigoed.net